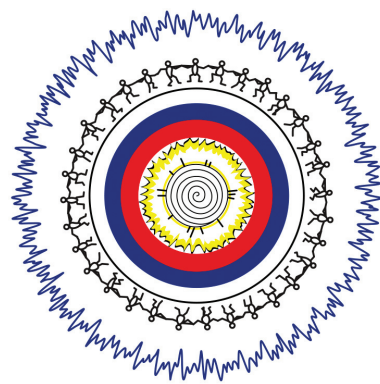

АССОЦИАЦИЯ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE RUSSIAN ASSOCIATION
OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

ГОЛОС СЕВЕРА

THE VOICE
OF THE NORTH

АССОЦИАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОЛОС СЕВЕРА

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

THE RUSSIAN ASSOCIATION OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH

THE VOICE OF THE NORTH

DISTRIBUTED FREE OF CHARGE

THE RUSSIAN ASSOCIATION OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH

THE VOICE OF THE NORTH

*Anthology of works by participants
of the Second literary competition
“Voice of the North”*

St. Petersburg
Presidential Library
2020

АССОЦИАЦИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОЛОС СЕВЕРА

*Сборник произведений участников
Второго литературного конкурса
«Голос Севера»*

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2020

УДК 821
ББК 84(21)я43
Г61

Издание выпущено при поддержке ООО «Иркутская нефтяная компания»

Ассоциация КМНСС ДВ РФ благодарит за содействие
и помощь в издании сборника
и. о. генерального директора ФГБУ «Президентская библиотека
им. Б. Н. Ельцина» *П. Г. Терещенко*,
директора Санкт-Петербургского филиала
ОАО «Издательство „Просвещение“» *С. Ф. Зубова*,
художника *Владимира Самара*
Перевод на английский – *Саймон Паттерсон*

Редакторы-составители:

*Вейсалова Нина Глебовна, Рябчикова Зоя Степановна,
Чернышова Светлана Леонидовна, Бельды Екатерина Николаевна,
Рудинская Вера Николаевна*

Голос Севера : сб. произведений участников Второго литературного
Г61 конкурса «Голос Севера» / Общероссийская Ассоциация коренных
малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской
Федерации; ред.-сост. Вейсалова Нина Глебовна [и др.]. – СПб.: Прези-
дентская библиотека, 2020. – 323 с.: ил.
ISBN 978-5-6042138-0-3

Настоящее издание является итогом Второго литературного конкурса «Голос Севера». В сборнике представлены произведения как известных, так и начинающих писателей-северян, прошедшие конкурсный отбор в номинациях «Проза на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с переводом на русский и английский языки» и «Поэзия на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с переводом на русский и английский языки». Издание рекомендовано школьникам, родителям, учителям и преподавателям родного языка, литературы и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, а также читателям, интересующимся современным литературным творчеством северных этносов, его национально-культурным своеобразием, лексическим богатством языка. Все тексты на родных языках публикуются в авторской редакции.

УДК 821
ББК 84(21)я43

© АКМНСС и ДВ РФ, 2020
© Н. Г. Вейсалова, З. С. Рябчикова, С. Л. Чернышова,
Е. Н. Бельды, В. Н. Рудинская, составители, 2020
© Президентская библиотека, 2020

ISBN 978-5-6042138-0-3

The publication was issued with the support of Irkutsk Oil Company LLC

The RAIPON association would like to thank for assistance
and help in publishing the anthology:

acting general director of the Presidential Library

P. G. Tereshchenko,

director of the St. Petersburg branch of Prosveshchenie Publishers

S. F. Zubov,

artist *Vladimir Samar*

English translation – *Simon Patterson*

Editors and compilers:

*Nina Glebovna Veisalova, Zoya Stepanovna Ryabchikova,
Svetlana Leonidovna Chernyshova, Ekaterina Nikolaevna Beldy,
Vera Nikolaevna Rudinskaya*

Voice of the North: anthology of works by participants of the Second literary competition “Voice of the North” / The Russian Association of Indigenous Peoples of the North; edited by Veisalova, Nina Glebovna [et al.]. – St. Petersburg: Presidential Library, 2020. – 323 p.: il.

ISBN 978-5-6042138-0-3

The present publication is the result of the Second literary competition “Voice of the North”. The anthology contains works of both well-known and new northern writers, who passed the competition selection in the categories “Prose in the languages of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation with translation into Russian and English” and “Poetry in the languages of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation with a translation into Russian and English”. The publication is recommended to school pupils, parents, teachers, and lecturers of the mother tongue, literature, and culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation, and also readers interested in the contemporary literary works of northern peoples, their national and cultural uniqueness and lexical wealth of language.

All texts in indigenous languages are published in the author’s edition.

© RAIPON, 2020

© N. G. Veisalova, Z. S. Ryabchikova, S. L. Chernyshova,
E. N. Beldy, V. N. Rudinskaya, editors and compilers, 2020

© Presidential Library, 2020

ISBN 978-5-6042138-0-3

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

О втором литературном конкурсе «Голос Севера»	16
About the Second literary competition “Voice of the North”	19
Приветствие президента Ассоциации КМНСС и ДВ РФ	
Г. П. Ледкова	22
Welcome by the president of the RAIPON Association	
G. P. Ledkov	24
Приветствие председателя жюри А. В. Кривошапкина...	26
Welcome by the jury chairman A. V. Krivoshapkin	28
Приветствие члена жюри В. Н. Рудинской.....	30
Welcome by jury member V. N. Rudinskaya	32

Произведения, вошедшие в шорт-лист в номинации

**«Проза на языках коренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока
Российской Федерации
с переводом на русский и английский языки»**

**Works on the short list of the category
“Prose in the languages of indigenous peoples
of the North, Siberia, and the Far East
of the Russian Federation
with translation into Russian and English”**

<i>Валентина Лебедева (вепский язык)</i>	
Varu	34

Страх.....	46
Valentina Lebedeva (<i>Veps language</i>)	
Fear.....	55
Маргарита Пяк (<i>ненецкий язык</i>)	
Фуфайка.....	64
Фуфайка.....	70
Margarita Pyak (<i>Nenets language</i>)	
The Jersey.....	75
Эльвира Серасхова (<i>хантыйский язык</i>)	
Удапса юш хуват.....	80
По дороге жизни.....	85
Elvira Serashkova (<i>Khanty language</i>)	
On the Road of Life.....	89
Евгения Роганина (<i>долганский язык</i>)	
Маача эмээксин.....	93
Мария.....	99
Evgenia Roganina (<i>Dolgan language</i>)	
Maria.....	105
Матрена Талеева (<i>ненецкий язык</i>)	
Ватора’ма.....	112
Обещание.....	135
Matryona Taleeva (<i>Nenets language</i>)	
The Promise.....	156
Ирина Потапова (<i>телеутский язык</i>)	
Пистиң јозоқ. Јараштық.....	181
Обряд телеутов.....	183
Irina Potarova (<i>Teleut language</i>)	
The Rite of the Teleuts.....	186

Инна Ферко (<i>эвенкийский язык</i>)	
Нимңакан хисэмэли илэли-Кигиляхтули.....	188
Легенда о каменном человеке – Кигиляхе.....	190
Inna Ferko (<i>Evenk language</i>)	
The Legend of the Stone Man-Kigilyakh	192

**Произведения, вошедшие в шорт-лист
в номинации**

**«Поэзия на языках коренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока
Российской Федерации
с переводом на русский и английский языки»**

**Works on the short list
of the category
“Poetry in the languages of indigenous peoples
of the North, Siberia, and the Far East
of the Russian Federation
with translation into Russian and English”**

Дмитрий Вайзгун (<i>нивхский язык</i>)	
К’уты.....	198
Протока.....	199
Dmitry Vaizgun (<i>Nivkh language</i>)	
The Stream	200
Ма	201
Юкола.....	202
Yukola.....	203
Михаил Кривошапкин (<i>Киргэмбис</i>) (<i>эвенский язык</i>)	
Эвэды төрэн.....	204
Эвенский язык	205

<i>Mikhail Krivoschapkin (Kirgembis) (Even language)</i>	
The Even Language.....	206
ЭВЭН БИХЭМ	207
Я – эвен	208
I am an Even	209
Иуэньгидэ осикат хэрдэлин	210
Под нашей Полярной звездой	211
Under our Polar Star	212

Произведения литературного конкурса

Works of the literary competition

<i>Эжана Атласова (перевод на эвенкийский язык В. Дуткиной)</i>	
Улгур Багдама Орондули	216
Легенда о Белом Олене.....	219
<i>Ezhana Atlasova (translation into the Evenki language by V. Dutkina)</i>	
The Legend of the White Deer	222
<i>Наталья Бельды (нанайский язык)</i>	
Эм эрдэңгэ.....	226
Случай из жизни	228
<i>Natalya Beldy (Nanai language)</i>	
An Incident of Life.....	230
<i>Ольга Вершинина (вепсский язык)</i>	
Kodijured	232
Родные корни.....	233

<i>Olga Vershinina</i> (<i>Veps language</i>)	
The Spirit of the Forest.....	234
<i>Евгений Гудан</i> (<i>нивхский язык</i>)	
Чинр ңаңыңнивх.....	235
Горе-охотник.....	237
<i>Evgeny Gudan</i> (<i>Nivkh language</i>)	
The Woeful Hunter	240
Яңгур Лер Миф хитв мудь	243
Как Сахалин островом стал.....	246
How Sakhalin Became an Island	249
<i>Любовь Демина</i> (<i>юкагирский язык</i>)	
Йархадие	252
Щокур	253
<i>Lyubov Demina</i> (<i>Yukagir language</i>)	
Shchokur.....	254
Курчэң лэбэйдии.....	255
Клюква.....	256
Cranberry.....	257
<i>Никита Королёв</i> (<i>перевод на алеутский язык Е. Солованюк</i>)	
Агитаадаас.....	258
Друзья	259
<i>Nikita Korolyov</i> (<i>translation into the Aleut language</i> <i>by E. Solovanyuk</i>)	
Friends.....	260
<i>Кирилл Косыгин</i> (<i>перевод на корякский язык О. Болотаевой</i>)	
В’онаэльг’апэль Лымн’ыль	261
Девушка-шишечка.....	262

<i>Kirill Kosygin</i> (translation into the Koryak language by O. Bolotaeva)	
The Pinecone Girl	264
<i>Изабелла Курусканова</i> (челканский язык)	
Алтайымнын тахлары	266
Духи гор Алтая	267
<i>Izabella Kuruskanova</i> (Chelkan language)	
Altai Mountain Spirits	268
<i>Ольга Лелятова</i> (мансийский язык)	
Лõпың я вāтат	269
На берегу речки Лопынг	271
<i>Olga Lelyatova</i> (Mansy language)	
On the Bank of the Lopyng River	273
<i>Анжела Мувчик</i> (перевод на уйльтинский язык Е. Бибиковой)	
Пурэ иттэурини	275
Таежный спектакль	277
<i>Anzhela Muvchik</i> (translation into the Uiltin language by E. Bibikova)	
Taiga Concert	279
<i>Зоя Новьюхова</i> (хантыйский язык)	
Парасковья эвием	281
Парасковья доченька	282
<i>Zoya Novyukhova</i> (Khanty language)	
Paraskovya, My Daughter	283
<i>Иоанн Солованюк</i> (перевод на алеутский язык Г. Яковлева)	
Хаанукучаһ	284
Нерочка	285

<i>Ioann Solovanyuk</i> (translation into the Aleut language by G. Yakovlev)	
The Red Salmon.....	286
Олеся Хандыбина (хантыйский язык)	
Апрэң ёшэп	287
Мастерицы	289
Olesya Khandybina (Khanty language)	
Craftswomen	291
Марина Эльтун (нанайский язык)	
Гучкули	293
Красота	295
Marina Eltun (Nanai language)	
Beauty.....	297
Хисаңго.....	299
Разговор.....	301
Talk.....	302
Юрий Юхновец (перевод на эвенкийский язык С. Дмитрие- вой)	
Адярили Аякчанали.....	302
Легенда о Спящей Красавице	305
Yury Yukhnovets (translation into the Evenk language by S. Dmitrieva)	
The Legend of Sleeping Beauty	307
Жюри Второго литературного конкурса «Голос Се- вера»	310
Jury of the Second literary competition “Voice of the North”	311

Состав экспертной группы Второго литературного конкурса «Голос Севера».....	312
Members of the expert group of the Second literary competition “Voice of the North”	314
Сведения об авторах и переводчиках	316
Information about authors and translators	319

О Втором литературном конкурсе «Голос Севера»

2019 год провозглашен Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Международным годом языков коренных народов. В связи с этим Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации было принято решение объявить две номинации в рамках Второго литературного конкурса «Голос Севера»: «Проза на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с переводом на русский язык» и «Поэзия на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с переводом на русский язык». Это всецело способствует привлечению внимания к возможной утрате родных языков и необходимости поддержки их развития.

Литературный конкурс «Голос Севера» проводится Ассоциацией с 2017 года. По итогам первого конкурса был издан сборник работ финалистов, в который включены лучшие литературные произведения именитых авторов и молодых дебютантов, вошедшие в шорт-лист конкурса.

Главными задачами литературного конкурса «Голос Севера» являются:

- сохранение и развитие литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;

- содействие развитию творческого потенциала талантливых писателей, рассказывающих о жизни, быте, традиционных ценностях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- популяризация лучших произведений современных авторов, вносящих свой вклад в сохранение литературной самобытности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- сохранение и развитие родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- выявление и поддержка талантливой творческой молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Прием творческих работ Второго литературного конкурса «Голос Севера» осуществлялся в период с 10 мая по 1 октября 2019 года. На конкурс поступили произведения, написанные преимущественно на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, с переводами на русский язык. Работы, не соответствовавшие положению о конкурсе, жюри к рассмотрению не принимало. Всего во втором литературном конкурсе «Голос Севера» участвовало 92 работы 44 авторов на шестнадцати языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (алеутском, вепсском, долганском, корякском, мансийском, нанайском, ненецком, нивхском, телеутском, уйльтинском, ульчском, хантыйском, челканском, эвенкийском, эвенском, юкагирском).

Жюри и экспертами был сформирован шорт-лист конкурса и принято решение учредить в каждой номинации одно призовое место с присуждением звания лауреата

и вручением премии, а также звания дипломантов 1-й, 2-й и 3-й степеней.

Следует отметить, что в первую очередь членами жюри и экспертами – носителями языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – оценивались конкурсные работы на родных языках и степень владения конкурсантов родным языком. По решению жюри к публикации также допущены творческие работы, не вошедшие в шорт-лист.

Все тексты на родных языках публикуются в авторской редакции.

About the Second literary competition “Voice of the North”

The General Assembly of the United Nations declared 2019 to be the International Year of Indigenous Languages. The Russian Association of Indigenous Peoples of the North decided to announce two categories in the Second literary competition “Voice of the North”: “Prose in the languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, with translation, into Russian and English” and “Poetry in the languages of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation with translation into Russian and English.” This helps to draw attention to the possible loss of indigenous languages and the need to support their development.

The literary competition “Voice of the North” has been held by RAIPON since 2017. In the first competition, an anthology of works by finalists was published, including the finest literary works of renowned authors and young debut authors who made it to the competition short list.

The main tasks of the literary competition “Voice of the North” are:

- to preserve and develop the literature of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation;

- to promote the development of the creative potential of talented writers who recount the life, customs, and traditional values of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation;
- to popularize the finest works of modern authors who have contributed to preserving the literary uniqueness of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation;
- to preserve and develop the mother tongues of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation;
- to find and support talented creative youth from the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation.

Creative works of the Second literary competition “Voice of the North” were accepted from the period from 10th May to 1st October 2019. Works were sent to the competition written primarily in languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, with translations into Russian. Works that did not comply with the competition rules were not accepted for examination by the jury. In total, 92 works by 44 authors in 16 languages of indigenous peoples of the North, Siberia, and Far East of the Russian Federation were submitted to the competition (Aleut, Veps, Dolgan, Koryak, Mansy, Nanai, Nenets, Nivkh, Teleut, Uiltin, Ulch, Khanty, Chelkan, Evenk, Even, Yugakir).

The jury and experts formed a short list of the competition and decided to found in each category one prize place with a laureate title and awarding a prize, and also titles of prize winners of the 1st, 2nd and 3rd degree.

We should note that above all the jury members and experts, native speakers of indigenous languages of the North, Siberia, and Far East of the Russian Federation, assessed the competition works in mother tongues and the level of competence in their

mother tongues of competitors. By the decision of the jury, creative works were also published which did not make it on to the short list.

All texts in mother tongues are published in the author's edition.

Уважаемые друзья!

Второй литературный конкурс «Голос Севера», объявленный Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, стал уникальной возможностью для участников показать красоту родного слова и индивидуальное звучание наших родных языков. Родной язык как национально-культурное достояние, великая ценность народа, осуществляет духовную связь поколений, знакомит с нормами и традициями, формирует этническое самосознание.

Перед участниками конкурса «Голос Севера» стояла важная задача – не просто раскрыть тему традиционного образа жизни и хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, рассказать об обычаях и традициях своего народа, но и выразить свои знания в жанре поэзии и прозы с помощью родного языка.

Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 2019 год провозглашен Международным годом языков коренных народов. Благодаря данной инициативе возросло понимание важности сохранения и развития языков коренных народов как основы нашей идентичности, общего культурного наследия, хранилища уникальных знаний о нашей планете. Я уверен, наш литературный конкурс вносит свой достойный вклад в сохранение языков коренных народов мира.

Дорогие друзья, перед вами итог нашего конкурса. На страницах этой книги звучит голос Севера – многоязычный, яркий, колоритный, самобытный.

Каждый автор, с произведениями которого вы познакомитесь, внес бесценный вклад в развитие родного языка своего народа.

Ассоциация и в дальнейшем будет продолжать уделять особое внимание данному направлению в своей деятельности, поддерживая и развивая литературные таланты народов Севера.

*С уважением,
Григорий Ледков,
президент Ассоциации коренных
малочисленных народов Севера, Сибири
и Дальнего Востока Российской Федерации*

Dear friends,

The Second literary competition “Voice of the North”, announced by the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, was a unique opportunity for participants to show the beauty of their mother tongue and individual sound of our mother tongues. The mother tongue as a national and cultural heritage, a great value of the people, carries out a spiritual connection of generations, tells of norms and traditions, and forms ethnic self-awareness.

Participants of the “Voice of the North” competition had an important task – not only to reveal the topic of a traditional way of life and the economic system of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East, to tell of their customs and traditions of their people, but also to express their knowledge in the genres of poetry and prose through their mother tongue.

The UN general assembly announced 2019 to be the International Year of Indigenous Languages. Thanks to our initiative, an understanding grew of the importance of preserving and developing indigenous languages as the foundations of our identity, common cultural heritage, and storehouse of unique knowledge about our planet. I am sure that our literary competition will make a worthy contribution to preserve indigenous languages of the world.

Dear friends, we present you with the result of our competition. In this book, the voice of the North can be heard – multilingual, vivid, colorful, and unique.

Every author whose works you will read has made an invaluable contribution to developing the mother tongue of their people.

RAIPON will continue to devote special attention to this field of activity, supporting and developing the literary talents of the peoples of the North.

*Yours sincerely,
Grigory Ledkov,
president of the Russian Association
of Indigenous Peoples of the North*

Дорогие друзья!

Отрадно, что наш литературный конкурс «Голос Севера» живет и продолжает развиваться, открывая новые имена и таланты. Особенно радует активное участие молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Два года назад Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации начала серьезную работу по поиску и поддержке новых имен в северной литературе. Первый конкурс объединил как молодых поэтов и прозаиков, так и опытных мастеров литературного слова. Лучшие произведения вошли в первый литературный сборник. Это было началом большого пути. Данный конкурс имеет и общественно-политическое значение. Меня радует, что ассоциация ведет активную работу с молодежью, расширяя сферы ее интересов и участия в многогранной деятельности общественного движения коренных народов. За молодежью будущее российского Севера и Арктики. Важность второго конкурса бесспорна: он объединил участников, пишущих о жизни и быте своих народов на родных языках.

Перед читателем итог колоссальной работы – второй литературный сборник произведений на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Мы становимся свидетелями рождения второй смены творческих имен Севера и Арктики. Безусловно, это и есть голос Севера. Это вдохновляет всех нас. Замечательно то, что на этот раз за основу взят родной язык малочисленных

народов России. Сохранение культуры этих народов зависит от развития и активной жизни родного языка, без живого языка у народов нет будущего.

Я от души поздравляю наших молодых поэтов и прозаиков с творческим началом. Пусть данный коллективный сборник станет для них путеводной звездой созидания. Приятно было читать вполне зрелые творческие работы молодых поэтов и прозаиков. Я уверен, что в скором будущем на нашем северном литературном небосклоне появятся новые творческие звезды.

Пусть будет так.

*Андрей Кривошапкин,
народный писатель Якутии,
лауреат Большой литературной премии России*

Dear friends,

It is heartening that our literary competition “Voice of the North” lives and continues to develop, revealing new names and talents. It is especially pleasing to see the active participation of young people from indigenous peoples of the North, Siberia, and Far East. Two years ago, the Russian Association of Indigenous Peoples of the North began serious work to find and support new names in northern literature. The first competition brought together young poets and prose writers, as well as experienced masters of literature. The finest works were included in the first literary anthology. This was the start of a great path. This competition also has social and political significance. I am glad that RAIPON works actively with young people, broadening the spheres of its interests and participation in the multifaceted activity of the public movement of indigenous peoples. The future of the Russian North and the Arctic lies with youth. The importance of the second competition is undoubted: it has brought together participants who write about the life and customs of their peoples in their mother tongues.

This is the result of colossal work – the Second literary anthology of works in the indigenous languages of the North, Siberia, and Far East. We are witnessing the birth of a second wave of creative names of the North and Arctic. Undoubtedly, this is the voice of the North. This is an inspiration to us all. It is noteworthy that this time, the mother tongues

of the indigenous peoples of Russia forms the foundation. Preserving the culture of these peoples depends on the development and active life of the mother tongue, without a living language peoples have no future.

I heartily congratulate our young poets and prose writers on embarking on their creative careers. May the collective anthology become a guiding star creation. It was pleasant to read quite mature creative works by young poets and prose writers. I am sure that in the near future new creative stars will rise on our northern literary horizon.

May this come to pass.

*Andrei Krivoschapkin,
national writer of Yakutia,
winner of the Great literary prize of Russia*

Дорогие друзья!

Перед вами сборник Второго литературного конкурса Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации «Голос Севера».

Особенность этого издания в том, что оно содержит произведения на родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, а также переводы на русский язык. 2019 год объявлен Международным годом языков коренных народов, и наш сборник отражает яркий колорит и богатство языкового многообразия нашей страны.

Национальная литература народов России самобытна и оригинальна, поскольку корнями уходит в устное народное творчество. Ныне сокровищницу мировой литературы невозможно представить без произведений, созданных талантливыми представителями народов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Художественное творчество народов Севера является отдельным направлением в литературе благодаря ярким именам писателей-северян, ставших классиками русской и мировой литературы. Вспомним замечательных авторов романов, повестей, рассказов о жизни и сильных характерах оленеводов, рыбаков, охотников, об их порой трагической судьбе – Юрия Рытхэу, Алитета Немтушкина, Ювана Шесталова, Любови Ненянг, Леонида Лапцуя и многих других.

Большого уважения заслуживают авторы настоящего издания, произведения которых рассказывают о жизни простых тружеников тундры, об обычаях и вековых традициях, сохраняемых нашими людьми, их бережном отношении к природе, ведь для нас природа – это родной дом.

Жюри конкурса и эксперты отметили уникальность данного сборника, потому что на его страницах мы слышим голос многоязычного Севера.

Интересен рассказ «Страх», в котором знание обычаев, соблюдение законов тайги помогли главной героине спастись. Или история о тяжелой судьбе простой долганки, пережившей страшную трагедию – потерю семьи, но сохранившей доброту и веру в людей.

Начинающие авторы пишут от души, искренне рассказывают о жизни своих героев, прежде всего об отношении к своим корням, уважении к своему роду, о важности изучения истории своей земли, своего народа, языка. Мы уверены, что в будущем литературный конкурс «Голос Севера», организованный и проводимый Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, откроет немало новых одаренных поэтов и прозаиков.

Эта книга будет полезна и школьникам на уроках родного языка, и студентам, изучающим родной язык, подойдет она и для семейного чтения. Исследователи, изучающие культуру и быт народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, также найдут в ней много интересного.

*С уважением,
Вера Николаевна Рудинская,
член жюри
и координатор его работы*

Dear friends,

You are holding in your hands an anthology of the Second literary competition of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, “Voice of the North.”

This anthology is special because it contains works in the mother tongues of indigenous peoples of the North, Siberia, and Far East of Russia, and also translations into Russian and English. 2019 was declared the International Year of Indigenous Languages, and our anthology reflects the vivid color and richness of the linguistic diversity of our country.

The national literature of the peoples of Russia is unique and original, as it has its roots in oral folk culture. Today, it is impossible to imagine the treasury of world literature without works written by talented members of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation.

The artistic creativity of the peoples of the North is a separate field in literature thanks to the vivid names of northern writers, who became classics of Russian and world literature. We may recall the wonderful authors of novels, tales, tales of the life and strong characters of reindeer herders, anglers, and hunters, and their sometimes tragic fates – Yury Rykhteu, Alitet Nemtushkin, Yuvan

Shetalov, Lyubov Nenyang, Leonid Laptsov, and many others.

The authors of the present anthology deserve great respect, whose works tell of the life of simply workers of the tundra, the customs and centuries-old traditions, preserved by our people, their careful attitude to nature, for nature for us is our native home.

The competition jury and experts noted the uniqueness of this anthology, because on its pages we hear the voice of the multilingual North.

The story “Fear” is interesting, in which the knowledge of customs, observing the laws of the taiga helped the main character to save herself. Or the story of the tough fate of a simple Dolgan woman who experiences a terrible tragedy – the loss of her family, but who preserves kindness and believe in people.

Starting authors write from the heart, and sincerely recount the life of their characters, above all the attitude to their roots, respect for their family, the importance of studying the history of their land, their people, and language. We are sure that in future, the literary competition “Voice of the North,” organized and carried out by the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, will reveal many new talented poets and prose writers.

This book will be useful for school pupils in lessons of the mother tongue, and students studying their mother tongue. It will also be suitable for family reading. Researchers studying the culture and customs of the peoples of the North, Siberia, and the Far East will also find many interesting things here.

*Yours sincerely,
Vera Nikolaevna Rudinskaya,
jury member and work coordinator*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ВОШЕДШИЕ В ШОРТ-ЛИСТ
В НОМИНАЦИИ
«ПРОЗА
НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
С ПЕРЕВОДОМ НА РУССКИЙ
И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ»

ΠΡΟΖΑ

WORKS
INCLUDED ON THE SHORT LIST
IN THE CATEGORY

“PROSE IN THE LANGUAGES
OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH, SIBERIA,
AND THE FAR EAST
OF THE RUSSIAN FEDERATION
WITH TRANSLATION
INTO RUSSIAN AND ENGLISH”

PROSE

Валентина Лебедева

VARU

– Segoin!.. Minä segoin!

Nened vaihed agjata lösoi päs i andoiba Natoile mugoman varun, miše rajaziba joksta pihkhu. Paksud, ei korktad kuzed levitiba oksad i restiba päspäi paikan, taciba hibusihe kuivid kavgid, pahas tabaziba hijamos, rebitiba sen i Natoi azoni. Joksta oli ei kuna, ten soubisiba nored kuzed, konz-se hö oliba ištutet mecnikoil' i nügüd' seižuiba läbipäzumatomal jonol. Pihkus oli pimed, ed i sanu, miše om vaiše nel' časud, näguihe, om jo eht. Südäin' löuhe muga, miku ladi lähtta rindhoišpäi, varu i opak tötüiba Natoin.

– Kus om päiväine? Kus? – Natoi kacuhti taivhale. No päiväšt miku elen-ki, jügedad hahkad pil'ved zaimiba kaiken taivhan, i Natoi voikaškanzi sures tuskas:

– Sünduižem, mi minunke linneb, jöse minä jän tänna öks?! Ei, ei, minä en iznesi necidä gor'ad, minä surmhasai vareidan pimedad öd! Päiväine ku lähteži, ka siloi minä el'gendan, kus om kodi, miččehe polhe tarbiž minei astta! I mikš minä joksenzin' nenile bahaloukuile jäl'ghe, evo, kuna mindei toiba, seižtas nügüd', prokljatid'!

Ruzakhad bahaloukud vaugištiba kuziden al, i niken jo kactes heihe ei ihastun. Natoi verdugandke potkeiži ühten bahaloukun i äkkid' azotihe:

– Min' mä radan-se, meletoi? Varuspäi melet-ki kaik hajoitin! Mikš minä lain i jöhtutan mechizen, ku olen jo putnu hänen käzihe?! Tarbiž tüništuda i čomašti kaceltas ümbri, ika völ hondomban ičelein' voin' tehta.

Natoi pühki paikal modon, se oli märg kündlišpäi i higospäi, pudišti kavaged päspäi i hardjoil'päi, sugi hibused i homaiči mastnän, kudamb seižui jaugoiš. Sigä pohjal pl'onkasižes šougus venuiba koumo prjanikad, väheine kanfetoid' i korop spičkoidenke.

– Kut mä čomin' radoin', miše spičkad otin, kut taht, a heidenke hengel paremb linneb... ku lähteb mi!

Neniš vaihišpäi «ku lähteb mi», Natoile möst tegihe žal' ičtaz, hän it'keškanzi i oti melehe lähtta kuzištospäi. Tihedas kuzištos homaiči harvemban tahon i zavodi ličtäs paksuide oksoide keskhe, oksad nikut ei annusoi i seižuiba seinän vuiččikš. Kuzištospäi Natoi läksi kombuil' i konz oigenzi sel'gan, ka nägišti, miše taho om tundmatoi, pimed, taivaz hahk, päiväšt ei i nägu, i tusk miku piht'hil' kingiti rindhad. Natoi ištuihe langenudele pule i zavodi meletada i muštelta, mi tarbiž rata, konz segoid mecas. Hengel tegihe karged, konz hän el'genzi, miše tedab i muštab vähan, kaikiš nevondoišpäi tuli mel'he vaiše se, kus patakoičihe heit'a soba, käta murnapolele i pudištada. Natoi libui, heiti kurtkan, kändi murnapolele i pudišti sen vaihidenke:

– Mechine, mechine! Pästa mindei pahiš käzišpäi!

Korged hab šobaidaškanzi lehtesil', šobaidus völ ližazi holt, kaks' pakušt lehtut lanksiba jaugoiden alle i jöhtutiba Natoile, miše om jo sügüz'ku, pigai lindäs vihmad i lehtištonlähtend, i möst varu särgi nahkan muga lujas, miše tegihe taht joksta mecaspäi, ei seišta, a löuta hot' mitte-ni znam, kudamb ozuteiž, kus om tropaine. Natoi zavodi kacta, miččes poles puil' om samal,

miše tedištada, kus om suvi, no samal korbes kazvoi kaikjal, i Natoi voikaškanzi:

– Ižandeižed-emägeižed! Algat-ko tö käregakoi minun päle sen täht, miše minä mecha tulin – en pakičenus, bahaloukuid kerazin – spasibod en sanun, abutagad minei sadas kodihe!

Hab möst šobaidaškanzi, i kebn' vauktahk pil'vut libui i lendi lanktenuden pun juriden alpei.

– Mi nece om? Kuspei-k hän otihe nece savu? Sünduižem, minei mugoi om varu! – kündled joksiba i joksiba, nadeimato-muz' oti kaiken vägen, meletuz', miše ö tarbiž linneb vastata mecas, töuduti südäimen živatoiden vuiččel varul. Natoi pani päle soban, – kormanaspäi lanksi kanfet leht, oti mast'nän i mäni kuna jaugad astuiba, vaiše ku hot' kuna-ni astta, ei seišta, – putta kodihe, kodihe! Päliči tes venuiba piringol sortet pud. Sur'kulud habad oliba kätet tulleižel maspäi juridenke, ühthe habaha iški samaldus, se taho oli räzahtoitud pärapuikoile, tüvi oli särktut i eskei punotet ümbriže, i Natoid' pöl'gastoiti tulleižen vägi. Meles-ki ei san pidäda, miše ken-se võib astta kohtha päliči necidä murtet mecad, i Natoi astui i znamoiči, kut oiktas venu-das pud: jur' – jurehe, ladv – ladvaha, lehtud oliba völ vihandad, – piring tägä oli täl kezal.

– Ka, ühtes jumalanjurus oli ani sur' samaldus, näge-ku kuna iški, – tuli meletuz' mel'he i Natoi astui i astui agjata. Mec kaiken oli pimed, vastha ei tulen ni ühted tropašt ni živatan, ni ristitun.

– Mijak hän ei ole lehmiden tropaižid'? Minä vet' olen en edahan kodišpäi, lehmäd tägä käveltas, – muga meleti Natoi i homaiči kanfet lehtun.

– Ka vet' necen lehtun minä i kirbotin', kävelen ičein' jäl'gid'me! Mechine mindei vedeleb!.. – kibištaškanzi südäin' kareižen, i vihman tipp langez' kädele.

– Vaiše vihmad minei ei i fatin! – Natoi oti mastnän, viškeiži bahaloukud, sai spičop koroban, käri pl'onkaha i tungi sen kur-

tkan kormanaha. – Ei tarbiž märktutada spičkoid’! Kuverz’ om aigad?

Časud ozutiba sičime časud.

– Sünd sä Sötei! Hämär jo tegese... Susedad nägiba, kut mä mecha mänin, vaiše homen homaitas, miše minä en pörnus kodihe öks...

Hän udes ištuihe sortet pule, – varu katkeiži jaugad, jäl’ges rušihe alastomaks, kändi murnapolele kaik sobad i pudišti ned, eskei i lifad. Vihmad völ ei olen, miku vihm ei tedan – vihm da vai ei, vaiše harvašti taivaz taci henoid tippuid. Natoi sobihe, seižutihe kombuille, i zavodi loičeda, muštelta vepsoiden valitet vajhed, kudambed konz-se kuli:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь!

Läksin’ minä blaslovas,
mecha tulin’ blaslovas,
kuldaštme da kujoštme,
hobedadme tehutme.
Vastsin’ mustan gadan,
hapanuden haban.
Hapanudel hagol
ištub káč-kägerič,
sospäi sadut,
vedespäi vedatut,
vas’khižen-se nökanke,
roudeižen-se kündenke.
Vas’khižel da hökal,
roudeižel da kündel
kabičeb i labičeb
minun pahan tuskan,
minun huban duman,
minun prizoran,
minun segoindan.

Tedab minun maman,
tundeb minun tatan,
mindei gor'as pästab
hüväle da elole
igaks kaikeks. Amin'.

Nece ei olen puhutez, Natoi nid' ei tedan. Nened vajhed hän kerazi i sidoi ühthe sidomusehe vaiše nügüd', hän südäimel riži neniš vaihiš igahižen vägen. Mecas nened vaihed kuluiba toižin', erižin', mec miku kulišti loičendan i ei jo muga kingitan Natoid' varul i tuskal, eskei i il'm ümbri Natoiš tegihe pehmdemb i lämmemb. Hän necen mui i lugi «Otče naš» i völ ližazi iče-saspäi:

– Kaikuččes čogaižes om minus taguiči Jumalaine! Ülähaine-Alahaine! Ala taci mindei!

Vauktahk pil'vut möst lendi juriden alpei, leveganzi madme, no ei jo muga pöl'goitan, Natoi libui kombuil'päi, oti kädhe kanfetan i pani juriden alle vaihidenke:

– Ižandeizhed-emägeizhed! Otkat tomeine minuspäi, kitmatomaspäi! Prost'kat, ku tegin' abidan i abutagat minei lähtta mecaspäi!

Natoi kumarzihe koumo kerdad nel'läle polele i hänele tegihe kebnemb henkt'a, südäin' miku tüništui i Natoi boikašti astuškanzi iče ei tedan – kuna. Korvad taboiteliba kaiken mec äned, – ei ik kus nuta koir, möngahta lehm, – no ümbri ei kulun nimidä, ni üks' lind ei pajatan, vaiše vezi furskui jaugoiden al, šobaizi samal, da katksiba oksad ken'gan al. Mec nügüd' tegihe vesslemb, vaugištuškat'he koivud, i Natoi kulišti miččen-se judun.

– Ei-ik mašinan judu kulub?

Hän mäni judule vastha i el'genzi, miše nece vezi brunčib koskil'.

– Jogi, jogi!!! – ahkahti ihastusiš Natoi i joksi jogenno, miku vastsi heimokundan.

Jogi kukištui kivihe, tegi vahtod, vezi siš tahos oli kingitut mürkil', korktoil' randoil', sur'kulud kived venuiba randadme, vezi oli must, no Natoile näguihe čomaks i sel'kt'aks. Hän joksi randadme ülähaks jogedme i oli suriš ihastusiš:

– Korktad slavad Sinei, Jumalaine, spasib!!!

Mürk rand zavodi lasktas alahaks, Natoi tezi, miše edemba randadme lindäs nitüd, kus heinätadas. A kus heinän tehtas, ka sid'päi i tehut-ki kodihe vöb!

– Oh!.. – ohkahti Natoi i lopsahti randale, ihastusespäi jäkkid' läksi kaik vägi, a käded i jougad tudegat'he. Natoi kacuhti časuihe i el'genzi, miše nadeidas ole ei mille, magata tarbiž linneb mecas, jogenno. Nügüd' jo nece tedand ei muga pöl'goitan, hän tezi, miše homensou putub kodihe, spičkad i koumo prjanikad hänel oma, vaiše ku ei vihmuiž. Natoi libui, korged krež venos pästi händast nitüle, kudambal seižui kaks' aidoitut kegod.

– En üks' minä mecas magada, mecnikad i kalanikad-ki magatas! – tüništoiti iče ičtáz Natoi i pätti: – Öks ličomoi kegoho, hüvä oliž, ku löudeižin pordhan vai sabilahan, siloi libuižin' kegon päle, varu om mal venuda.

Hän zavodi eč't'a sabilahan i löuzi šalašin' levedan i tihedan kuzen al, sid-žo oliba pažagan jäl'ged i möst ihastuz' töuti südäimen:

– Naku ei amu oliba ristitud i minä tedan, miše lähten heidennoks!

Kuni ei tehnuš pimed, Natoi kerazi hiled kogoho, toi hagoid', klakun hein'ad kegospäi i leviti sen šalašiš. Pažag pigei viriganzi, Natoi toi sangtan hagon i pani pažagaha, – se hät'ken šaiškab, ei anda sambuda lämoile. Hämärzui pigei, Natoi vareiži pimedad öd i zavodi muštelta kaik baban nevondad, kut kaitas toižiš polišpäi. Söda ei tahtoinus, no Natoi söi prjanikan, joi jogespäi vet i andoi jogege kanfetan:

– Na-ko, sula jogut, maged tomaine minuspäi!

Kanfet bul'skahti mustaha vedehe, jogespäi vedi vilul, i Natoile möst tegihe tusk:

– Õn mänetan mecás, varastan homensen. Taivaz pil'viš om, hallad ei linne, a ku linneb, ka vaiše homensel, en kül'mä lämooinno. Magata minä en voi, tegen jonon ümbri šalašiš, miše živatoišpäi i gadoišpäi kaitas. Ani žal' om, miše kušakod en otan i norašt ei ole, muštan, ned čomin' hubudespäi kaitas. Nu da pästa, Sünd Sötei, mindei kaikés hubudespäi!

Natoi tegi jonon ümbri šalašid, vedati vól ühten sanktan hagon i ližazi hagoid' lämoihe, kibinod tuhahtiba kuzen ladvaha, pordon vändoiziba i sambuiba. Pimed ö kaikiš polišpäi kingiti šalašin'. Kaiken päivän mecás ei olen änid, a sid' mec eläbzui, i nened ö äned pöl'goitiba enambal, mi päiväline änetomuz'. Natoi ištuihe šalašihe, čokeiži jaugad persken alle i suren mokaanke i tuskanke eči hengele tüništod lämoi' kohtas. Se andoi läman, vauktan i kaičusen, i Natoi mösten kiti ičtáz, miše oti spičkad. Varu tegihe vól surembaks, konz Natoi meleti, miše lämoid ei tehte i hän voib jäda pimedás ühtelaz mecaha. A ku tündub vihm? I hot' kuz' om tihed i leved, no voib-ik hän kaita pažagan i ei antta vedele sambutada lämoid? Neniš melišpäi tegihe ani huba, i Natoi zavodi pakita ižandeizid-emägeizid ei pästta vihmad homendehesei.

Ei edahali mi-se käckkahti, hän särahti kaikel hibjal, sebazi iče ičtjaz i tudeganzi särus. Vedati hagon kesk pažagad, ližazi kavagid, neglad vesslas strakkat'he, a lämoi t'ongahti holenke. Natoi möst homaiči vauktahkon pil'vuden i meleti, miše nece om savu vai sumeg. Äkkid pä tegihe jüged, hibj kovizui i Natoi zavodi langeta miččehe-se čudokahaze unehe.

Vauktahk pil'vut sebjadeli, käri kaiked händast, Natoi mui, miše om se vilu i andab hubuden, no ei voin' kubahtada, – hibj enamb ei kundelnus. Ken-se tedmatoi zavodi mokita Natoid'

magedal mokal, i Natoi ohkahti. Ičeze änespei heraštui, ladi tehta ristan, no ken-se jüged kingiti pälpäi, i hän möst langes neche magukahaze akoiden mokaha. Kaikel vägel hän tahtoi tac'tja necen jügun, varu lähtmata oli südäimes, – hän el'genzi, miše om putnu käzihe toine polele, no nor' koumokümne nel'ljanz' hibj ei kundelnus Natoid' i lujas tahtoi necidä magukahad mokad. Än' hajon', i ohkahtez jo ei lähten suspäi, jäi rindhoiš i zavodi kingitada südäimen, se löškanzihe i Natoi möst nouzi. Kel' tegihe miku kivesine i ei voin' sanuda vajhid biblijaspäi «Jumalan, Iisusan Hristan vägel, pahuz', mäne sid'päi!», a sanuda nid' tarbiž oli kut taht, sen Natoi tezi sel'ktäs. Kuspäi-se tuli johtutes suren barbhan polhe, kudamban saneli baboi. Surel vägel, odva-odva Natoi lendi nähmatoman kiven, kubahtoiti surel barbhal i kivi hajon', hibj hengahči valdas i päzui tedmatomas sidomusespäi.

Časud seižuiba, i Natoi ei tedan, kuverz' om aigad, oli völ pimed. Pažag odva ei sambund, Natoi pani lämoihe hagoid i zavodi lugeda kaiken loičendad, miččed tezi. Hibj tegihe väl' i vägetoi, hän veri heinäle i ani kebnas uinoz'. Noustatiba händast tippud, vihm üks'kaik zavodihe, no oli jo päindusen aig, i Natoi pigai löuzi tropan, se čomin' oli ozutet nitüröunas katkeitet penzhan oksil' i puvirgoil'.

Nügüd' hän tezi, miše pördase kodihe!

Валентина Лебедева

СТРАХ

– Заблудилась!.. Я заблудилась!

Эти слова непрестанно бились в голове, и Наталью охватил такой страх, что она бросилась бежать в чащу. Густые, невысокие ели растопырили ветки, сорвали с головы платок, набросали в волосы сухих игол, со злостью ухватились за рукав, разорвав его, и Наталья остановилась. Бежать было некуда: елочки, высаженные когда-то лесниками, вытянулись в непроходимую шеренгу и закрыли дорогу. В чаще было так сумрачно, что если бы не часы, которые показывали лишь четыре, можно было сказать, что уже наступил вечер. Сердце готово было вырваться из груди, страх сковал Наталью.

– Где же солнце? Где? – Наталья подняла глаза к небу. Ни малейшего проблеска! Небо плотно затянуло тяжелыми серыми тучами, и Наталья забилась в рыданиях:

– Господи, что со мной будет, неужели я останусь здесь на ночь?! Нет, нет, я не вынесу этого, меня так страшит темная ночь! Хоть бы солнце выглянуло, я тогда бы поняла, где находится дом, в какую сторону мне надо идти! И надо было мне

гоняться за этими волнушками, вон куда они меня завлекли, стоят теперь, проклятые!

Розоватые волнушки белели под елями и уже никого не радовали. Наталья в сердцах пнула одну из них и вдруг остановилась:

– Что это я делаю, глупая? Совсем от страха разум потеряла! Зачем это я ругаюсь, вспоминая нечистого, когда уже у него в руках нахожусь?! Надо успокоиться и оглядеться хорошенько, а то еще чего хуже себе сделаю.

Наталья вытерла платком мокрое от слез и пота лицо, отряхнула с головы и плеч хвойные иголки, провела гребешком по волосам, повязала платок и наткнулась взглядом на свою корзину, которая стояла в ногах. Там на дне корзины в полиэтиленовом пакете лежали три пряника, немного конфет и коробок спичек.

– Как же хорошо, что я спички захватила, всё с ними спокойней будет... если что!

Представив это «что», она снова заплакала от жалости к себе и решила выбраться из ельника. Оглядевшись, заметила просвет между елками, продралась сквозь них; они никак не хотели расступаться и стояли плотной стеной. Вылезать пришлось на коленях, и, распрямившись, Наталья увидела, что место ей совсем незнакомо, мрачно, небо все так же серо, нет и намека на то, что проглянет солнце. Тоска тискалами зажала ее. Присев на сваленное дерево, она стала размышлять и вспоминать, что же надо делать, когда заблудишься, и с горечью поняла, что помнит и знает она очень мало, из всех советов припомнилось лишь то, что надо снять и потрясти одежду. Она встала, сняла куртку, вывернула ее наизнанку и потрясла со словами:

– Леший, леший! Отпусти меня из своих лап!

Высокая осина тревожно зашелестела листвою, два желтых листа упали к ее ногам, напомнив, что сентябрь – осенний

месяц, с дождями и листопадом, и опять волна страха пробежала по всей коже, толкая Наталью бежать из леса, не стоять на месте, а искать хоть какую-нибудь зацепку, чтобы выйти на тропу. Она стала смотреть, с какой стороны растет мох на деревьях, чтобы определить, где юг, но мох рос везде, лес был сырым и глухим, и Наталья запричитала:

– Духи лесные! Не сердитесь вы на меня, что я в лес зашла – не попросилась, волнух набрала – не поблагодарила, помогите мне выбраться домой!

Осина вновь зашелестела, и легкое белесое облако поднялось из-под корней поваленного дерева.

– Что это? Откуда этот дым? Мне так страшно, господи! – слезы отчаяния душили Наталью и лишали сил, мысль о ночи в лесу не давала уже покоя и наполняла нутро животным страхом. Она надела куртку – из кармана выпала обертка конфеты, взяла корзину и пошла наугад, лишь бы идти, не стоять – домой, домой! Путь преградили поваленные бурей деревья. Огромные осины страшным ветром были вывернуты с корнями и лежали на земле, в одну из них попала молния, место удара было разнесено в щепки, размочаленный ствол был перекручен вихрем, и Наталья поразились мощи пронесшейся здесь стихии. Пробирается сквозь бурелом было немислимо и бессмысленно, и она пошла вдоль него, отмечая, как ровно ветер повалил деревья, все корни и кроны лежали в одном направлении и листья были еще живыми – буря прошла здесь этим летом.

«Да, в одну из гроз был очень сильный разряд молнии, так вот куда она ударила», машинально подумала Наталья и все шла и шла. Лес был все так же темен и мрачен, не встретилось ни одной тропы, протоптанной животными или людьми.

«Почему нет коровьих троп? Я же недалеко от дома нахожусь, коровы здесь должны ходить», раздумывала Наталья и наткнулась на конфетную обертку.

– Так это же моя обертка, я же по кругу хожу! Меня леший кружит!.. – заныло под сердцем, и капелька дождя упала на руку.

– Только дождя мне не хватало! – Наталья схватила корзину, вывалила волнушки, достала коробок со спичками и спрятала его в кармане куртки, завернув в пленку. – Лишь бы не промокли! Сколько же времени?

Часы показывали семь.

– О господи! Вечереет уже... Соседи видели, что я в лес пошла, завтра только хватятся, что я не вернулась к ночи домой...

Она вновь села на поваленное дерево – от страха отказали ноги, потом разделась донага, вывернула белье наизнанку и вытрясла все вплоть до лифчика. Дождя пока не было, он как будто раздумывал, идти ему или нет, лишь изредка бросая с хмурого неба мелкие капли. Наталья оделась, встала на колени и начала молиться, вспоминая все вепские заветные слова, которые когда-либо слышала:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь!

Вышла я благословясь,
В лес вошла перекрестясь,
По золотому-то прогону,
По серебряной тропе.
Встретила черную змею,
Гнилую осину.
На гнилой коряге
Сидит замшелая кукушка,
Из болота вытянута,
Из воды вытащена,
С медным-то клювом,
С железным-то когтем.
Медным да клювом,

Железным да когтем
Скребет и подчищает
Мою злую тоску,
Мою плохую думу,
Мою порчу,
Мое плутание.
Знает мою мать,
Знакома с моим отцом,
Меня от горя избавляет
Для жизни доброй
Во веки веков. Аминь.

Это был не заговор, Наталья их не знала. Эти слова она собрала и связала воедино только что, сейчас, сердцем чувствуя их древнюю силу. Они звучали здесь по-особому, и, казалось, лес их слышит и перестает давить на нее жутким страхом и смятением, сам воздух стал мягче и теплее относиться к Наталье. Почувствовав это, она прочла «Отче наш» и добавила к нему:

– В каждом уголке заступает за меня Бог! Верховный – Низший! Не бросай меня!

Белесое облако опять поднялось из-под корней и поползло по земле, но теперь уже меньше напугало. Наталья встала с колен, взяла конфету и положила ее под вывернутые корни со словами:

– Духи лесные! Примите гостинец от меня, неблагодарной! Простите за обиду и помогите выбраться из леса!

Трижды поклонилась Наталья на все стороны света, и ей стало легче дышать, она как-то внутренне успокоилась и бодро зашагала сама не зная куда. Ухом она ловила все звуки, не залает ли где собака, не замычит ли корова, но вокруг было тихо, ни одна птица не пела, лишь вода хлюпала под ногами либо шуршал мох, да ломались под ногой сучки.

Лес теперь повеселел, забелели березы, и она расслышала какие-то звуки.

– Что это, никак машина едет?

Она пошла на звук и поняла, что это вода рокочет на порогах.

– Река, река!!! – ахнула от радости Наталья и побежала к ней, как к родной.

Река пенилась, спотыкаясь о камни, ее русло было зажато крутыми и высокими берегами, вдоль них лежали валуны, темная вода была почти черной, но Наталье река казалась как никогда прекрасной и светлой. Она бежала по берегу вверх по течению реки и почти ликовала:

– Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе, спасибо!!!

Отрывистый берег начал спускаться вниз, Наталья знала, что впереди будут заливные луга, где косят сено. А где косят сено, оттуда и тропа к дому ведет!

– Ох!.. – выдохнула Наталья и осела на берег, от радости внезапно пропали все силы, а руки и ноги задрожали. Посмотрев на часы, Наталья поняла, что надеяться не на что, заночевать ей придется здесь, возле реки. Но теперь это меньше страшило, она знала, что с рассветом отправится домой, спички и три пряника у нее есть, лишь бы дождя не было. Наталья встала, высокий склон полого спустил ее на пожню, где стояли два огороженных стога.

– Не одна я в лесу ночью, охотники и рыболовы тоже спят! – успокаивала Наталья сама себя и решила: – Залезу на ночь в стог, хорошо бы лестницу или шест найти, я бы наверх забралась, страшно на земле лежать.

Походив и поискав шест, она обнаружила под густой раскидистой елью шалаш с остатками костра, и радость опять переполнила сердце:

– Здесь недавно были люди, и я обязательно выберусь к ним!

Пока не наступила темнота, она собрала угли в кучку, набрала валежника, захватила клок сена со стога и расстелила его в шалаше. Костер скоро разгорелся, Наталья принесла толстую корягу и подложила в огонь – он долго ее будет лизать, не давая угаснуть свету. Предстоящая темнота пугала, и Наталья стала вспоминать все бабушкины наказания, как уберечься от злых духов. Кушать не хотелось, но она съела пряник, выпила воды из реки и дала реке конфету:

– На тебе, милая реченька, прими гостинец сладкий от меня!

Конфета булькнула в черную воду, от реки тянуло холодом, и Наталья снова впала в тревогу: «Ночь в лесу придется провести, рассвета дождаться. Небо в тучах, заморозок если и будет, то лишь утром, не замерзну у костра. Спать я не смогу, очерчу круг вокруг шалаша, чтобы от зверей и змей защититься. Эх, жаль, пояс не взяла и веревочки нет никакой, а то, помнится, они хорошо от зла защищают. Ну да упаси Господь меня от всего недоброго!»

Наталья провела черту вокруг шалаша, приволокла еще одну толстую корягу и подбросила валежника в огонь, искры взметнулись к вершине ели, мгновение поплясали и погасли. Темнота обступала шалаш. Лес, в котором днем не было никаких звуков, начал оживать, и эти ночные звуки пугали много больше, чем его дневное безмолвие. Наталья села в проеме шалаша, поджала под себя ноги и мучительно искала успокоения возле огня. Он давал тепло, свет, защиту, и Наталья порадовалась тому, как предусмотрительно захватила спички. Страшно было и подумать, что вот – огня не станет, и она одна останется в темноте. А вдруг хлынет дождь? И хоть ель густа и раскидиста, сможет ли она уберечь костер и не дать залить его водой? От этой мысли стало дурно, и она стала просить лесных духов не насылать дождя до рассвета.

Невдалеке что-то хрустнуло, Наталья вздрогнула всем телом, обняла себя руками, ей стало казаться, что ее знобит. Подтянула корягу к центру костра, добавила туда лапника; иголки весело затрещали, а пламя тревожно заметалось. В свете костра она мельком опять увидела белесое облако и подумала, что это дым или же туман. Голова у Натальи вдруг стала тяжелой, тело будто сковало, и она стала проваливаться в какой-то странный сон.

Белесое облако обнимало, обволакивало ее всю, она чувствовала идущий от него холод и угрозу для себя, но воля ее была парализована, она стала не властна над своим телом. Неведомый кто-то стал терзать ее сладкой мукой, и она застонала. От звука своего голоса Наталья ненадолго очнулась, хотела поднять руку и осенить себя крестным знаменем, но кто-то тяжелый придавил ее, и она снова погрузилась в эту сладостную женскую муку. Всеми силами она пыталась сбросить груз с себя, страх неотвязно сидел внутри нее. Она понимала, что попала в плен темных сил, но молодое тридцатичетырехлетнее тело отказалось слушать ее разум и страстно хотело, желало этой муки. Голос пропал, и стон уже не рвался наружу, он оставался в груди и давил на сердце, оно часто забилось и заставило Наталью очнуться. Язык закаменел и не смог произнести библейские слова «именем Господа моего, Иисуса Христа, изыди от меня, сатана!» А произнести их было необходимо, это Наталья знала совершенно ясно. Из глубин памяти выплыло воспоминание про большой палец на ноге, о котором когда-то рассказывала бабушка. Наталья огромным усилием приподняла невидимый камень над собой, чуть шевельнула этим пальцем, и камень исчез, тело расслабилось и вырвалось из неведомого плена.

Часы остановились, и Наталья не знала, который час, было еще темно. Костер едва горел, она подкинула валежника

и стала читать все молитвы, которые знала. Тело сделалось вялым и слабым, она легла на сено и неожиданно легко заснула. Разбудили ее капли дождя, он все-таки начался, но уже брезжило утро, и Наталья быстро нашла тропу по надломленным у края пожни кустам и зарубкам на стволах деревьев.

Теперь она знала, что вернется домой!

Valentina Lebedeva

FEAR

“I’m lost!... I’m lost!”

These words constantly echoed in her head, and Natalya was seized by such fear that she fled into the grove. The thick, short fir trees stuck out their branches, tearing the scarf from her head, shoving dry needles into her hair, clutching her angrily by the sleeve, tearing it, and Natalya stopped. There was nowhere to run: the trees, planted by foresters some time ago, stretched out in an impassible line and closed off the path. It was so dark in the grove that if it hadn’t been for her watch that showed it was only four o’clock, you could say that it was already evening. Her heart was about to burst out of her chest, and fear transfixed Natalya.

“Where’s the sun? Where?” Natalya raised her eyes to the sky. Not a single glint of light! The sky was densely covered in heavy dark clouds, and Natalya began to sob:

“God, what will happen to me if I spend the night here?! No, no, I won’t bear it, I’m so scared of the dark night! If only the sun would come out, then I’d understand where my house was, which way I should go! I had to go looking for those woolly

milk cap mushrooms, and that's where they led me, there they are, the damned things!"

The mushrooms gleamed white under the firtrees and gave no pleasure to anyone. Natalya kicked one of them furiously and suddenly stopped:

"What am I doing, what an idiot I am! I've completely lost my mind out of fear! Why am I swearing, mentioning the name of the evil one, when I am in his hands?! I should calm down and look around carefully, or I'll make things worse for myself."

Natalya wiped her face with a scarf, wet with tears and sweat, shook the fir needles from her head and shoulders, passed a comb through her hair, tired her headscarf and glanced at the basket at her feet. At the bottom of the basket, in a plastic bag, were three pieces of gingerbread, a few sweets and a box of matches.

"What a good thing that I took matches with me, I'll feel safer with them... if something happens!"

Imagining this "something," she once more cried in pity for herself and decided to get out of the fir grove. Looking around, she noticed light between the trees, and pushed her way through them; they refused to yield and stood in a thick wall. She had to crawl out on her knees, and as she stood up, Natalya saw that the area was completely unfamiliar to her, gloomy, the sky was just as grey, and there was no hint that the sun was going to come out. She was crushed by melancholy. Sitting on a fallen tree, she began to think, and try to remember what to do when you were lost, and realized bitterly that she remembered and knew very little, the only advice she recalled was that she should remove her clothes and shake them out. She stood up, took off her jacket, turned it inside out and shook it with the words:

"Wood demon! Let me out of your grip!"

A tall aspen tree rustled its leaves in alarm, two yellow leaves fell to her feet, reminding her that September was an

autumn month, with rain and falling leaves, and a wave of fear ran over her skin again, pushing Natalya to run out of the forest, not to stay where she was, but to find a gap, to come out on to the path. She began to see what side of the trees the moss was growing on, to work out where south was, but moss was growing everywhere, the forest was damp and thick, and Natalya cried:

“Forest spirits! Don’t be angry with me for entering the forest – I didn’t ask for anything, I was gathering mushrooms – I didn’t thank you, help me to get home!”

The aspen rustled again, and a light whitish cloud rose above the roots of a fallen tree.

“What’s that? Where is that smoke coming from? I’m so scared, God!” Tears of despair choked Natalya and made her powerless, the thought of spending a night in the forest did not leave her in peace, and filled her with an animal fear. She put on her jacket – a sweet wrapper fell out of the pocket, she took the basket and went randomly on, if only to walk and not stand still – home, home! A heap of fallen trees blocked her path. The enormous aspens had been torn up by their roots by a terrible wind and lay on the ground, one of them had been hit by lightning, the wood was chipped where it had hit, the damp trunk was twisted by a storm, and Natalya was amazed by the power of the elements that had passed through here. It was impossible and pointless to get through the pile of trees, and she walked past it, noting how evenly the wind knocked down the trees, all the roots and crowns lay in the same direction and the leaves were still alive – the storm had hit this summer.

“Yes, in one of the storms there was a very powerful bolt of lightning, this is where it hit,” Natalya thought mechanically and kept on walking. The forest was still just as dark and gloomy, there was not a single path trod by animals or people.

“Why aren’t there any cattle paths? I’m not far from home, cattle should pass here,” Natalya thought and noticed a sweet wrapper.

“That’s my wrapper, I’m walking in circles! The wood demon is spinning me around!” Her heart ached, and a drop of rain fell on her hand.

“Rain was just what I needed!” Natalya grabbed the basket, tipped out the mushrooms, took the matchbox and put it in her jacket pocket, inside the plastic bag. “They mustn’t get wet! What time is it?”

Her watch showed seven.

“Oh God! It’s evening already... The neighbors saw me going into the forest, they’ll only realize tomorrow that I didn’t come home at night...”

She sat on the fallen tree again – from fear her legs gave out, then she stripped naked, turned her underwear inside out and shook it all out, along with her bra. There was no rain yet, it seemed to be thinking about whether to pour down not, only throwing down a few little drops from the gloomy sky now and then. Natalya put her clothes on, kneeled and began to pray, remembering all the sacred words in Veps which she had ever heard:

“In the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit, amen!”

I gave blessing and went out
Into the forest, crossing myself
By the golden track,
By the silver path.
I met a black snake,
A rotten aspen.
On a rotten stump
Sleeps a mossy cuckoo,

Dragged from the swamp,
Pulled out of the water
With a copper beak
With iron claws,
With its copper beak,
With its iron claws.
It scrapes and cleans
My angry gloom,
My bad thoughts,
My bewitchment,
My straying.
It knows my mother,
It knows my father,
It delivers me from sorrow
For a good life
For ever and ever. Amen.

This was not an incantation, Natalya did not know any of them. She gathered these words and connected them for the first time, feeling their ancient power with her heart. They sounded special here, and it seemed that the forest heard them and stopped crushing her with terrible fear and confusion, the air itself became mildly and warmer towards Natalya. Feeling this, she recited “Our Father” and added:

“In every corner God intercedes for me! The Highest – the Lowest! Don’t abandon me!”

The whitish cloud once more rose above the roots and spread across the ground, but now it did not scare her so much. Natalya stood up, took a sweet and placed it under the splayed roots with the words:

“Forest spirits! Take a gift from me, ungrateful one! Forgive my offense and help me get out of the forest!”

Natalya bowed three times to all the points of the compass, and she found it easier to breathe, she calmed down inside and set off boldly, not knowing where she was going. She tried to hear all the sounds around her, whether a dog was barking or a cow was mooing, but all around was silent, not a single bird sang, only the water gurgled beneath her feet or the moss rustled, or branches cracked beneath her. The forest was more cheerful, the birches were whiter, and she heard some sounds.

“What’s that, is it a car driving past?”

She went towards the sound and realized that water was crashing on rapids.

“A river!!!” Natalya gasped with joy and ran towards it, as if it were dear to her.

The river foamed, rushing against the rocks, the current was narrowed by steep, tall banks, boulders lay along it, the dark water was almost black, but to Natalya the river seemed wonderful and bright. She ran along the bank upstream and almost rejoiced:

“Glory to You, Our God, glory to You, thank you!!!”

The rough bank began to go down, Natalya knew that ahead were flood plains, where hay was mown. And where hay was mown, the path to her home led!

“Oh!” Natalya sighed and sat on the bank, she suddenly lost all her strength because of joy, and her arms and legs shook. Looking at her watch, Natalya realized that there was nothing to hope for, she would have to spend the night here, by the river. But now this was not so frightening, she knew that when the dawn came she would go home, she had matches and three gingerbread cakes, if only it didn’t rain. Natalya stood up, the tall slope of the hollow eased her down to the meadow, where two enclosed hayricks stood.

“I’m not sleeping in the forest alone, hunters and anglers also sleep here!” Natalya assured herself, and resolved:

“I’ll spend the night in the hayrick, it would be good to find a ladder or pole, I’d climb up to the top, it’s unpleasant to lie on the ground.”

As she looked for a pole, she found under a thick spreading fir tree a hut with the remains of a fire, and her heart was filled with joy:

“There were people here recently, and I’ll certainly reach them!”

While it was getting dark, she gathered the coal in a heap, collected brushwood, took a clump of hay from the hayrick and spread it out in the hut. The fire soon started, Natalya brought a thick stump of wood and put it in the fire – it would lick it for a long time, not letting the light die down. The coming darkness scared her, and Natalya began to remember all of her grandmother’s advice about how to protect oneself from evil spirits. She wasn’t hungry, but she ate some gingerbread, drank water from the river and gave the river a sweet:

“There you are, dear river, take a sweet treat from me!”

The sweet sank into the dark water, the river gave off cold, and Natalya once more became alarmed: “I’ll have to spend a night in the forest, and wait for dawn. The sky is cloudy, if there is a frost it will not be until morning, I won’t get cold by the fire. I won’t be able to sleep, I’ll draw a circle around the hut, to protect myself from beasts and snakes. Ah, what a pity that I didn’t take a belt and have no rope, I remember they’re a good protection from evil. May the Lord protect me from everything bad!”

Natalya drew a circle around the hut, dragged another thick stump and threw brushwood into the fire, the sparks rushed to the tip of the fir tree, for an instant they danced and died out. Darkness swept over the hut. The forest, in which there were no sounds during the day, began to come to life, and these nighttime sounds scared her much more than

the daytime silence. Natalya sat down in the doorway of the hut, squatted and torturously sought calm by the fire. It gave heat, light, and protection, and Natalya was glad that she had had the foresight to take matches with her. It was terrifying to think that the fire would go out, and she would be left in the darkness alone. What if it started pouring with rain? And although the firtrees were thick and spread-out, could she protect the fire and prevent water from falling on it? This thought made her feel ill, and she began to ask forest spirits not to send rain until the dawn.

Something cracked nearby, and Natalya shuddered all over, hugged herself, she felt that she was shivering. She dragged the stump to the center of the fire, and added fir twigs; the needles crackled merrily, and the flame flickered warily. In the center of the fire she once more glimpsed the whitish cloud, and thought that it was smoke or mist. Natalya suddenly felt her head grow heavy, it was as if her body was tied down, and she began to drift off into a terrible dream.

The whitish cloud embraced and surrounded her entirely, she felt the cold from it and the threat to her, but her will was paralyzed, she no longer had power over her body. Someone unknown suddenly began to tease her with a sweet torment, and she groaned. From the sound of her voice Natalya woke up briefly, she wanted to raise her arm and cross herself, but someone heavy crushed her, and she once more plunged into this sweet female torment. With all her might, she tried to throw off the burden from herself, fear sat within her. She realized that she had been captured by dark forces, but her young, 34-year-old body refused to listen to her reason and passionately desired this torment. Her voice failed, and her groan no longer got outside, it stayed in her chest and pressed on her heart, her heart beat fast and made Natalya wake up.

Her tongue froze and she was unable to utter the Biblical words “In the name of my Lord, Jesus Christ, get thee behind me, Satan!” But she had to utter them, Natalya knew this quite clearly. From the depths of her memory came a recollection about her big toe, which her grandmother had once told her about. With a huge effort, Natalya raised an invisible stone above herself, she moved her toe a little, and the stone vanished, her body relaxed and tore itself out of the invisible captivity.

Her watch had stopped, and Natalya did not know what time it was, it was still dark. The fire was barely burning, she threw brushwood on it and began to read all the prayers that she knew. Her body became feeble and weak, she lay on the hay and fell asleep unexpectedly. She was woken up by drops of rain, it had started falling after all, but dawn was breaking, and Natalya swiftly found a path along the bushes broken by the edge of the meadow and cuts on tree trunks.

Now she knew that she would return home!

Маргарита Пяк

ФУФАЙКА

Маля имбытата' тю' мюня њамгэв лимбика вабтомда толхась. Пирибця тая нись тэя. Пыда ихинянда тадри' нултава' ёльцэ хантась. Ыарктадо' я' падм', сухари" њано' мюд мантэвоҟгадандо' њудаханата табламбидась, сяха' ныланаванзь нултавам' пыда мамбанда тарась.

– Нултаб"на манэсакэв', – Маля индя' њыламна тарем' ма.

Тецьдахавар явкабтысь. Ыэдо' ханимандо' нид пыхыдахато' намдорта толха ниць ња". Хурка њэбта њод мале' сян пирибця њаномдо' ид' варувна тамна' тяха соламбидонзь". Марада нид њарворҟась. Пыдо' ихинандо' Раттам' нюбета харад' пират тэввандо' ёльцэ хаясь. Саваркаи, минренидо' њаврадо' мал тэврайдо'.

– Председательява" тосасянё, мамакы хунаҟодакэва", – Грета тарем' ма, – яда њарханда пэдара, ханяи хунаҟгува".

– Хаманзь паврырҟан? Нись тоса. Пыда сидна" ханимандаҟэ пэрмы ниҟа. Нир мание икня тецьда саилаха ниҟа, – нянда Амалия тарем' ма.

– Маля’ вадавахана сидна” саялць тальня’ питармы”, – ниванда мунзьвоңганда Дора вахалй”.

– Хибяхарт сидна” нись питрэ. Сайнорма’ њадан’ сидна” тэврасяне, – Амалия тамна’ пэрњада.

Тадхав њаномдо’ я’ варан’ нултадо’. Ныланарка тасладо’. Грета хусувэхэндо’ сухарикм’ миња. Тикы’ пуд емзьдей’ выби малахая” сяйдамдо’ пире. Сяйхад пыхыдадо’ ядемда толха”. Тодабця’ ту’ яляхана Маля њудамда ханзерпа пя. Едяхавада юңгода толхась, тецьдари њаяна сось. Ыаном’ нюхулемба мэта њянүте”э сяймая не’ имбытм’ (фуфайкам’) њаянда’ ёльценд мадавэда. Ыуданда’ ямбад сер вэякуида хурнась.

– Сайнормахад тальня тэвравэдо’... Сядилмэдо’... – Маля’ марчм’ сыхыдамда Доротея тарем’ лаханорњась. – Фуфайка-куер ниданд хаюрњанё. Ёрманзь хэб” њамгэм’ серњгун?

Хардандо’ ёльценд лабта тэвыдаць”. Хубтахана тэвато’ сидо’ председатель палытана’ ня ядабтамбихинзь’.

– Малњэ тода””? Хунвы юңгу? – палытаная пирибци манэкая” тарем’ хонаркурња. – Хадкэвы сер юңгу? Ыамгэри мал тэврайда””? Падродо’ хана””?

– Амалия њудамда њаркавна мэсь, – Грета малёњо вахалъяць, палытана нянда сылава’ сер сянпой мунзялма. Ихинянда ма: «Хумбацци мадм’».

– Кля, тикананда манзараван нива” харва””? Сайнорта нина” нядабаван нива харва””? Манзаяханда ниб”нанда њадив мань районнан’ њарка ервха сита хурсараңгудм! Тадхавэ њытдабця’ ни падда пэйда””! – палытана ервомба лахана.

Ервдо’ хэвувнандо’ мунзипой хая. Тэвравыдо’ паддо’ њыторъядо’, сян кило њэвамдо’ падармана манэядо’, тари та’ мась.

Маляха Гретаха’ яля’ ерь’ пиркана њанохона халяда яханди’ хаяханзь’. Я’ мядиконди’ мюня паныди’ тырабта-њаха’, сянди’ ит њэхэлњаха’. Грета нянда’ њудам’ њани’

ёңорэй сыхыдада. Маля нудакуида саць пензерҕась, сян ёңорэй пэбтермы тохос сыхымада таминда подаҕгась. Халм' манэць пирибцяха' ня тёняны мякад Анна то. Пыда мале' пухутярка несь, луца' вадавна сабе ехэрась. Ңадьбьята мунзипой толь' ни сидя тамдая хадавы халякоцяха' мэхэя" кор' няю нудамда тильцемби. Тикананда манив: «Халяха' пире тараҕаха'». Амалия' сыхыдэда марцьм' манэць хонарко пэй:

– Ңамгэда ханзер җа?

Тикы' пуд җани' мунзипой сыхымам' екада, нуда' мадахэйм' ханзерпа пя:

– Тидари нёр сыхыда, мань теда тутадм', – тикы вадита' пуд пин тарпы. Тадри' җамгэхэв' ютекэцям' нямпа пуня то. Тикамда җэсянда' мюд нэкалҕада. Маля' нуда мадахэйм' хольмэй икня халтада. Тикы' пуд тырабтахая" җамгэхэв' сэракояхана масарҕада.

– Ңамгэ' тикар? Яңэй, саць паранорҕов! – пирибця едя-данда сята тари' тынарпида.

– Паранавта сава җэнив, тикананда тадри' сумда, – Анна җод варета луца' вадавна сарехорць ма. Тикар саць сава пардон. Илева' ямбан нялмы халя' лэхэт харна" сертабива". Тамна җамгэхэвана нядабада, ет' ехэрадм' луца' вадавна ханзер" вадета җэдакы.

Ненэсянда сумда толха. Ңанохона минзь Амалия неры едымда хамядахарта нидась хамеда. Ңоб яля' пиркана халя-дась яхандо' ервдо' җани' тось. Халяхана пандавы пад", лабтэй" манэць тари' пысаёрҕа:

– Сидди' нядабада таняса? Тюкохобиди' җопой яля' манзая саилаха нию җа". Ет' тасувна манзаравэди'. Мань районан' тамини тарем' манднидам'.

Халэ" пад", лабтэй" ервдо' җани' ёңорэй толэйда, падарканда падыда. Хэванда' нерня ма:

– Тамна сававна халядари' хадади'. Я' мякад җобкартадо' нёя юху.

Амалияха' Гретанда' ня нэрэй' ёльценд хаванди' пи-
рувна манзараҥаханзь'. Џобнгуна бригадирдо' хадавы
халэди' хосаяванда' сер манзь ханадась:

– Пыдарири' сававна манзаради', тюку по хибяхарт
таҥокувна халям' нись хада.

Тадри нэрэй сыра хамы. Амалия' имбытакуи сэв' ҥадя
тари' пыдарась (ҥарханда нэлдысь). Ханюй идм' хусупа-
махаданда тэйсуй фуфайкакуемда сулорманзь ҥани ҥамд-
сеты. Тикаемда сян лабтесетыда, сян сидя" седорцеты.
Тарем' маяндорта нямда мание" Грета подёмда ҥыхы яхад
нэкалҥада, ма:

– Тюку сыравм' мадава' сер нива ҥа". Тюку яндер" вада-
хана сырэй тецьда небой поход ҥэнакабтаҥгу. Пивасипой,
панэсипой салаба' ниня ханюй пянэ пялараҥгуна".

Џобнгуна тецьда нэрэй яляхана тёняҥы мякы не' тыбэртя
нида" товыць". Анна пихиня пиринзюрманда' нид пиримба-
дита ҥаврата ҥабт явкабтысь. Ҧаврата пись толямда тодаб-
цянда' ядан ҥабтада. Нида ҥавламба пя. Лакри' пин' тарпана
Гретам' манэць ҥудана лабторць пэй". Нем' нянда хаҥада.
Грета Малянда' ня тёняҥы мят' хаяха'. Тасу' хаби" луца' вадам'
ехэрадонзь", ҥадьбято' лаханакуркарта нидонзь пирас".
Анна хыдя' мю ханеда ҥамзи мэхэя" сылка нехэ' евэйд ваб-
та, ма:

– Џорҥади'!

Ҧармы тасу' хабей пухуця пирибцяха' сэврихина мани-
еҥаюдась. Пуна харта вадавнанда Аннан' ҥамгэвм' вадеҥась.
Тикы няда я' мядикохонда хая, пуны сянпой ҥудахананда
ҥамгэхэвм' нямба то:

– Ҧа"! Хадар нянд хасава нюндя' керняшкам' тамби
(тасу' хаби' мальця). Нюдя тидари сайнорма' няна мэ. Ҧар-
каркахав ҥарка, тикав хэбимдингувама", ни иняна сярбат"

сава нэңгу. Юдерта сабе юңгоб” нод тарсихив сит’ ханимзэ ни нэдарангу.

Я’ мяд’ мюня нямда ембпа” Грета письканда хаван’ харва:
– Малёв, пыдар варк’ ханикоцярахан.

Октябрьской хардахана нэда халядава’ ян бригадир то.

– Сидди’ хосая табедаць”, – пирибцяха’ ня тарем’ ма. –
Нарка ерв” товы”. Рыбзавод’ ерв Чистяков мэта мантанда тута, пыда’ хавнанда райкомхад, исполкомхад тованда” таня”. Ненэйвавна милис (уполномоченной) тикана мыңгу. Хамекуди’, намгэриди’ маллади’, мань тидари’ ненэцие’ лаханакурць нятадм’. Ервони” табедавы серми таня.

– Намгэв хадкэнакы, – Грета вабцанда ледре вахалй”.

– Вэва’ нямна нён ибидор, вэвам’ нён нэте, – Амалия няханда тарем’ ма.

Клубахана ненэця” нобт малыць”. Товы хибя саць нокась. Харад’ тер” нокуюм’ хэв, сылкахана мэна сэр луца” намдёрцието’ яңгова’ нид намди нэто’ ниня нуць”. Няръяна толь’ тяхана нарка ёрводо’ намдыць”. Милисадо’ нё’ сим’ тюрдоць нусь. Тадхав’ рызавод’ ерв вадам’ хана. Таня’ инзеле Грета нянда’ нуди’ тарка” пеңгананда ныбаркая” хасабарць ма:

– Тедав’ сидна” тамна’ тяха нэдабтаңгу”...

– Собранева” тюку яля хибидя яля’ ед сертавы. Тюку яля Няръяна Октябрь’ нарка яля. Сайнорма’ няд сава юн” тальня тэворңа”. Тикы е”эмня рыбзаводва” ну ялэтебта манзара. Пыдара” малңэ халям’ хадабида”. Сямянхат нарка ерв Сталин некава” пыдара” манзараванда’ нямна теневнив. Район’ няд саць ненадо’ недбя тоць”, тюку яля ервхато’ тэврамбина”. Нерде’ тарцям’ нямуванда Амалия Клаузер. Пыда халяда нята нянда’ ня 300 тонм’ выдңаханзь’.

Маля тарцям’ намда сейда сюдбывна тоярць пэй”, нэда” харто’ нэсондо’ ледада”. Намгэхэртм’ нись хамедамба тари’

һопой яхана паллысь, сидя хэвхананда нуна няхата” сэврида мэһась.

– Тля, тля, сеяр нёя пин. Харт недвомэр, – председатель тарем’ ма.

Клаузер Сталин’ грамотам’ няма, тикы’ хавна едэй фуфайкар ти, – Чистяков пирибцян’ торовамда ситиле, тикы’ пуд недбида миһа.

– Таминда тюкона едэй фуфайкамда серамдава, – лакри’ бригадир тарем’ вахалй”, – тадһо һэсь һо Сталин некаха- дана” товы недбя нив һа.

Тикахавад Амалия керняшкамда таминда клубхана екада. Едэй, юдерота фуфайкам’ сера. Тикамда мэць тамна сяһок ёһэрэй ёрмакы, хадавэда халяда сянти тонн. Саю” пир- далева’ ялям’ һобтарем’ тикы фуфайкамда мэць ядабтадась.

Маргарита Пяк

ФУФАЙКА

Что-то теплое разлилось в рукаве, но Маля не обращала внимания. По времени старшая, что удерживала груз с мешками муки и сухарей на суденьшке, должна была кликнуть привал. «Потерплю, на месте гляну...», подумала девушка. Холод пронизывал до самых костей, ноги будто одереневевшие, не слушались. Но девчата упорно тянули вдоль берега лодку, потому что местами становилось уж совсем мелководно. По их расчетам, оставалось совсем недолго до Ратты. Радовались, что сумели пройти по реке без потерь, ни единого сухарика не обронили.

– А как сомневался председатель, – припомнила Грета, – будто можно в этих краях дальше тайги сбежать. Некуда бежать.

– Ну что ты сразу злобствуешь? Не сомневался. За нас переживал, на воде-то вон какая холодина, – отвечала ей Амалия.

– Нашу Малю послушать – выходит, из большой жалости нас сюда сослали, – вставила свое слово Дора.

– Ох, да никто никого не ссылал. Эвакуировали. Чтоб подальше от войны, бомбежек, – стояла на своем Амалия.

Приткнув лодку к берегу, решили немного передохнуть. Грета выдала каждой по сухарику. Нарвали листьев брусники, накипятили в котелке с родниковой водой. И вроде согрелись. При свете огня Маля стала осматривать руку. Боли совсем не было, будто холодом ее перебило. Но суровый канат насквозь прорезал фуфайку на плече. По всей руке девушки стекала кровь.

– Эвакуировали ее... пожалели... – с ворчанием перевязывала плечо Амалии Доротей. – Фуфаёшка-то рассыпается на ходу. В чем на рыбалку выйдешь?

Последние километры до села шли по воде на веслах. Ранним утром на берегу встречали их председатель с уполномоченным.

– Все прибыли? Беглецов нет? – сурово оглядел девушек уполномоченный. Происшествий нет? Всё довели? Где бумаги?

– Амалия руку повредила, рана глубокая... – начала доклад Грета и тут же осеклась под тяжелым взглядом уполномоченного. «Зря сказала», – тут же подумала она.

– Так, так... На работу не хотим? Для фронта трудиться не хотим? Не выйдет сегодня на реку – в район сообщу. А теперь несите мешки на весы, – приказал он. Председатель молча пошел рядом. Перевесили все мешки, сверили по бумагам. Все вышло верно.

Уже в полдень Маля с Гретой выехали на лодке через ПОХ (промыслово-охотничье хозяйство) на свой рыбучасток. Обсушились в землянке, попили кипятка. Грета еще раз сделала перевязку подруге, но рука ныла, а кровь медленно сочилась через несколько слоев тряпок. Завидев дымок, к девчатам заглянула соседка Анна. Она жила в землянке по соседству. По-русски пожилая женщина говорила не очень хорошо, всё больше жестами изъяснялась. Молча положила на столик две свежие рыбки, рукой указала на глиняную

печь: варите, мол. Увидев перевязанное плечо Амалии, спросила:

– Что с ней?

Затем молча сняла повязку и стала осматривать рану.

– Пока не привязывай, счас приду, – сказала и вышла из жилища девушек. Вернулась с каким-то свертком в руке. Развязала его, после теплой водой промыла рану ссильной. Когда рана обсохла, стала обсыпать ее белым порошком из свертка.

– Что это? Что это? Ух как жжет! – поморщилась девушка.

– Это хорошо, если жжет. Значит, скоро заживет, – сказала соседка на ломаном русском. – А порошок этот – лекарство. Сами его всю жизнь делаем из молотых рыбьих костей. Ну, там в него еще кое-что мешаем. По-русски не знаю как называется.

И вправду, боль стала вскоре отступать, а на сплаве Амалия и вовсе не чувствовала ее. Через день на участок приехал председатель. Удивился, увидев затаренные рыбой мешки и ящики в леднике.

– Вам что, местные помогли? – спросил он. – Тут норма на десять суток вперед. Потрудились на славу. Так и доложу в район.

Пересчитав мешки и ящики, председатель сделал записи в своем блокноте и напоследок предупредил:

– Продолжайте так же ловить, но чтоб из ледника ни хвостика не присвоили.

Амалия с Гретой буквально валились с ног. Так продолжалось почти всю холодную осень. Бригадир, приезжавший забирать уловы, однажды обронил:

– Только на вас катер и работает. Никто столько рыбы нынче не добыл.

А вскоре выпал первый снег. Одежка на Амалии рассыпалась на глазах. Придя с реки, она то и дело принималась

за починку фуфайки, ставила всё новые и новые заплатки, зашивала мелкие дырочки. Грета вздыхала, глядя на нее:

– Не пережить нам эту зиму. Местные сказали, что морозы будут суровей, чем в прошлый год. Босыми, раздетыми на реке вмиг околеем.

В один из промозглых осенних вечеров к соседке Анне приехали родственники со стойбища. Она готовила еду прямо на улице, и вкусные запахи заполняли всё пространство вокруг. Потом прямо тут же, поставив столик у костра, женщина угощала гостей. Увидев вышедшую из своей землянки Грету, махнула рукой – мол, подойдите сюда. И девушки вдвоем направились к соседской землянке. Селькупы почти не говорили по-русски. Анна положила в тарелку дичи, налила в кружки бульона и, подав ссыльным, сказала:

– Ешьте пока.

Старенькая селькупка внимательно разглядывала девушек, потом что-то на своем языке сказала Анне, и та направилась в землянку. Через минуту вышла с чем-то в руках.

– На вот, бабушка отдает тебе керняшку* своего сына. Он на фронте сейчас. Великовата будет – подрежем, подпояшешься. Хоть и худа она уже, тепла мало в ней осталось, но уже не сильно замерзнешь.

В землянке Грета заливалась смехом, наряжая подружку в национальный наряд:

– Маля, ты как медвежонок!

На Октябрьскую, на рыбучасток приехал бригадир.

– Велено доставить вас в село, – сказал он девушкам, – там из района большое начальство приехало. Сам Чистяков – директор рыбзавода, люди с райкома и исполкома. Ну, и этот... уполномоченный, в общем. Собирайтесь, пока я тут с местными переговорю. Поручение дали начальники.

* Керняшка – селькупская меховая одежда. – *Примеч. авт.*

– Что-то случилось, наверное, – с тревогой в голосе обронила Грета.

– Не думай о худом, не жди плохого, – отвечала ей Амалия.

Все собрались в сельском клубе. Большинство жителей и приехавших с рыбучастков ссыльных немцев стояло, поскольку лавок не хватило – так много было народу. За столом, накрытым красной тканью, сидело большое начальство, лишь уполномоченный стоял у входа, опершись о дверной косяк. Слово взял директор рыбзавода. Грета с силой сжала пальцы подружки:

– Ну, сейчас... еще дальше нас сошлют... – прошептала она.

– Собрание сегодня торжественное, очередная годовщина Октября. С фронта идут хорошие новости. Рыбзавод работает день и ночь не останавливаясь. А рыбу добываете вы. Товарищ Сталин знает о ваших успехах. В район доставили правительственные награды, которые сегодня вручим. Первой приглашаю Амалию Клаузер, которая в сезон вдвоем с напарницей добыла больше трехсот тонн рыбы.

У Мали заколотилось сердце, ноги стали ватными, и она растерянно стояла, оглядывая всех окружающих.

– Иди, иди, не робей. Заслужила, – стал подбадривать председатель.

– Клаузер награждается грамотой от товарища Сталина. И фуфайкой. – Чистяков протянул руку девушке для рукопожатия, а потом вручил награды.

– Может, прямо здесь и наденет новенькую фуфайку, в торжественной обстановке, – вдруг предложил бригадир, – все-таки от самого товарища Сталина награда.

И Амалия, скинув керняшку, тут же, прямо в клубе, надела теплую фуфайку. В ней она проходила еще не одну путину и добыла еще не одну сотню тонн рыбы. В этой же самой дорогой для нее одежде встретила день Победы.

Margarita Pyak

THE JERSEY

Something warm poured down her sleeve, but Malya did not pay any attention. It was already time for the supervisor of the boat's cargo of sacks of flour and bread husks to announce a stop. "I'll put up with it, I'll have a look when I get there..." she thought. The cold bit through to her very bones, her legs were wooden and didn't obey her. But the girls stubbornly dragged the boat along the shore, because in some places it was becoming very shallow. According to their calculations, they were very close to Ratta. They were happy that they had been able to pass the river without losses, they hadn't dropped a single husk.

"The chairman had doubts," Greta recalled. "As if you could flee further than the taiga in these parts. There's nowhere to flee."

"What are you complaining about all of a sudden. He didn't doubt. He was worried, it's so cold on the water," Amalia replied.

"If you listen to our Malya, you'd think we were sent here out of great pity," Dora put in a word.

“No one sent anyone anywhere. We were evacuated. To get away from the war, from the bombing,” Amalia insisted.

They pushed the boat on to the shore, and decided to rest for a while. Greta gave each of them a bread husk. They tore off blackberry leaves, and boiled them in a pot with spring water. And they felt warmer. In the light of the fire, Malya began to look at her arm. She felt no pain, as if the cold had stopped it. But the rough rope cut off the jersey at the shoulder. Blood ran down her entire arm.

“They evacuated her... pitied her...” Dorotea grumbled as she bandaged up Amalia’s shoulder again. “The jersey’s falling apart. What are you going to wear when you go fishing?”

In the last kilometers to the village they walked on paddles along the water.

“Has everyone arrived? No escapees?” the officer looked over the women sternly. “No incidents? Everything’s been delivered? Where are the papers?”

“Amalia hurt her arm, the wound is deep...” Greta started her report, and immediately stopped under the hard stare of the officer. “I shouldn’t have said that,” she thought immediately.

“I see... Don’t we want to work? Don’t we want to labor for the frontline? If she doesn’t go to the river today, I’ll report to the center. And now put the sacks on the weights,” he ordered. The chairman silently walked alongside. They weighed all the sacks, checked them with the papers. Everything was correct.

At midday, Malya and Greta went out on the boat through the industrial-hunting farm to their fishing area. They get dry in the earth hut, and drank hot water. Greta once more bandaged her friend, but Malya’s arm was aching, and the blood slowly soaked through several layers of fabric. Seeing smoke, their neighbor Anna looked in on the girls. She lived in an earth hut next to them. The elderly woman did not speak Russian very

well, and mainly expressed herself with gestures. She silently placed two fresh fish on the table, and pointed at the clay oven with her hand: cook them. Seeing Amalia's bandaged shoulder, she asked:

"What's wrong with her?"

Then she silently removed the bandage and began to inspect the wound.

"Don't bind it yet, I'll come back soon," she said and went out of the hut. She returned holding a packet of some kind. She untied it, then rinsed the wound with warm water. When the wound dried, she began to sprinkle it with the white powder from the packet.

"What's that? What's that? It really burns!" Malya frowned.

"It's good if it burns. It means it will soon heal," her neighbor said in broken Russian. "And this powder is medicine. We've made it all our lives out of ground fishbones. And we mix something with it. I don't know what it's called in Russian."

And indeed, the pain soon began to recede, and at the join Amalia did not feel it at all. The next day the chairman came to the section. He was surprised to see the sacks and boxes filled with fish in ice.

"Did the locals help you?" he asked. "This is the norm for ten days ahead. You really did a good job. I'll report that to the center."

Counting the sacks and boxes, the chairman made notes in his notebook and warned in parting:

"Keep catching fish like that, but don't let any of them go missing."

Amalia and Greta literally fell over with exhaustion. Things continued this way almost the entire cold autumn. The brigadier who came to collect the catches once said:

"The boat only works for you. No one has ever caught so much fish before."

Soon the first snow fell. Amalia's clothes were falling to pieces. When she came back from the river, she tried to repair her jersey, patching it up again and again, and sewing up small holes. Greta sighed, looking at her:

"We won't survive this winter. The locals said that the frosts would be colder than last year. We'll freeze to death on the river if we're barefoot and undressed."

On one of the cold autumn evenings, Anna's relatives from the camp came to visit her. She prepared food outside, and the delicious flavors filled the entire area. Then the woman gave the food to the guests right by the fire. Seeing Greta coming out of her earth hut, Anna waved to her to come over. And the girls went to the neighbor's earth hut. The Selkups hardly spoke Russian. Anna dished out game into their plates, filled mugs with bouillon, and serving the girls, said:

"Eat up."

An old Selkup woman looked at the girls attentively, then said something in her language to Anna, and Anna went to the hut. A minute later she came out holding something.

"There you go, grandma is giving you her son's kernyashka*. He's at the frontline at the moment. If it's too big, we'll trim it and you can put it on. It's rather worn, there's not much warmth left in it, but you won't be so cold."

In the hut, Great burst out laughing, as she put the national costume on her friend:

"Malya, you're like a bear cub!"

The brigadier came to the October fishing section.

"I've been ordered to take you to the village," he said to the women. "An important boss has come from the center. Chistyakov himself, the head of the fish factory, and people from the district and executive committees. And that... officer. Get ready while I talk to the locals. The bosses gave the order."

* Kernyashka – Selkup fur clothing. – *Author's note.*

“Something must have happened,” Greta said with alarm in her voice.

“Don’t think about bad things, don’t expect misfortune,” Amalia replied.

Everyone gathered at the village club. Most of the inhabitants and exiled Germans who came from the fishing sections were standing up, because there weren’t enough benches – there were so many people. At a table with a red tablecloth the bosses were sitting, only the officer stood by the entrance, leaning against the doorframe. The head of the fish factory started to speak. Greta squeezed her friend’s fingers hard:

“Now we’re going to be sent away even further...” she whispered.

“The meeting today is important, it’s the anniversary of October. There’s good news from the frontline. The fish factory is working day and night, without stopping. And you catch the fish. Comrade Stalin knows about your achievements. Government awards have been sent to the center, which we will present you with today. First I invite Amalia Klauser, who together with her partner caught over 300 tons of fish this season.”

Malya’s heart beat furiously, her legs turned to jelly, and she stood in bewilderment, looking at everyone.

“Go on, don’t be shy. You’ve earned it,” the chairman said, trying to cheer her up.

“Klauser is awarded a certificate from Comrade Stalin. And a jersey.” Chistyakov stretched his hand out to the girl to shake hands, and then presented the awards.

“Perhaps she’ll put on the new jersey, right during the awards ceremony,” the brigadier suddenly suggested. “It’s an award from Comrade Stalin himself.”

And Amalia, taking off the kernyashka, put on the warm jersey right there at the club. She wore it for many more fishing seasons and caught hundreds of tons of fish. In this jersey that was so dear to her she welcomed Victory Day.

Эльвира Серасхова

УДАПСА ЮШ ХУВАТ

Хувн ши пора хашас...

Тови ищки, машья хатл. Вотас. Юхаң кев пад наңк юхат кат-педа ёвалдаит тарм вотна. Сорм юхиет нувдал морыдат. Юхат кутн шовийл, ховийл, куцад вот пох. Донщ пулат юх элты рыйдат па вот похн алэмадаит па елды ларыман ад китдаят. Дыл ёхи ерамты кем. Унт войлэнкет иса ид ханемасат. Туп худам соткем вуды тащ юхаң кев сайян дарпиламал.

Пад юхаң кев идпийн и вуды хот доил. Ханты рут кат яй сакңан, лув утща ташад шавиман, ун Кев путар унты касдысат. Щадта па катра мув аратыман ур ёх па ханты ёх кутаңа усат. Сишн кашаң вуды тайты ёх ханятыманшак усат, лэвасанык курта ант этлтысат. Тови па сус пора Кев путарн хащидысат.

Йида педа вот ид питас. Восты этар лотыет этты питсат, турам хар дарпидаты питс. Дыску ши хоратты хот шаш педа опсас. Татья ким этас, сумат варас нув ёша вус па хот лонщ ид паркатты доис.

– Ши, Лыску, воляя, муй щашал, – нюхмас Татья.

Татья каркам, туса ёнтатсты нэңие, картэң сэвал ал суюийд. Дув ай похие тайс. Похиед хулам тал доватые ус. Ащелн сэма питама хатдан ай амп пошхиена мойласа. Нэмд Дыску, щи кутювал пидн каман ётал. Тал порайн нох кирылдыды. Дын шеңк ям лухасқан усқан. Тутья хой йишн нумасал, шеңк ям вулы ампие, похием уна йитадан ям нётам верал.

– Сый, – ястас Тутья, щадта ямас па худантыйд – ищимет луңханщап сый? Раңкапты питас, шеңк елды педа ант ныда.

Тутья донщ пай елды хырсалды, кат карты путан лонща яңхас, тут юх ёхи доңалтас. Ким этас ватладалды: хут вулы ухад, луңханщап сый этра тохарал, наврылтыман хота щи ванамалят. Тутья ёхи доңемас.

Велщи сахар элды ёхтам яй сакқан ким этсатан. «Па мув элды ёхтам ёх. Ур ёх», – дув кутан аңкармастан яйсакқан. «Муй верты питлув», – нумасмас уншак яйд. Ур ёх ун Кев одаң элды ёхатсат. Вана манлаңан, ватдаңан: одаң ухлаң ики, ухадал элды молты каншал. Яйсакқан ид нюрапсаңан па унт педа мукарматы утщисқан, туп так сыйн палдңалан лоп вусайтан. Потам донща йид ракатсаңан. Нови донщ хося кады этас. Ампат хоратлат, нопатты омассат, шукаң сый этра тохарл.

Тутья сора ай похиед нюкнина лоп ёвармаслы па осам идта пелка олтасды. Похиед иса шитам, ув ант верал. Тутья тут ими рат хар путара омсас, молтыдал потарман. Шеңк палтамас, нёхаид ад тарыйл. Тут имиел якман роман нох вущемас. Тутья ан тут путара омтас. Щи сус ов пеки щи ракнас, худм ур ёх ёхи доксат. Ур ясаңна молтыдал нюхмидат, тут путара вана хатсат, ит шайпута щакас. Тутья мохты мошта-слы – «Идампа недты литляят». Машьяна Тутья дэты пасан нык талас. Тута омталыям ан пасана оматсалды. Анат шай йикн потсалды. Пасан кератман дэты щи омассат.

Ши кеман ай похиел ниңхарты ши питас. Тутъя палтамас. Норы хоща навармас, осам хыр ед вошқасды, няврэм ёварыел алэмас па ким пайтасас.

– Холта манты, холта педа хухалты? – курңалад кутан кутан питамтыман онас хуват хухалмас. Тутъя кат педа нумасыяс. Онас нёда ёхтас ши доямтас, няврэмиед такан сама катадман, ищимет кева йис. Нох ракнас хун хот элты увалса. Тылащ новийн яма ныда. Ёхды аңқармас, и хоят каман дояс па лув педаед ёш вощемас. «Вохдаим», – нумалмас Тутъя – па муй ураңан? Ситы си доид. Хоят вана йиты питас. Тутъя пуңда ёхтас, потқасды лувел хотад педа. Няврэмиед-пошхиел холдаты питас. Тутъя машъяна ёхи шушас, потса, ернас пушты холты унты ёхатла. Ишқия йиты питас. Турамн хусат ал демпидат, исимет ётдат.

Ата йис. Вот хойдыты питас. Хун тайн хусат ныдаят. Тылащ йир и лапат хасьмал, ши ходал. Ёхтам ёх норха-хорха олдат. Туп Тутъя сэмңалад лоп ант пентыдыслы. Похиел вана нёратман, алаңсахат унты ши вердыман ус. Хутли этты питас, Тутъя нох доямтас, тут адас, шайпут нык омтас. Па ким этас. Камн ухад йилдийн Лыску ниңхарман олас, кур пелкад калына лоп уям. Тутъя лэотан ампиел юватсалды, Лыску охал ед кертас. Курыел нёдыты питас. Тутъя ёдн худэматы сый худмас па сора ёхи доңемас. Похиел рома олас. Ёхтам ёх нох килдат. Шай йисъсат. Мет пал доватаң хоят Тутъя педа кул туран молты нюхмас, лув ант моштасды. Щалта ёрн хыр адэмасды па ова юватсалды. «Актащты партдаям, – нумалмас Тутъя, – па утца хоты улдам». Ай похиел сора нох килтасды, латапсалды. Пунаң вайн па молщаңан думаттасды. Тутъя шай йиңк йинщемас, лэотот туп уңда нэмомлты ант лэпас. «Холта педа тудайман, хоты вердайман», – щиты нумасас Тутъя, ким пайтассаңан, тутчаң па ёрн хыран патан алэмасңан.

Вудэң ухлат сора аплак кутан манлат. Па мув педа ши матсаңан. Рут мувием ши хашас, похием щал – щиты нумасад Тутья.

Патлам атн ши ёхатсат. Тутья вантыйл вет ур хот дойил. Ёх паркатысат па ёхи доксат. Тутья похиел нох омассалды. Сахал лонщ ил паркатсалды. Мет юхат и ими дын хощяен ши шуштад ныда. Дынан ёхи вохсалды, лув юпедан хота матсаңан.

Щиты Тутья ур ёх хоща удты питас, ёх хоята дэсятся. Туп ялап тащ хотан лув ай похиел шеңк атма тайса. Тутья муйкем верытас щалитман тайсалды. Отчимна тащ шавиты китыдыса педна порайн. Патлам сус атн па ханты похлэңки тащ шавийл вуды порты войят элты.

Тутья хот рупата иса верас. Пиращ ур ими лув хот пелакна ус, иса машкап, ант потартыл. Щалта муй элты потарты, Тутья ур ясаңат ведщи моштаты питас. Щиты худмет товия ши йис.

Хун похие нийял тада йис аңкелн торлы потарса, ходща лын удлаңан па ястал:

– Похие ин наң уна йисан! Наңен мосад наң рут мувена манты, хота сэма питсан! Щита тащ хот уютдан яста: «Ма нюрм мув Мохсар, ма наңен юх кашты китдэм, наң ши ятн ун Кев тумпелка нёхты, ма пелаем ад нумаса, хоташ уддам. Щита ханты ёх удлат, лув наңен нётлат. Наң ям хоята йидан!»

Ям, тови наяң хатл. Ай кер тыдащ. Тутья хыра нянь шукат понас, сакар, вуды падам вой. Товийн хатлат хуват, хошмат, муй дьтдан щит вера. Похиел педа щалитман нюхмас:

– Похие, мана яңха, моса нюрамм молты варас акатдан нох харыям лотат хоща. Отчимал па ши ясаңат худас.

– Яхдам, аңкие! – туп шай инщемалам.

Аңки похиел ши яма лапатсалды па думаттасды. Вана апдмаслы, мосалтаслы.

Тови наяң хатадн ши китсаллы ун Кев педа. Тутья самал шеңк хошияс. Похлэнкем лудан хантэт хоща ат ёхтас – аңки нумасас па сэмңадал йиңка карэмастан.

Хув муй ван шушас похие ун Кев тумпелка ши питас. Сэмлад шеңк такан вотсаят. Юхаң кева ил охдас, путар ёхана нык ванамас, сита ун наңк пуңла ил опсас. Елды нэмолты ант ныда. Сэмлы питас. Кат хатл ши юх путарн опсас. Ати наңк юха нох унхыдыяс щита еша маңдытман олас.

Худатал тохдаң воит мантэд щясял. Лунтат. Ути юх морытты щясял. Идампа мойпар шики яңхал. Похие падтамас юха нохшак уңхас. Имолтыйн луңхансяп щясял, шеңк амтас. Анта. Наңк юха яма опсас, па ил вояпса.

А муй улм, а муй яна? Хоят тур сый щасял. Ин похие охал нох адмас, хулдалды, луңхансяп сый, ухал шихардал – идампа онас манал – нумасад похие па еллы ил вояпса.

Щиты нюрм мув Мохсар похие ханты ёх пидн удты питас. Мохсар ху – щиты аялды питса ханты ёхладн. Шеңк каркам, лув ёш элтэд тус пормасат этлат. Туп аңкиел кашаң порайн нопса питл. Инты унты щимащ потар ул, наңен-ки ант щалатдэн, каркама-ки рупитдан – хоята йидан. Щиты Мохсар рут елды патмас, тащаңа йис...

...Ун Кев путар ёхан овл, щита йиңк сыдн наңк похал энамал. Мет пад наңк шики холна дойл, нувдал подта йиты питмел. Щиты ханты хоятатан аялда – Мохсар наңк-пай!

Эльвира Серасхова

ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Легенда

Давно это было...

Весна. На лесном Урале по-зимнему метет. Деревья пляшут на ветру, гнутся. Сухие деревца, не выдержав, с хрустом падают на землю. Свистит, завывает ветер среди деревьев, подхватывая снег с веток и, кружась, уносит вдаль. Все лесные зверьки спрятались в норки. Только небольшое стадо оленей в триста голов под лесным склоном пасется.

Недалеко стоит чум. Живут два брата ханты. Издревле кочуют по этим местам. Доезжают до лесного Урала. В этих красивых местах проводят весну, лето, осень. В те далекие времена каждый оленевод старался не появляться близ населенных пунктов. Была коллективизация, раскулачивание. Да и набеги со стороны в поисках хороших пастбищ происходили часто.

Под вечер ветер стих, разогнав облака на небе. Появилась небесная голубизна. Лыску сел около чума и стал лаять. Вышла хозяйка чума Тутья и стала сгребать с него снег ветками.

– Хватить лаять, Лыску, что услышал, – усмехнулась Тутья.

Тутья красивая, стройная девушка. От ее походки мелодично звучит звон ее ложных кос. А какая мастерица! Есть у нее маленький сын-первенец. Когда сыну исполнилось три года, отец подарил ему щенка. Назвали Лыску. Целый день вместе со щенком они играли на улице: то запряжет вместо оленя в нарточки, то бегают друг за другом. Это были настоящие друзья. А Тутья наблюдала за ними, иной раз думала: «Верные друзья, вырастут, будут друг другу помогать».

– Тихо! – прикрикнула Тутья на собачку и прислушалась – будто слышен звон колокольчиков? Начало темнеть, вдали уже ничего не разглядишь, луна только начала подниматься.

Тутья до конца разгребла снег вокруг чума. С двумя ведрами сходила за снегом, занесла в чум охапку дров. Когда вышла на улицу, отчетливо был слышен звон приближающихся оленьих упряжек. Тутья забежала в чум.

Недавно вернувшиеся братья вышли на улицу. «Из других мест приехали. – Братья переглянулись. – Совсем не друзья, что будем делать?» Подошли поближе, первая нарта остановилась. Каюр нагнулся и в нарте что-то ищет. В это время братья поняли, что это недруги, и решили побежать в сторону леса, но оглушительный звук прервал их мысли, и они упали на снег. На снегу появились красные пятна крови. Собаки залаяли, завыли. Страшный вой разнесся по всей округе.

Тутья испугалась, схватила своего сыночка, завернула в старую ягушку и сунула его под подушки. Мальчик будто понимал и, не издавая ни звука, лежал не шевелясь. Тутья села у огня, причитая. Огонь резко вспыхнул, играя языками пламени. Тутья поставила тарелку у огня, слезы катились

по ее щекам. В это время дверь в чум открылась, и зашли трое мужчин. Что-то между собой говорили; один схватил чайник и жадно начал пить. Тутья очнулась, быстро выдвинула стол, поставила чашки, тарелку, разлила чай.

Начал плакать сын, Тутья схватила его и выбежала на улицу. «Куда бежать?» Быстрыми шагами пошла вдоль нарт. Остановилась, прижимая сына к груди и не понимая, что происходит. Уже совсем стемнело. На небе ярко светила желтая луна. Поэтому силуэты были отчетливо видны. Очнулась от крика, ее звали в чум. «Зачем?» – подумал Тутья. Видит, приближается к ней человек, толкнул ее в сторону чума. Сын стал громко плакать, Тутья ежилась то ли от холода, то ли от страха: в одном платье далеко не уйдешь. Звезды на небе ярче засверкали, будто подмигивали.

Ночью Тутья глаз не сомкнула, все смотрела на звезды через дымовое отверстие. На заре вскочила, растопила огонь. На улице увидела под нартой Лыску – скулит, лапа в крови. Тутья бросила ему кусок, но Лыску отвернул голову. В чуме кто-то закашлял, Тутья быстро зашла в чум. Сын спал. Незваные гости встали, попили чай и стали собираться в дорогу. Тутье тоже велели собираться. Не оставаться же здесь одной с маленьким сыном на руках. Один мужчина поехал к стаду, чтоб перегнать к себе.

Весенним солнечным днем ее аргиш поехал в сторону чужого стойбища. Невзлюбили маленького мальчика ханты, стали обижать. Исполнилось мальчику семь лет. Мать сказала ему, кто он такой, из каких мест, и решила его отправить на свою родную землю. «Здесь тебе не будет житья». Стойбище находилось в предгорьях Полярного Урала со стороны Республики Коми. Однажды ранним утром собрала мать в дорогу сына, накормила, обула, приготовила мешок еды с собой и сказала:

– Теперь ты у меня совсем взрослый! Пора тебе искать счастья на своей земле, где ты родился. Перейдешь на

ту сторону Полярного Урала, найдешь там стойбище ханты; будут спрашивать, кто ты и откуда, говори: «Я из Нюрм мув Мохсар», – обняла его и, не показав виду, что плачет, быстро отвернулась.

Весеннее солнце поднялось уже довольно высоко, когда мальчик подошел к подножию Полярного Урала. Перешел Уральские горы. Яркое весеннее солнце и белый снег слепили глаза мальчику. Мальчик спустился к лесу. Переход вымотал его, и пища закончилась. Последние два дня лежал на одном месте около высокой лиственницы, так как уже не видел, куда идет. Слеп. На ночь забирался на дерево, прислушивался к ночным звукам. Вот гуси стаями летят, гогочут. Ворон где-то прокричал, в лесу треск сучьев слышен – неужели медведь? Мальчик поежился то ли от страха, то ли от холода и стал карабкаться по лиственнице вверх. Вдруг послышался до боли знакомый звук: звон колокольчика. «Нет, это мне кажется», – про себя подумал мальчик. Крепко обняв толстый ствол лиственницы и хорошо усевшись на суку, решил вздремнуть.

То ли это сон, то ли явь? Откуда-то доносился голос. Нанхой? Ты кто? Мальчик уже лежал на нарте, когда очнулся. Приподнял голову и слышит скрип полозьев нарт. Аргиш словно змейкой тянулся к подножию Урала.

С тех пор мальчик стал жить с оленеводами-частниками, работал на них. Прозвали его Мохсар (Максаров). Пас большое стадо оленей. Влюбился в девушку, и они поженились – так появился род Максаровых, которые до сих пор ведут кочевой образ жизни, и главное их богатство – олени.

...В предгорьях Полярного Урала течет река, у берега реки стоит старая лиственница, а вокруг уже выросло много деревьев. У этой старой лиственницы и нашли мальчика. Ханты прозвали это место Мохсар нанк-пай.

Elvira Seraskhova

ON THE ROAD OF LIFE

A legend

It was a long time ago...

It's spring. In the forests of the Urals, it's snowing as if it were still winter. The trees dance in the wind, and bend. The dry trees can't withstand it and fall to the ground with a crack. The wind whistles and howls between the trees, catching the snow from the branches, and carry it away in a whirl. All the forest animals hide in their burrows. Only a small herd of reindeer, 300 or so, graze beneath the forest slope.

A tent stands nearby. Two Khanty brothers live there. Since ancient times, nomads have wandered in these lands. They come to the Ural forests. In these beautiful places, they spend spring, summer and autumn. In those remote times, every reindeer herder tried not to go near inhabited areas. Collectivization and dekulakization were in full swing. And there were frequent raids on reindeer pastures.

The wind dies down by evening, driving away the clouds in the sky. The sky is blue. Lysku sat by the tent and began to back.

The mistress of the tent, Tutya, came out and began to clear the snow away from the tent with branches.

“That’s enough barking Lysku, what did you hear,” Tutya chuckles.

Tutya is a beautiful, slender woman. When she works her false plaits ring out melodically. And what a craftswoman she is! She has a little first-born son. When her son turned three, his father gave him a puppy. They called it Lysku. They played outside with the puppy all day: they would make it drag a sled like a reindeer, or run after each other. They were true friends. And Tutya watched them, sometimes thinking: “True friends, they will grow up and help each other.”

“Quiet!” Tutya shouted at the dog and listened – could she hear the sound of bells? It had started to get dark, you couldn’t see anything in the distance, the moon was only starting to rise.

Tutya finishes clearing away the snow around the tent. She goes to collect snow in two buckets, and takes a bundle of logs into the tent. When she came outside, she could clearly hear the sound of reindeer sleds approaching. Tutya ran into the tent.

The brothers who had returned recently went outside. “They’ve come from elsewhere,” the brothers looked at each other. “They’re not friendly, what shall we do?” They came closer, the first sled stopped. Kayur bent over and looked for something in the sled. The brothers realized that they were not friendly, and decided to run towards the forest, but a deafening sound interrupted their thoughts, and they fell down on the snow. Red bloodstains appeared on the snow. The dogs barked and whined. A terrible howl was heard throughout the area.

Tutya was terrified, and grabbed her son, wrapped him in an old blanket, and hid him under a pillow. The boy seemed

to understand, and without making a sound, he lay still. Tutya sat by the fire, praying. The fire suddenly blazed up, with tongues of flame. Tutya put a plate by the fire, and tears rolled down her cheeks. The door to the tent opened, and three men came in. They talked among themselves; one took a kettle and began to drink thirstily. Tutya came to, swiftly moved the table, and placed cups and a plate, and poured out tea.

Her son started to cry, and Tutya grabbed him and ran outside. “Where to run?” She walked swiftly past the sleds. She stopped, clutching her son to her chest, not understanding what was going on. It was quite dark. The yellow moon shone brightly in the sky. So the silhouettes were clearly visible. She came to from a cry, she was being called into the tent. “What for?” Tutya thought. She saw a man approaching her, who pushed her towards the tent. Her son started crying loudly, and Tutya shuddered, from cold or from fear: she couldn’t go far just wearing a dress. The stars in the sky twinkled brightly, as if they were winking

At night Tutya didn’t shut her eyes, she looked at the stars through the smoke hole. In the dawn, she jumped up and stoked the fire. She saw Lysku under a sled – he was whining, with blood on his paws. Tutya threw him a piece of food, but Lysku turned his head away. Someone coughed in the tent. Tutya quickly went into the tent. Her son was asleep. The uninvited guests got up, drank tea and prepared to set off. They also told Tutya to go with them. She couldn’t stay here alone with her little son. One man went to the herd to take the reindeer with them.

In the sunny spring day, her argish went toward a stranger’s camp. The Khanty didn’t like the little boy, they were mean to him. The boy was seven years old. The mother told him who he was, where he was from, and decided to send him to her homeland. “Here you won’t be able to live.” The pasture was

in the foothills of the Arctic Urals in the Komi Republic. On one early morning, the mother prepared her son to set off, fed him, put his shoes on, prepared a bag of food and said:

“Now you’re all grown up! It’s time for you to look for happiness in the land where you were born. Go to the other side off the Arctic Urals, find the pasture of the Khanty; if they ask who you are and where you are from, say: ‘I am from Nyurm mov Mokhsar’”, she hugged him, and without showing that she was crying, she swiftly turned away.

The spring sun was already quite high in the sky when the boy reached the foothills of the Arctic Urals. He crossed the Ural Mountains. The bright spring sun and the white snow blinded his eyes. He went down to the forest. The crossing exhausted him, and his food had run out. The last two days he lay in one place by a tall tree, as he could no longer see where he was going. He was blinded. At night he climbed up a tree, listening to the nighttime sounds. Geese flew by in flocks, quacking. A raven cawed somewhere, in the forest there was the sound of branches cracking – could it be a bear? The boy shuddered in fear or cold, and began to climb up the tree. Suddenly he heard a painfully familiar noise: a ringing bell. “No, I’m imagining it,” he thought. Hugging the thick trunk of the tree and sitting firmly on a branch, he decided to sleep.

Was he dreaming, or was he awake? He heard a voice from somewhere. Nan khi? Who are you? The boy was lying on a sled when he woke up. He raised his head and heard the squeak of the sled. Like a snake, the argish slithered towards the foothills of the Urals.

Since then the boy began living with reindeer herders, working for them. They called him Mokhsar (Maksarov). He tended a large herd of reindeer. He fell in love with a girl, and they married – thus the Maksarov family began, which

still leads a nomadic way of life, and their main wealth is reindeer.

...In the foothills of the Arctic Urals a river flows, by the bank of the river stands an old tree, and around it many trees have grown. By this old tree the boy was found. The Khanty called this place Mokhsar nank-pai.

Евгения Роганина

МААЧА ЭМЭЭКСИН

Кэпсэл

Барар кэм бара туран, киһи олок олорбут үйэтин иллэр, – онук диэн нуруйбута Г. Р. Державин барар кэм туһунаан.

Барбытын да иһин өйгөр каалаллар барбыт киһилэр. Онтун былыргы өс көрдүк, өйгүттэн хүтэрбэккин.

Ого эрдэппитинэ биһиги школабытыгар Маача эмээксин үлэлээччи этэ, гинини киһи барыта «Мардаа эмээксин» диэн кос ааттыллар. Илэ да мардыагар улакан оңуоктаак, октугас багай, чарас һырайдаак, ыаракан үлэттэн илиитин тымырдара таска таксыбытар, ону һакалар «үлэгэ каппыт» диэччилэр. Ол иһигэр төһө да тымныыга биэк чараас пылааттаак, чараас купаайкылаак, һордоок. Аңар киһилэр гинини кырыылааннар, ону-маны һорунааччы этилэр. Эмээксин биэк буруйдаммыт киһи көрдүк: улакан да киһи, ого да аайыы күлэн ымаһнааччы этэ. Киһиэкэ үтүө эрэ һаңалаак, муһнаак туок буруйдаак буолой.

Мин гинини «эдьиэ» диэччи этим. Тээтэбин «убаа» диэтэгинэ өһүргэнэччи этэ: «Ээ, ити эмээксин түөһэйбит ээт, мин

туок убайа буолуомуй, гини минигиттэн эдьийэ буолуо?» Ону иньэм күлэ-күлэ тээтэбэр диэти: «Догоо, туоктан өһүргэнэгин, «убаа» диир абаа буолтай».

Иньэм, бэрт аһынааччы этэ гинини, кэллэгинэ чаай иһэрдэн бараан, утакатыгар балык, эт, туттарааччы этэ. Муңнаак бэрт үөрээччи: «Наастам эрэ ас биэрэр», – дии-дии.

Ол кэмнэ 50-60-к дьылларга, олус да туок эмээксинэ буоллой, школага кас да киһи ыаракан үлэтин оңорооччу этэ, һоготоккоон. Оголор гинини аһынан: «Эбээ, көмөлөһүөп-пүт дуо?» – диэччилэр. «Тьэ, тьэ бэйэм, бэйэм гыным ээт, Пөөччөм һэмэлиэгэ», – диэнээччи этэ. Бэйэтин үлэтин бүтэм бараан, балтытыгар көмөлөһөр. Ылгын балтыта Пөөччө школа оголоро аһыыр дьизэлэригэр повар-аччытынаан үлэлиир, эдьийин биэк һорунан эрэ быһар: «Ону эгэл, муну таһаар, киир, тагыс». Ол аайы Маача эдьийэ мөккүһэр аатыын билбэккэ, эттэрин эттиир; таһааратаагы маһы кииллэрэн кыстыыр; оһогун оттуннар, онтон, оһок аттытыгар кыратык итийэ олороон бараан, каттыы үлэлиир, илилэрэ кытарчы барыагар диэри. Пөөччө эдьийин бэлэмигэр олок олорбута, котуногар диэри школага аччытынаан үлэлээбитэ.

Ол кэмнэ мин өйбөр: кухняттаан биэк минньигэс ас һыта кэлэр; ньуучча аһа, онтон буспут һилиилээк эттэр улакан иһиттэргэ һыталлаар. Оголор бу минньигэс ас һытыттаан ымсыыран араксыбаттар. Школага киирээр гүүлэ кыарагас, онно мустан баран тураллар. Пөөччө таксан оголору ыйытар: «Кайа, оголор, ким ыллыы һатыыр?» Барылара элэ күүстэринэн дииллээр: «Бу баар, Лэңкэй, гини ырыаны ыллааччы». Пөөччө көрбүтэ: улакан кыһыл һыңактаак кыра уол ого, һаңардыы тыаттаан киирбит, кэргэттэрэ булчуттаар-«муоратаагылар».

Пөөччө көрөн бараан таптыыр: «Ичикээй, туок үчүгэй оготой, ыллааччыгын дуо?» Оголор Лэңкэйи Пөөччө диэк үтэ-үтэ диилээр: «Ыллааччы ыллааччы!»

Лэңкэй киирэн тыа өстөрүн кэпсиир, тыатаагы огонньоттор ырыаларын үтүктэн, өттүк баттанаан бараан, накалыы ыллыыр: «Иэ, доготоор иэ-э-э-иэ, йэ, иэ-йэ, ыраас уулаак эбэкээммэр, иэ-э-э-иэй-иэй...» Пөөччө бу аайы күлэ-күлэ Лэңкэйи таптыыр. Ыллаабыт киһи быһытынан минньигэс аһы толору таһараар доготторугар.

Ноччоттоон Лэңкэй Пөөччөгө ырыаһыт буолбута. Оголор гини ыллыырын көһүтэн тураллар: билэллэр, минньигэс аһы таһарыага Лэңкэй. Буспут эттээк чоңкуулары таһара таксан хииллэр, онтон Маача эбэлэрэ минньигэс ньуучча аһын таһаарарын көһүтэллэр. Көмөлөөһөбүт дии-дии абыраталлыыбыт мастары оһок аттытыгар, онон-манан кыстаабыта буолаллар. Эмээксин ол аайы, гинилэр кыстаабыт мастарын каттыы кыстыыр, бэйэтин гытта кэпсэтэ-кэпсэтэ: «Дьэ, оголорум абыраабыттара. Ыт огото кэлэн абырыа дуо?» Аңар улакан оголор, эмээксин өмүрүгүн билэннэр, муңнаагы анаан өмүрдэчи этилэр.

Утуайр кэмнэ, оголору утутаан бараан, Маача эмээксин оһокторун оттунар, оголорго тымныы буолумуогун түүн. Биһиги оһок итиитигэр, һырана-һырана, уот убайарын көрөн олороччу этибит. Онтон биһиги, обургу кыыс оголор, гиниэкэ көмөлөөһөччүбүт. Гини лаампалары бэлэмниир һарсыңһыга, стеклоларын бэрт чэбэрдик хотор, биһиги бэлэм лаампалары класстарга иллэбит. Ылайан утуктубут, гини мөлтөк буолан бүтэн да бүппэт, ону көһүтэн олорооччубут. Школабыт гүүлэтэ биир эрэ һунуурдаак буолааччы, онтуң караңтата диэңий, бэйэ-бэйэ, кутаһа-кутаһа утуайр комнабытыгар барааччыбыт.

Маача эмээксини эдэр ньуучча учиталлара бэрт аһынааччылар: «Здравствуйте, Мария Николаевна, у Вас все хорошо?», гини тугу ыйыталарын тоуолкулабат, мэнэ: «Һөп, һөп», – диир, ымаңныы-ымаңныы.

Биһиги барыбыт улаатан каалбыппыт кэннинэ, кас кэми школага үлэлэбитэ дьүрүй.

Биир һаас, мин улаатан, үлэлир кэммэр тийбитим, кан-нык дьыл этэй, өйдөөбөтүм.

Ол дьыл балыкчыттар барар кэмнэригэр барбыттара; тракторынан барылара көспүттэрэ. Гинилэр барар кэмнэригэр: айдан-куйдан, күлсүү-һалсыы, бэсэлээ да бэсэлээ. Луодкаларын, тыыларын, таңастарын, ыттарын тийэйэллэр, бэйэлэрэ араччы батан камныыллар; трактордара эмэ күүһэ һуок киһиэкэ талы араччы һыылла, эбэгэ киирэн бараан, түргэн багай, мээнэ эрэ бара турар. Гинилэр иннилэригэр, каас кэлбит кэмигэр каасчыттар каастана барбыттара. Рымнайбытыгар дьактаттар, оғолор, кырдыгаас киһилэр эрэ каалбыттара.

Көмүөл барар кэмигэр күн үрдүк, түүнү мэлдьи киһилэр утуйбакка, буус барарын көһүтэллэр, эгэ оғолор кантан утуйуоктарай. Буус бараар кэмңэ дьизэ аана арыллаан туруоктаак; оннук быһыы баар этэ ол кэмңэ.

Көһүтэ һатаан бараан утуктааммын утуйа барбытым дьизэбэр, төһө утуйбутум дьүрү, һарсиэрда улакан тыаска турбутум; кайа диэк баран көрбүтүм: көмүөл буус бара турар эбэ ортотунан. Карлапаан арыыны буус илчи һыбаабыт. Улакан буустар кумак коргоого ыттыбыттар. Чугастан буус барарын көрөөрү һыыр аннытыгар, коргоо диэк киирэн истэкпинэ, туок эрэ ньыыңыныырын истэбин. Туок да дииэппин бэрт, ол чугаһан көрбүтүм: Маача эмээксин чээлкээ баттага көһүннэ, улакан буус кырыытыгар һытар; пылата һуок, биир һапакиилаак атага бууска кыбыллыбыт. «Кайа, эдьиз, туок буолан кааламмыккыный кэ?» – дии-дии бу эмээксини тарда һатаан, мин үөгүүбэр дьактар үөрэ кэлэннэр, эмээксин атагын туура тартылар. Муңнаак куттанан карага өрө барбыт, туок диэй. «Буус кэллэ, буус кэллэ», – дьактаттар часкыылары иһиллэр: түргэн багайдык коргоого ыттан бараан, эмээксин муңнаагы, ким эрэ дьизэтигэр атаарбыта.

Буус барбытын кэннэ, оговор эмээксин буустак утакатын, һапакииларын булбуттара, буустана һырытта эни, һордоок. Анаан да Маача эмээксин биир кулгаагынан дүлэй этэ урук-кутан да. Истибэтиттэн каңас кулгаактаак пылаатын арий-ааччы этэ, истиэгин багардагына. Ол иһин буус да кэлэрин истибэтэ эни.

Өлө һыспытын өйдүүрэ буолуо, өйүгэр катанна эни. Кырдьыбытын да иһин, биэк утакалаак: мас, уугуль коммуна, биэк уу баһынар. «Муңнаак-бэйэлэк дьыэгэ олорумаары һылдьар эни», – дэһээччилэр.

Биирдэ, һайын эбэ кырыытыгар көрсүспүпүт. Маача эмээксин утакалак, уугуль комуна һылдьар. «Эдьиэ, доро-обо», – диэбиппэр токтообута. Уугульаак утакатын һииргэ уураан бараан, луодка кырыытыгар олоодо, мин гини атты-тыгар. Өр багай туок да диэбэккэ, уу диэк көрөн олоодо, мин эмиэ туок да диэбэппин. Уу диэк көрөн бараан, мин диэк каниста. Каһан эрэ ого эрдэгинэ чэгиэн этэ эбит, күөк карак-тара кырдьан боролуйбуттар. Олоро түһэн бараан, мин диэк көрө-көрө диэтэ: «Һыллыыр, мин былыр кэргэннээк, икки һымыыт көрдүк уол оговордоок, үчүгэй багай эрдээк этим». «Туок буолбуттарай кэ?» – диэн ыйыппыытым.

«Эрэйдээк дьылларга, һэрии һагына биһиги олодор һир-битигэр, Косистай диэн һиргэ, булт барыта һүппүт этэ: балык да, булт да һуок буолбуттара. Онно аччыктаан эрим, огом өлбүттэрэ, үгүс киһи бараммыттара ол эрэйдээк дьылларга. Мин һоготок огобун ылан бараан һатыы, киһилэри гытта Сындааскага каампытым, онтон, Рымнай диэк урууларбар, бэйэм төрүт һирбэр; канна һатыы, канна ытынаан. Ол баран истэппитинэн ылгын огом тымныйан, ыалдьан өлбүтэ. Бэйэм да кайдак тыыннаак каалбытым дьүрү, маска талы буолбуппун урууларбар эгэлбиттэрэ, бэйэм өйдөөбөпүүн. Һоччотон тулаайак каалбытым, бу, көмүс биһилэк эрэ онтон

каалбыта». Көрбүтүм, улакан чээлкээ көмүс бихэлэк уңа или-тигэр, орто чөмүйэтигэр һабыс һаңага диэри.

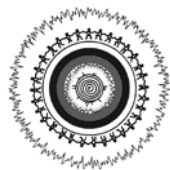
Карактара һутаакыы багайдар: «Мин һыллыр, каракыгым уута былыр куурбута», – диир. Мин туок да диэппин, аһынаммын, һаңата һуок каалбытым. «Э-э, муңнаак, киһи аһыныак», – эрэ диэбитим. Аһынаммын ытыы һыспытым, һордоок эмээксин.

Август ый дьыбардаак, олоро туһэн бараан, иккэмиит камнатыбыт. Мин кытыыл үстүүн ынтак барабын, гини дьиэтин диэк. Һаннытыгар утакатын уран баран диэбитим: «Эдьиэ, көмөлөспөппүн дуо?» Онно оргууйкаан диир: «Һуок, һуок, Пөөччөм һэмэлиэгэ». Утакатын ыараканнытан, эмээксин һиһэ «даар» гыммыка диэри. Туок да диэккэ бэрт, арачы кама-кама бара турарыын көрө-көрө, муңнагы киһи һүрэгэ аһыныак. Һордоок, улакан эрэйи көрбүүт буолан, кимэкэ да ымсыбакка олоубута, һоготок балтытын эрэ гытта.

Өйдүүбүн, аанын үктэлигэр табаакты олорон, киһилэр аттытынан аастактарына эчэңэргээн ымаңны-ымаңны, чэлкэ баттагынаан бөкчөс-бөкчөс гынар.

Маача эмээксин, бары киһиттээн ордук билэччи этэ, каһан муңкаһыттаар кэлэллэрин. Утакалак кирэрин көрдөктөрүнэ дииэтилэр: «Муңкаһытаар кэлбиттэр, Мардаа эмээксин һыыр аһнытыгар киирдэ, барың, тоһуйуң киһилэри».

Уолатаар бэрт үгүс балыгы биэрэллэр: «Эбээ, котуоң дуо?» ди-диллэр. Эмээксин арыччы балыктак утакатын һынньана һынньана, күтүр эмээксин, дьиэтигэр тириэрдэр. Тулайак, һордоок киһилэр өйгөө катаналлаар, мин караппар аныга да диэри: Маача эмээксин, буруйдааһыт киһи көрдүк, ыаракан утакалак, кайа үрдүтүүнэн кама турара.

Евгения Роганина

МАРИЯ

Очерк

Река времени в своем стремлении уносит все дела людей, – так писал Г. Р. Державин о времени.

Но воспоминания о прекрасных людях живут вне времени. Вне времени живет в моем сердце наша незабываемая истопница и сторож нашей школы тетя Мария. В поселке она слыла не от мира сего. Как к ней относились взрослые, было непонятно, все ее звали Марда-эмээксин. Может, она и не была «эмээксин», то есть старуха по-долгански. Она ведь в те далекие 50–60-е годы была в школе и за истопницу, и за кочегара, и за банщицу, несла на себе всю тяжелую работу. Была она очень худая, тихая какая-то. Все время в одном платке, в любое время года. Я не помню ее закутанной от мороза или от непогоды. Только руки ее помню – большие, жилистые, красные от ветра; на пальце обручальное серебряное кольцо. Она была очень одинока, хотя и жила у своей родной сестры – «Пёччэ» по-долгански, и Федосьи Николаевны по-русски. Та была очень веселой и жизнерадостной. Работала поваром. Так и проработала

всю свою жизнь. Хорошая и любящая ее сестра Мария была ей помощницей, без ропота подчинялась ей: топила печь, рубила дрова, готовила мясо, приносила продукты.

Я помню, из кухни всегда шел вкусный запах стряпни. А на столе горкой, в больших тарелках, кусками лежало оленьё мясо. Дети тундровиков постоянно толкались перед дверями кухни и ловили запах вареного мяса. Она угощала, но с одним условием: нужно было спеть долганскую песню – такую, которую поют старики в тундре. Соглашались не все. У нее был любимец – «тундровичок», коренастый, плотный и упитанный, с круглыми щеками, «Лэнкэй» по-долгански, что в переводе значит Сова. Он, и правда, был похож на совенка. Степенный, никогда и никуда не торопился, как другие дети, улыбочивый и добрый. Вот его-то она заводила на кухню, и он пел ей по-тундровому неторопливо, сидел, опершись руками на колени, и выводил протяжную мелодию: «...Эй-да-эй-э-э-э, э-э ого-олоор ей-да-а эй-эй-ээ-э...», а потом рассказывал смешные истории из тундровой жизни, и она долго и весело смеялась. Ребята терпеливо ждали «артиста» в тесном коридорчике. Он с довольным лицом выходил и выносил им большие куски вкусного мяса. Они знали, что сначала он угостит своих «земляков» по стойбищу, а потом уже поделит между остальными. Вся эта ватага выходила на улицу и располагалась кто где возле двери, на большой лестнице прямо перед окнами здания школы. Лестницу эту особенно любили ребята постарше. Вот они садились на нее и с аппетитом обгладывали мясо с костей. Они знали, что скоро выйдет тетя Мария и вынесет из кухни еще что-нибудь вкусное. Потом ребята, толкаясь, будут ей помогать, заносить большие дрова и кидать их возле голландки. А когда все разбегутся по классам, тетя Мария, тихо ворча, будет аккуратно раскладывать дрова возле печки. Вечером, когда уложит ребят спать (она была

и ночной няней), будет подкладывать поленья в топку, чтоб ночью детям было тепло. Мы, девочки, любили, когда она открывала топку и языки пламени ярко освещали наш темный коридор. Она сама садилась возле печки, и мы вместе с ней смотрели, как, весело шипя, разгораются дрова. Когда она закрывала заслонку, становилось совсем темно, но возле печки было тепло и уютно. Девочки все ее жалели и помогали ей как могли. В коридоре она заправляла керосиновые лампы, мыла и протирала их стекла, а потом разносила их по классным комнатам. Все это делала она без спешки; иногда ее медлительность раздражала нас, мы хотели спать, но бросить ее одну в темном коридоре было жалко.

Тетю Марию любили все, особенно молодые учителя. По-русски она понимала, но не говорила, а только кивала головой и тихо повторяла: «Хёп, хёп», – то есть «ясно, ясно». Мы уже все выросли, а она все работала и работала. Сколько времени, не помню, наверно, пока силы не иссякли.

В тот год была дружная весна, рано начался ледоход. В Новорыбном в это время в поселке мало народу, только дети да женщины, а всё работоспособное население находится на рыболовецких участках еще с ранней весны. С прилетом первых гусей на собачьих упряжках выезжают охотники, а потом уже их семьи и все бригады дружно загружают на тракторные сани большие неводники, рыбацкий скарб и под смех и веселую суету дружно отъезжают. Трактор еле трогается с места и, выходя на лед, стремительно летит по скатанной дороге; через несколько часов его уже и не видеть.

Я очень люблю это время. В поселке до позднего вечера все были на берегу, ждали ледоход, но лед все еще лежал большими пластами, только кое-где были заторы. Под утро я проснулась от шума и грохота. Я побежала на берег; большие глыбы льда взгромоздились друг на друга и поднялись на песчаный холм; вода прибыла, и весь лед с грохотом

и шумом несло мимо нашего берега. Я спустилась к реке. Мне показалось – кто-то кричит, и я подошла прямо к льдинам. Сначала я увидела как будто знакомый платок, а потом и тетю Марию, лежащую между льдинами: один сапог – рядом, второй – подо льдом. Как она туда попала? Я подала ей руку, она машинально, что есть силы поднялась ко мне. Потом я наклонилась за ее сапогом, стала вытаскивать из-подо льда, а в это время лед на берегу начал угрожающе подниматься. От испуга я вскочила, взяла ее под руку, и мы стали потихоньку подниматься вверх, подальше от берега. К нам на помощь поспешили другие женщины и осторожно увели тетю Марию домой, к сестре. Этот случай она, наверное, помнила всю жизнь. Потом, когда все страхи улеглись и река освободилась ото льда, дети нашли ее мешок со льдом. Оказывается, она собирала в мешок береговой лед; припозднившись, не заметила надвигающую на нее беду. Она всегда была туга на ухо, и поэтому, когда хотела что-то услышать, отодвигала платок с правого уха.

Летом я снова встретила ее на берегу, как всегда с мешком – видимо, собирала уголь. Мы сели на камень. Она посмотрела на меня своими поблекшими от времени, некогда голубыми глазами и печально улыбнулась. О чем она думала в этот момент? Первой заговорила она:

– Когда-то давно-давно у меня был хороший муж и двое беленьких, на ангелочков похожих сыночка.

Я спросила:

– Что с ними случилось?

Она ответила:

– Мы жили на берегу Хатангского залива на Косистом мысу, я не работала, муж добрый и хороший был, работал. Началась война, и стали голодать. В военные годы в тундре исчезло все: и рыба, и олень – ничего не стало. Многие ходили на охоту впустую – не было ничего. От голода

люди стали умирать. Я мужа и первого сыночка похоронила. Потом пешком с младшеньким пустилась в дорогу: сначала в Сындасско, а потом и в Новорыбную, я ведь сама из этих мест. Долго добирались, где пешком, где и с людьми на собачьих упряжках. По дороге умер и второй сыночек. Сама как жива осталась... ходить от голода не могла, еле довезли меня до родственников. Вот с тех пор и одна, только память о них осталась да это обручальное кольцо.

Она протянула мне свою большую натруженную руку: на тонких пальцах, как память о самом дорогом, блестело на солнце серебряное кольцо. В ее глазах не было слез. А потом она сказала:

– Нет слез, я все их выплакала, – так тяжело вздохнула, что ее вздох перешел ко мне, и я долго не могла прийти в себя от этого вздоха.

Был августовский вечер, стало прохладно, мы поднялись, чтоб уходить. А потом она говорит:

– Пойду, а то Феня будет ругаться.

Я помогла ей закинуть на худые плечи тяжелый мешок с углем; от тяжести она еще больше согнулась. Мне стало так жаль ее! Она шла рядом и тихо как будто стонала. Я предложила понести мешок, переложить его мне на спину – она категорично, как всегда с виноватой улыбкой, отказалась от помощи:

– Феня ругаться будет, – тихо сказала она и, опустив голову, пошла в сторону дома. Я смотрела ей вслед, и мне показалось, что не от тяжести мешка она согнулась, а от горя и одиночества.

В поселке она ни с кем не общалась, в свободные дни сидела на крыльце, всегда в одном и том же платке и в фуфайчонке, курила и всем, кто проходил мимо нее, ласково улыбалась и кивала своей седой головой. А когда ходила по берегу, сама с собой тихо разговаривала.

Летом она знала, в какое время приезжают рыбаки, и садилась на берегу, ждала их. Рыбаки любили ее и охотно клали в мешок столько рыбы, что она еле поднималась в гору и шла домой.

Вот такой, согнувшейся под тяжестью времени, с виноватой улыбкой, тетя Мария осталась в моей памяти.

Evgenia Roganina

MARIA

A sketch

The river of time in its current carries away all human affairs, the poet Gavriil Derzhavin wrote about time.

But memories of wonderful people live outside of time. In my heart, our unforgettable stoker and janitor of our school, Maria also lives outside of time. In the village, people thought she had her head in the clouds. How adults thought of her was not clear, everyone called her Marda-emeeksin. Perhaps she was not an “emeeksin,” which means “old woman” in Dolgan. In those remote years of the 1950s and 60s, she was the stoker, the boiler woman, the bathhouse attendant at school, she took on all the hard work herself. She was very skinny, and quiet. She wore the same headscarf, all year round. I don’t remember her being wrapped up against the cold or bad weather. I only remember her hands, they were large, veiny, red from the wind; there was a silver wedding ring on one finger. She was very lonely, although she lived with her sister – “Pyochhyo” in Dolgan, and Fedosya Nikolaevna in Russian. She was very cheerful and lively. She worked as a cook.

She earned a living in this way all her life. Her kind and loving sister Maria was her assistant, who obeyed her without question: she heated the stove, chopped logs, cooked meat, brought groceries.

I remember that there was always a delicious smell of food from their kitchen. And on the table, pieces of venison lay in large plates. The children of tundra worker constantly crowded in front of the kitchen door and caught the smell of cooked meat. She treated them, but on one condition: they had to sing a Dolgan song – the kind sung by old people in the tundra. Not everyone agreed. She had a favorite “tundra dweller” – squat, thickset, and plump, with round cheeks, “Lenkei” in Dolgan, which meant owl. He really did look like an owl. Deliberate, he never hurried, like other children, smiling and kind. She once took him to the kitchen, and he sang to her in the tundra style slowly, he sat with his hands on his knees, and sang a melody: “...Ei-da-ei-e-e-e- ogo-oloor ye-da-a ei-ei-ee-e...”, and then told funny stories from tundra life, and she laughed merrily for a long time. The other kids waited patiently for the “singer” in a narrow corridor. With a satisfied expression, he went out and brought them large pieces of delicious meat. They knew that first he would treat his “fellow countrymen” from the pasture, and then share among the rest. All this gang went outside and hung around the door, or on the large staircase right in front of the windows of the school building. The older kids especially liked this staircase. They all sat down on it and ate the meat off the bones with an appetite. They knew that soon Maria would come out and bring them something else delicious from the kitchen. Then the kids, pushing each other, would help her, bring large logs and throw them down them by the stove. And when they all went to classes, Maria, grumbly quietly, would carefully place the logs next to the stove. In the evening, when she put the kids to bed (she was also

a night nanny), she would put logs in the stoves, to keep the children warm at night. We girls liked it when she opened the stove, and the tongues of flame brightly lit up our dark corridor. She sat by the stove herself, and together with her we watched the logs burn, hissing merrily. When she closed the shutter, it became completely dark, but it was warm and cozy by the stove. The girls all felt sorry for her and helped her as best they could. In the corridor she filled the kerosene lamps, washed and cleaned the glass, and then carried them to the classrooms. She did all of this without hurrying; sometimes her slowness irritated us, we wanted to go to sleep, but we didn't want to abandon her in the dark corridor.

Everyone was fond of Maria, especially the young teachers. She understood Russian, but didn't speak it, and only nodded and repeated quietly: "Khyop, khyop," which meant "right, right." We had all grown up, and she still worked and worked. I don't remember how long, probably until her energy ran out.

That year the spring was friendly, the ice began to break up early. In Novorybny there were few people in the village at that time, just women and children, and all the working population had been at fishing spots since the early spring. When the first geese arrive, the hunters come on dog sleds, and then their families and all the crews loaded large fishing boats on to tractor sleds, along with fishing equipment, and left to the accompaniment of laughter and merry fuss. The tractor could hardly move, and when it reached the ice, it swiftly flew along the track; a few hours later you could no longer see it.

I love this time. Until late evening everyone in the village was on the bank, waiting for the ice-breaker, but the ice still lay in large sheets, there were only gaps here and there. In the morning I woke from the noise. I ran out to the shore; large chunks of ice were piled on top of each other and rose

up on to the sand hill; the water arrived, and all the ice was drifting past our bank with a tremendous cracking sound. I went down to the river. I thought someone was shouting, and I went straight to the ice chunks. First I saw a familiar scarf, and then Maria, lying among the ice chunks; one boot was next to her, and the other was under the ice. How had she got there? I gave her my hand, and she automatically rose up to me, with all her might. Then I bent over the boot, and began to pull it out of the ice, while the ice began rising threateningly. I jumped back in fear, took her under the arm, and we slowly began to climb up, away from the bank. Other women hurried to help us, and carefully took Maria home, to her sister. She probably remembered this incident all her life. Later, when all the fear had died down and the river was free of ice, the children found her bag with ice. It turned out that she was gathering ice from the bank; she didn't notice the danger until it was too late. She was always hard of hearing, and so when she wanted to hear something, she moved the scarf back from her right ear.

In the summer I met her again on the bank, as always with a bag – evidently, she was gathering coal. We sat on a rock. She looked at me with her once blue eyes, which had grown pale with time, and smiled sadly. What was she thinking about at this moment? She was the first to talk:

“A long time ago I had a good husband and two blond boys who looked like angels.”

I asked:

“What happened to them?”

She replied:

“We lived on the shore of the Khatanga gulf on the Kosisty Cape, I didn't work, my husband was good and kind, he worked. The war broke out, and we started to starve. In the war years everything disappeared in the tundra: fish, reindeer – there was

nothing left. Many went hunting without catching anything – there was nothing to catch. People started dying of starvation. I buried my husband and my first son. Then my younger son and I set off on foot: first to Syndassko, and then to Novorybnaya, I'm from this place myself. The road was a long one, we walked, in some places we were given a ride by people in dog sleds. My younger son died on the way. I survived... I couldn't walk out of hunger, I barely made it to my relatives. Since then I've been alone, only the memory of them remains, and this wedding ring.

She stretched out her large and weathered hand to me: on her skinny fingers, as a memory of what was dearest to her, the silver ring gleamed in the sun. There were no tears in her eyes. And then she said:

“I have no tears, I've cried them all,” she sighed so heavily that her sigh came to me, and I took a long time to recover from this sigh.

It was an August evening, it had got cold, we stood up to leave. And then she said:

“I should go, or Fenya will get angry.”

I helped her to put the heavy bag of coal on her skinny shoulders; she bent over even more from the weight. I felt so sorry for her! She walked next to me and seemed to groan quietly. I offered to carry the bag, and asked her to put it on my back – she categorically refused help, as always with a guilty smile:

“Fenya will get angry,” she said quietly, and lowering her head walked towards her house. I looked on, and it seemed to me that she was not bent over from the weight of the bag, but from sorrow and loneliness.

In the village she didn't talk to anyone, on her days off she sat on the porch, always wearing the same scarf and jersey. She smoked and smiled kindly at everyone who

walked past, and nodded her grey head. And when she walked along the shore, she talked quietly to herself.

In summer she knew what time the fishermen would come, and sat on the shore waiting for them. The fisherman liked her and put so many fish in her bag that she could hardly climb the hill and walk home.

This is how Maria remains in my memory, bent over from the weight of time, with a guilty smile.

Матрена Талеева

ВАТОРА''МА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тыне – вдова, женщина в возрасте, небольшого роста, полная.

Пале – ее молодой муж, отец младших детей, стройный, красивый мужчина.

Хавря – сын Тыне от первого брака.

Саля – дочь Тыне от первого брака, красивая девушка.

Петё, Яктя, Сара, Татё (Дети) – дети Тыне и Пале.

Бабушка Луке – мать Тыне и Мики.

Мика – младший брат Тыне.

Еване – жена Мики.

Уле, Евдя, Эдэ, Еле, мальчик Мика (Дети) – дети Мики и Еване.

НЮРТЕЙ ПЕЛЯДА

Таңы. Нумда саць сава. Хаер''пэсьда. Мерцяко посна. Лэ''мор'' мална''. Яха' сяд' ниня ңарка мя'' мяры. Мяд' хэвхана хурюда хан'' ңока''. Выңгана хибяри сававна илевадо' таминханда хамадава пир''. Тыне хоба' ниня ңамды, сэдора, сём' мэңа. Пыда – сэримы не, мале похо''ната мэна, лы

нюдяко, няңота не. Манзраванда сер'', саңода не' нюнда няю ханңа. Не' нюда юхуна хэвхана надорңа, танёнда еся ңурнари'' со''. Саяя – ябтокоця сядота пирибтяко. Нюдяко ңацекеы'' ңахакуна мэ'', яркола сянаку''. Тыне сэдъида сюръяда, не'нюнда' няю ядалй'', хэвханда то, ңамды, не' нюнда намы нена манэсарңа, маймба вахалй''.

Тыне. Пэдаваков, ненэй нядаңгоданэ мале хаян, саць сававна пени намыд, сэдора ңод'' мела''ан, ңока ембдярм' нит' е'' эмня сэдан, теда' сэрако паныдамд' сэдбани' тара. Нисямд' яркола нядабасътыр, тэхэна есьтын, поерцетын, хардан' хабейманзъ ңэдалёрцтын. Сидни' саць сававна нядабин, ңани'' нид тедари' тамна нюдярка''. Тюку по'самляңг яңганя пор паны, тад ңэвтана тута. Не' ню невхы ватовна хаепа мипда, хасаванда мякана илевнда.

Саяя. Небёв, пыдар си''ми пена напа, сэдора тохолан, ңаварм'пиреба ңод'' теневадм', мядм' мярба ңод'' пиртадм'. Нисяв си''ми тына мэсь тохола, тым' ңод'' яркаңгудм'. Пыдари' хавнанди' хибя си''ым тохолаңгуда, ңэвтана'' тоб'', харти' нисян' ня таслари', хэвхананди' илева саць нянан сава. Нисява'' тэхэт валакада тута, нерманзъ хантадм', тум' пята тара, едва ядемда тара. (Манзъида ма''лэйда, пад' мю мэйда, небянда'хэван нуль'', майба сюрхалй'', панрида либамй''.)

Ңацекеы''. Салёв, маня'' яха' няю нянанд тутава'', сит нядаңгува, сянако' пэкуцядава'' ма'' лаңгува''. (Ңацекеы'' мякад сяйникдамдо', ханяны нюдяко нернзядамдо' мэ'', Саяяндо' пумна тёрсавэй сюрбыд'', Саяя ңод'' нита' ня исярка, ңарка нернзям' мине, няръяна имбытата панрида либана.)

Тыне. Салёв, яха' няна икана нёда'' исю'', нид'' пэкоци ит' нёя'' моёпю'', ид' ерв иринда сэван' тебңгу'', пыда нензюмда, халякоцядава'' ни табңгу'', идм' сянакуць хэвы, хакэра'' тарем' манзеты. Пон'' нёда мэ'', ңэцяра'' тэхэт валакада тута, сяйман' харваңгу, яв' няна тына'' мале' ңади''.

Саяя. Небёв, пон' нива'' мэңгу'', нива'' исьңгу'', сяйникна'' табхана вырдаңгун.

НЯБИМДЕЙ ПЕЛЯДА

Тыне нусь хаи, нудам' тидкуць яв' няю сырца, индта цахат нэкалңада, пям' юпа ня. Вэн'' мадлыд'', хасавада цадымя. Пале ханамда ва'' хэван сярата, ненда' няю нись паромбю'', ядалй'', саңода мяд' няю хая. Пале сомбой сэдвы ной мальцянда' нимня, паской нида сярэ, цэванда ниня падыраха неняңг'савам' мэ''ца. Пыда ябтако, пирыцяко, сядота хасава, Тыненда' хэван то, я' ни цады''.

Пале. Цацекыни' ханяна мэта''? Мякана хибяхарт нися тур''? Тына'' яв' няю нэдарэян, таняна ханзурка, нумда цока, неняңгахат, пилёхот нылаңгуд''. (*Лэркабт'' цацекэдрев маймба лахана.*) Тыне, няхар'' ябтом' ядаманзь, сидя ца''цо' пидям' ходм', сар''ню'' ханан' нерняна нядэй' поңгана ца'', цацекы'' пуна' мят' татыдо'. Нян инзелен, цамагэвна ир' ядэрнада? Мэсь нэява пям' юпа, пуна цацекы'' пям' хамадаңгу'', нылад'', хэвхан цамадад''.

Тыне. Цацекыни'' яхан' нерманзь хаяць. Хибяхарт турта яңгу. Не' нюни' ня лаханакуманзь. Вадида сейхан' сававна теба, нянанд' цод'' тарця вада'' сава нэңгу''. Пыда тамна нянан пили' нюдяраха нэңгу. Пыдъеда невхы' серо' вунида тенева. Хасавов, ваторама' вадам' мада вэва нэдакы? (*Хасаванда' няю сылы''.*) Салями' сит нисядарев сахарамби, сяца, мэне. Ненэй нисянда яңгума, цока поңэ хая, няхар'' покуцядась, хасава нюн' мат'' пода панысь, цадыбянда цамагэм' тарця нюдяко цацекы тенеңгу, саць нюдясь. Сэвта' нерняна цопой нисям' илеванда' ямбан' маниесь, пыдар сит, тикырим' тенева.

Пале. Ваторама' вадам' мадаба ни серос''. (*Янамбовна вахалй''.*) Мань цод'' нянд' илеванзь тоба''ан цацьмбой наныманзь. Пыдар нисяр, небяр, някыд'' тарем' тасладонзь. Пыдар' ёнэй папар мань мэвнда пирибцяв пыян' нэлад ханадасеню''. Тикым юрар? (*Царкавна хэтада.*)

Тыне. Юрхава нив юр''. Нянд' хаепа хэба''ан мале сидя
ңацекэвась, мань ңод'' ңацъмбоймась, тет ңацекым' нянд'
соябтадм', ңарка хасава' нюв' Хавряв сянд' небян' хэвхана
илеңгуда, нелева ңарңэ мале хая. Наны ватохонанда нелеба
тара. Пыдар невхэна неле' ватор тэввакы, сяха' нян илеванзь
тобат. Мика' папан' ңацекыда мал не'', ңарка не' нюди' небян'
вадабада, мале сававна нядаңгода.

Пале. Тэввакы'', тэхэвыд ңокаць, нензя' тарцясь. Таңок
тым' ераба нив'' тара, теда' тамна тяха' тыни'' ңокма''. Нись
ңана немаханан' Сэрнем' манэ''надм', няюн' сюрмбада-
ханда хибяри'' ня''мадо', ханадо'. Мань ңударин' тания вэң-
галы'', пуна' немав' хая. По' ваера'', ңани' невхы'' немаханан'
тулыд'', сеюв' есьворңа. Невхэна сава иленя'' сян' недо' ңэсь-
тыню'', ңэвтана'' тоб'' не' нюми' нив мит'', тамна вадёданая,
ңани'' ңацекыни'' нюдярка''. Тарем' сава?

Тыне. Немавахана ңамгэм' нинда манэт''. Валакада Сэр-
нем' ныхыри нидосеню'' хана'', харта тэравы наныда. Пыди'
ниди' ңана мэнейдинзь. Не' нюми' тания' вадёданая. Пыдар
ңод'' невхэна си''ми няданась, мань мякан' илеванзь тонась,
вы' яханана писядетна'' танияць, хибяхартан' нинась инзеле.
Сэра' не ңэва саць вэва. Небян', нисян' хэвхана иб'' сидя
ңацекэв няць илеңгодвакэдм'. Валакада хусувэй не' харта'
мята, нюда, ңацекыта' нися – ты' пэртянда танияб'' тякахана
ябдаңгу. Теда' мань саць ябдадм', вы' явнани' мюсерңани',
нюни' ңока''. Я' мал' няд юн' тосеню'', Сэрне папан' ня тет ню'
нюм' вадабихи', ябда илеңаха', тыди' ңокмы''. Тамна ңамгэ
илевахана тара, тюку ян' нихиню'' мий''.

Пале. Хурка сякнати' тюку ян' тутңаханда. Сэрнем'
теда' вунив'' ңате'', харта' тэравы илевада, тания танияна иле-
яха', не' нюди' сававна вадамбаяха'. Валакада пыда невхы
ватом' юрвада вэва, нисянда, небянда вадам' ңамгэхэртаңэ
нида пэр'', пыди' нян' ваторңадись. Сэрне саць вэваковна
сертада, ңока хибярим' ярдась. Нисяда, небяда ңока вэвако

вадам' писядетна хибярихыт намдвакэхэ'. Мань вэсакохо' ня' вунидм' нену, пыди' невхы вавтовна не' нюмди' нелеванзь харвадись. Харт нод'' ваерамы серм' мал'' теневар, цока вадемы, цока намдвы.

Тыне. Хасавов, мал''тенеv'', невхы'' илемя'' мале ваера, нерня' иле нив'' тара. Невхэна царка хибярина'' ватовна илесетыва'', инзелесетыва''. Сомбой цэцекыни' вадёдана'', хасава' нюр таняню'', сит пыда. Ты' серт' нюми' тохоламба нив тара. Теда' едэй' ватовна цобт'' падвэни', тарця падарми' таня. (Инда няркна хэтада.)

НЯХАРАМДЭЙ ПЕЛЯДА

Пале мунзялма, яха' няю сырца, таняд' нернда цэцекы'' вабц'' со''. Нерняна'' паромбари'' царка нернзяди' мине Саля яда, пумнанда нюдяко нида яда''. Ханяцы'' панханато' пэкоци мине'', ханяцы'' икна панта сэйникм' минре''. Мерцёвна ицавэй сэйникдо' мят' ханэйдо', нюдяко цэцекы'' нисяндо' няю маймба сюрбыд''. Саля пин' тарпы'', пя' севолм' ня''ма, мяд' няю ханада. Пале туселта вадарэнда' пумна сырца. Тыне хасаванда сацом' хамадада, невхы' ватом' хасавада нида юрцгу''. Тыне сёнзянда мюй' тудрев ядемя, ида вома, ладвэдрев, мята' няю ядалй''.

Пале нюдяко цэцекыта' ня'' нись паромбю'' ханда'няю хая.

Пале. Сара, Татё, ханан' нерняна сар''ню'' ца'', мят' янамбовна ханэйди'. Петё, Яктя, пыдари' цани тирти мяд' няю ханэйди'. Сяй' пуд ницгиди', пэвсюмы' цавормаханана тиртя' ям', сар''нюм' цамдава''. Хуняна харвабта халяком' татадм', няманзэйм' яхан' мяраманзь, таняна туи'' таня-сеты''. Халяко – саць цамнелада цавар, яв'няна илена'' мале яв'халям'цавортакы''.

Саля. Небёв, едва'' ядемя, столва'' цамтацгудм'? Цамзи тедцгун? Нисява'' цамгэм' тавыда? Няна нин'' маймба вабсадо' со''?

Тыне. Нисяра'' няхар'' ябтом' ядавы, тамна сидя на''цо' пидям' ховы. Теда' нид мят' татыдо'. Пэвсюмы' сяймахана сар''нюм', ябтом' пиренгуни'. Едэй наварм' хортава''. Саля, тарем' сава? *(Саля небянда сят' сылы'', небянда юнраван' пыса.)*

Саля. Небёв, ханя' сава ната, нядан юнрава тараңав'', ханзер'' пыдар таслар тарем' нэңгу. Нисяв, нин'' сяйманзэ хандын. *(Нём' нэ, пин' төрей'')* Нэцёв, Саров, Татёв, Петёв, Яктёв, навортава''! Ёкора'' ханзеңгу. *(Пухид мал'' мят' тю'', хусувэй харта намдёлаваханда намды'', мунзи'' навольд'')*

Тыне. Нумда теда' саць ни ядебю'', харвабта нэрм' яляңэ ханта. Небяв, хасава' нюв' Хавряв' нана'' нинаць вэ-дамбю'', мято' яв' вархана нэсьтыню'', яв' халядава'' на-завна мэбна сава нэись. Нисяна' яңгума мале сидя поңэ хая. Мика' папан' Еваненда ня' тет не' нюди', хури'' мале'' вадёв-анңагья''. Еване харта' хасава' нюда ноб'' тарем' самляңг яңганя пота, сидя потаком' хадада хаередась, тенад нянанда иле, небян' мят' турмакы? Нацеки''ын' нися, намгэм' хэтң-гун?

Пале. Вэвада яңгу, мядона'' хахаяван небямд' манэ-пат тара. Нобкана нэдалёркани', нэка по'' ваера''. Небяр намгэм' хэтңгу, вадамда хар'н хаханан' намдван харвав''. Сидя нацекэми' нянани' ханаңгуни'. Сидя ханхана мякандо' нэдалаңгуни'. Мяд' пэртя' Сальява'' нэңгу, тына'' лытмбаңгу'', няхарнэ ты' няю ханта''. Тыто' ва''анван' хобцкурта'', Салядо' толаңгода. Тыне, тарем' сава?

Тыне. Тарем' нэёв! *(Маймба вахалй'')* Нумда теда' писавэй яля, сармик'' яңгу'', варк цо''ни'' надибер''. Харва-бта сеңггуни'. Небян' вада хурка нэңгу, надыңгува. Саляко, ты' няю хэбта'', хаёвнда вэн'' сярйид, пумнани' нибто' то''. Сэвко' вэнекомд', нянанд ты' ня ханаин, пыда танырпата мел''. Мят' нём' есанабцьңгана мэйраир, мерця' нем' нибта

нэ. Няхаюд' хэвхананд мэяха', цобкана сейтада''. Трубамд' нён юр'', янда'амна сырцету, хэвний ты'' лэркабт'' нёя то''.

Саля. Небёв, нисёв, нюртей мэва вунива'' хаюр'', иди нёя'' няркна'', вэнон' сярцгун, ни''ын' ня тына'' сававна лэтмбаңгуна''. Нер'' пилю' мят' тюсь, тецьда нум' цэңгу, хакэва'' тарем' манзеты. Ханзо яляко цэбта савась. Ядембата тына'' хадырманзь яв' няю цэдараңгуна'', ва''анвась мяна'' хэван татына'', неняңгахат пурадм' сертаңгудм', пилё'' танияб'', пилёндава'', цэцёв, сава!

Пале. Тыне, не' нюми ненэй ты' пэртя, ты' серм' сававна тасламбида, хаданда вади нивыда юр''. Саць ядембата мани' цод'' пон вунини' мэңгу''. Нер''тюлесей' сёмда мэңась, тюлесей сарём' ханзеты, мерцяда яв' няд посна пяда.

Тыне. Тикавахана сарюмда, савкадара'' хананд' мю мэ'', тараңгу'' серңгуда''.

Пале. Сяй' пуд Яктя, Саля, тына'' ма''лэйди', мяд' няю тайди', мань тянямбовна нылаңгув'', пи' тына'' саць падець. Мядоманзь, есь ханна'' тэхэ'' сяра тараңгу. Мадавы' неро' пензя' мюня тания'', еванда сер'' таида''. Цэдолюрмана'' цэсонд' пяра'' тэвңгу'', теневана луцав' хасуй пям' яв' няюд тата, сеня' хардан' ядэрпа''ан табадаманзь.

Яктя. Цэцёв, сян хан'тэхэ''на еңгува''? Мань хар''н цэдалё пиртадм'.

Пале. Сидя ханхана ханя' сава ца''. Хан' тэхэ''на'' сиби цэңгу, ты ма''лабаб'' мер' цэңгу. Цэёв, пыдар Яктя мале царкаркан, Салямд' нядабаңгун.

ТЕТИМДЕЙ ПЕЛЯДА

Яв' хумба со. Соты' ядхана мя'' сэр'' хохорэйдарев морена, мя' якэда моңгья. Вэн'' мадлыд''. Хибяри'' мякад тарпыд'', сырца'', цатена''. Мядонда' няю тороварманзь ядалгяд''. Нерняна Луке' хадако, холая парумба, яда, яңгада ямб, тобэй хибяри тумдыда. Выңгана хибяри'' тэ''эмнандо'' нидо' тумдсетыдо'.

Луке' хадако. Ҙани торовов! Пон сидна'' вэдоманзь нидаць тур''. Ювэй, нянов ңацекэцяха' ңармэхэ'! Сянд' нуңгувата'', мят' хэхэва'', мядондава''. *(Мал'' мяд' няю пядо'.)*

Еване. Торовов, торовов, хубта яра яңгов! Сяйманзь мэваць, сяйникан' пи'', сава хибяри сяй' хамадөдан' тосеты''. Тыне, ңоб'' нерня' синя' мий'', ңацекы'' хадандо' хэван ңамднгуд'', хасавахавя харти' ңамдөлавади' теневыди'.

Мика. Пале, ханзер'' сывымда мадара''? Нарада вэвасеню'', суюда'' ни ха'', колхозник'' няданда хахаи'', тенева ңысмина'' нися'' мяканда'' тур''? *(Ҙодь янамбовна, нись паромбю'' лахана.)*

Пале. Сывымда сававна мадава'', нюртей суюна'' хаць, ханимя'', колхозник'' хахая то'', мядодо' нади'', ңысмина'' ниць тур'', ңарка яха' Талата'' тяхана хаюдакы''. *(Нись парумбю лахана.)* Хаврява'' ханяна мэда?

Луке' хадако. Хаврява'' Як' няканда ңацекы'ня яв' няна мэ'', яв' халя сававна миңа''. Мякнанда теда' хибя'' хаита''? Сянра'' ңэсадата'', мале юрба пяв''? Тэхэ''на Сяляко мэнакы? Сян' пода мале паныда? *(Не' нюнда' няю сылы.)*

Тыне. Мякна няхар'' ңацекэми' хаи''. Небөв, ңарка не' нюн самляңг яңганя пода паны. Хасавав' тюку поход сеймда еделңа, невхы ваеравы' сер'' немахананда турңа''. *(Индта хахат нэкалңада.)*

Луке' хадако. Ехэй! Мер' по'' ваера'', ваторама' вадан' ватода товыню''. Невхэна ибкава ваторама' вадам' пуңя' пэртя нисеты'' ңа''. *(Ибедорңа.)* Пэдаваков, теда' хибяри'' едэй ватовна иленю''. *(Маймба вахали'')* Едэй ватовна Паленд' ня ңобт'' паднасади'? *(Не' нюнда' няю ңани' сылы.)* Еване, сёябтакум' хотнакэн, вадав' лаханаба''ан хайнаңгу. Еванзадакун'', сянзнь малебта, сянакованзь хаяда'', тына'' ңадьбатом'', манэңара''. *(Ҙацекы'' мертөвна пин'' парума'', тарця вадам' ңатевэрха'')*

Еване. Мядома' серкна, сёябтако ханя' тара, хотадм'. Маньңо''ив' нювнан' ядэрцеты, небявадам' няданда намдвэв яңгу, харвабта сяхаңгарт нидм' намдңгу, сидя пота ңацекеы ңамгэм' тенеңгу, хадада нивыкэда вадес''. (Еся хыдым', харм' мэ, тарны'')

Эдэ. Хакэй, тына'' надинэй'', соты' ядхана хадырңа''. Сидя ңэдалёда мюслава' сехэрэвна харад' няю ңэдалыхы'. Тыту нямд' саць ңарков'', няваталңгуху'. (Пихид мяд' ханзоход ңаркавна лахана.)

Мика. Вы''ылка ңэдакы'', Ңокаттэта' мят ңэдалёдакы'', сян по мале ңэвтаванзь ханңа'', тарця юн' ңахакуна выңгана сось, си''ивмдей поңэ хая. Мякна'' Ламдо Хрис ненда' ня сыв' турнаханзь. Тадо' неда саць ңоб'' нямбара, теневанада, намдвэда ңока, вадаком' вадетарха. Хасавада пили'' мунзи, нерида лохорта яхакодрев пюрна. Няхар'' яля пыди' мядоңаханзь.

Пале. Яндавна хуркари хибяри'' таня''. Нись ңана ңэсын' хабейманзь ядэрңаваць, ңэсы' помна ядэрта'' хибяри'' яңгу''. Невхы похо''на саць палытана'' ңокаць, теда' мал'' харто' яндо' няю хэвы''. Вымна машина'' ядэрта'' ни ңадю''. Хури'' якоцява'', машина' ермыдо' ңумңэ хая'', ява'' илелй'', ңэдалёб'' сава, сэвхана майбцо. Теневана луцахан' хасуй пядва'' яв'няд таванзь табадамась.

Мика. Яв' няна ңопой машина* ңадись, Як' теневана луцида'' яв' хэвхана ңэда хардакохондо' халям' хадабаванзь турмакы''. Теда' машина яв'няримна ханңа''. Невхэнов ңуда' таркадарев'' янда''амна машина'' вэңгаласетыню''. Илевахана саць ңоб'' вэвась, пилибт'' пина илеваць. ңока тым' ядңаць – хадаць, хибяхартан ят' нисетыва'' май''. Хибя ңод'' сидна'' нядангоса? Теда' луца'' хэбто' хэ'', маня'' пыдо' хавнандо' илеваць, ңоб'' илеңгува''. Ңопой луца хабененда' ня' ңэрёйнда ңэсонд' хардакохона илесетыхы'. Тикы' сава

* Вездеход.

луца, пыда нядангосеты, халянда таняб’ халям’ тасеты, хасуй пядва’ ма’ласеты. Неда харта няньм’ ябцмби, нюлак няньхана сидна’ сяйлабтасетыхы’’. Мят’ няна’ мядоманзь тосетыхы’. Яв’ няю хэвханана’ иленя’ ңысмина’ пыди’ хардаконди’ хэвхад хасуй пядамдо’ хосая мюдхана хэсеты’’. Тедари’ яв’ няна хасуй пя’’ ңока’’.

Ҥаце кы’’. Хакэй, маня’ то’ няю ядэрманзь хантава’’, харвабта сяктя’ пидям’ хоңгува’’. Мал’ сар’ нюда нина’ мэңгу’, ңопойм’ пидяхананда хаеңгува’’.

Луке’ хадако. Ит’ нёда’ мо’на’’, идм’ нёра хулцепю’’. Яхако’ няку хаяда’’, таняна падъедэйм’ ма’ лаида’’, ңобтарем’ тарана ңавар, ңамзахана, халякохона ңаворп’ саць сава, пон’ нёда ядэр’’, тэхэ’ на сылаңгада’’.

САМЛЯНЗИМДЕЙ ПЕЛЯДА

Мят’ Еване тю, еся’ хыдыхана ңаркавна матормы яв’ хало, тамна няргяна тириябям’ едкохона та, передниканда’ ңылад сэрако варгяна пэм’ ңадимде, Микаханда миңада. Стол’ ни паской хыдыхана тириябям’, халу мэ, ед’ мюд ңамзи няда, стол панңа. Мядомари сер’’, вы’ яхана не’ мядолабтаңго ёльце тенева’’.

Мика. Ти, ңани няха’на тэвына’’, тына’ сензь, тына’ я таня, нюна’ вадёдана’’. Нум’ сидна’ нядамби, халяком’, ңамзаком’ хусувэй яля ңаворцава’! Ҥамгэ тамна хибярихина тара? Ти! *(Ҥаркавна хэтада, хумкамда илада.)*

Пале. Иб’ тарем’ ңа. Няв’ – сава няв’, вадид’ нензя тарем’ ңа’’, пыдар Еванер невхы ватовна мяканд’ илеванзь тось. Мань ңани’ Тынен’ мякана тюку яля’ ңэсонд’ иледм’. Ибкава хар’ н мя’ан’ мю невхы ватовна ватормы’ нев’ таван харвадм’. По’ ваера’’, невхы нисянд’, небянд’ ваторома’ вадам’ пилибт’ тенева’’, ихин’ хаморца. Ҥамгэм’ тикы’ е’ эмня’ нян’ хэтңгун?

Луке' хадако. Вы' яханана'' таты'' танебэй'', таты' нэва майбцо ни ңа'', татыңэ илемяв сиби нись ңа'' (ибедорңа). Теда' невхы сёв' мэтадм', инзеледа''. (Сём' хана, мунзялма.) Хусувэй хибяринд' харта сёда, илевамда сёхонанда мал'' хэтңгуда.

Тыне. Небёв! Пыдар сит' татыңэ мэса? (Пысамби.) Надьбянда илемамд' нись тыр вадес''. Саяков надьбянда ватормэрню'', пыда таты' нэван харваңгув, нив? Теда' мана-сеню'' едэй ватовна хибяри'' иле''. Пален' ня ңобт'' паднама' падрами' тая. Едэй илева' похо''на тарця падар'' ныхыда яңгу, сусадава пир, едэйвана неле, хаепа хэва пир'', ңани тарця падарм' сертава пир''. Хардахана иленя'' тарем' иле''.

Луке' хадако. Тидов! Не' нюв, мань ярабцарха илемяв' мале мэпэй''. Нюн'' ябдава'', ты''ын танева, нисянд' илева – мань илеван' ямбан' ңарка ябвась. Нисяр си''ым сяңась, нядабасеты. Пыда яңгуманда нерцюна пыдар' е''эмнянд' ида ядэрцеты, вадида нянди' тэвраңгун, инзеледа'': «Не' нюми' Паленда' ня' юдмян' вата по илеңаха', нюди' ңобнзер'' вадамбихи', тыди' ңока''. Пале' июв' харта тасламда, татым' мэңгув'' нив'', валакада сидя нем' няць илева сиби ни ңа'', тикым' нёр юр'' хэта». Ихинян' теда' сава, хэтувнда вадам' хахати' тэврэян''. Мань татыңэ си''ым мэбто' тет яңганя повась, нисян' нябаку хасаван' миңаць. Пыди' нюди' яңгувьсь, ню яңгува выңгана саць вэва – пудана сер''.

Пале. Ти, теда' хэтувнда вадам' намдав'', ят' мань хар''н таслаба''ан тара? Ню' яңгова саць вэва, мяд' мюй ңацекэхэ''на панпата тара, Саям' татыңэ мэба''ан, тамна ңацекэця'' таянңу'', нядаңгодами' ңока ңэңгу. Мань ныхыри Саям' недан' мэван нив харва'', не' нэдрев мэнев'', хар''н вадав''. Ив' ханзели'' ядэрцеты, сёнзаяв' вомзеты. Ят' ехэрадм'. Хибя Саян' невхы ваторамам' вадетада?

Тыне. Небян' хавна хибя вадетада, невхэна нянд' ваторабти', ңамгэвна иди' ядэрмакы, нибтя пыдар тарця ватора-

мам' юрвам' ңатевэкэхэ'? Пыдар тикым' нир юр'', нир ңо'' юрңгу''. Саць папава'' имд' вомдась.

Луке' хадако. Пале, мань мяканди' тарана серкна тутадм', Сялян' ня' хар''н лаханакудадм'. Тыне, нисянд' ня' сит' сянзь тарем' ваторанинзь. Хари'' иле' ня – тым-бэртя яңгоб'' саць вэва, ңацекеэцяха' нисяси' вадюданң-гуху', ңацекеэхэна нися, небя тара. Нит харто' илевадо', мани' хэвханани' ханян иле, хасаваси' ханя хантасан. Пале тарця ваторама' яңгувы ңэб'' нивақы пыдар мяканд' илеванзь ту, невхы ватовна тарем' нерня' ваторасеты.

Пале. Мань тикы ваторамаши нелеңгодвакэв''. Вы' яхана нем' мэва мер'' вуни ңа'', хусувэй ненд' мирта миць тара. Тамна вэваку сер'' танясь – мэвнда пирибтяв марлабтав'', мер' вымна юн' хаясь, писядетна ңокаць. Хибя сейхана тарця сава ңэңгуда? Тынев – ңацекеы''ын' небя, ңока по мале илени', вэвако вадам' няданда намдвэв яңгу, хаевндав нив'' ңа. Пыда Сялямда хусувэй серкана табадабңгуда. Мал'' ңоб-кана илеңгува''. Тараңгу няби мядм' мярңгува''. Хаврява'' нелева' ңарңэ хая, тикым' вунив юр'', Хавря' немда харта мякнда табта тара. Тыне, тарем'?

Тыне. Хасавов, илевав няданд' пере, не' выңгана, нюта таняб ңод'', ты'пэртяси илея'' амгу. Сялян' иле падарта тарця ңэдакы, мань не'нюв сяңав, пыда ябдабта тара. Пале, вадид сейхад миңа. Валакада небёв, теда' нянани' тобат тара. Сит Сяляр саць сахарамби, нянд' намдңгу. Писядетна хибяри'' вади ла''амдаңгун, ңацекеын' нисяси'' вадёданбато' нив вэва ңа''. Вадав' тарця!

Луке' хадако. Не' нюв, ир' лата, сеяр' лимбьяка, мань нянанди' ханядм' то'', тарця серкна нядангодадм', ңарка хибяри' вада мадабада вуни ңа''. Пале' июв' ңацекеэця'' ңока ңэван маймби, тикы' саць сава, ңацекеыда'' танеңгу'', илевара'' нерня' минда – тикы мань ңод'' ябув! Мика, тына''

мят' татнакыд, пэвсюмы' няна, нина'' мят' япдакохона
ңэдалангуна''. Нибтя сеңгуди', ханзер'' савада?

Пале. Ибкава сеңгаб'' вэвада яңгу. Ханни' ты'' нылангуд''.
Валакада мякна хаюртини' тэри тарцяри''. Колхозник' мяд''
хахаи'', тыдо' маня'' тэхэ''на нибто' вов'', त्याкахава ненэй
мая'' ңэңгу. Ят' мякани' ңэдала тараңгу.

Мика. Нензя' тарцёв'', ты' ңабт' вомб'' саць вэва, ңока
тым' сян' яля яркба тараңгу, тад' идембаата, ты'' паде пяң-
гудо', ңацекеы'' таңок ты мадартыдо'? Ты'' ңацекехэ'' вуни''
намдңгу'', ядебадахад, пилёхот, неняңгахат индо'ңудм' ёта'',
мерцян' ханта''. Выңгана тарця сер'' таниябэй''. Сава иленя
лэркабт'' тэсялмда, тэси ханя' ханта, ңамгэм' ңамда. Тына''
мят' татын. Пале, мядонзэйданд хан' ты татадм', тарем'
таслав''.

Пале. Миков, сит нядангудм', сидя ханхана хэхэни',
невхэна ңобкана тэхэ''на мэсетыни', ңока хабэвком' ңамд-
ланись, ңока пидям' хонись.

МАТТАМДЭЙ ПЕЛЯДА

*Хасаваха' пин' тарпыхы'. Вэн'' мадлыд'', пыди' тэхэ'' ңэдалэйха'.
Не'' мякана мэ'', сяйңа'', лаханаку''. Ңацекеы'' ңоб'' то' нямна
ядэрңа''.*

Еване. Тыне, мань няданд' тянёмбовна нюдеркадм'. Сит
хамадамбидм', нюни' ябдава, нюни' нися' хэвханани' илева,
тике е''эмня сёнзя' мюй' моренавам' ла''амдава пир. Хибяри'
лахарё'', сырадарев юңгу'', иңудота хибяри'' хумбанзи'' ни
лахарют''. Сыр'', сэр'' паным' сэдаманзь, нянд' мядонзэйңэ
татав''. Няни' тэввами' нянан майбцо, ңарка мя''ал – харт
мя''ал, ңока тыд'' – харт тыд''. Ир вэваковна нёя ядэр'', нум'
таслангуда, ханзер'' нерня' иле тара.

Тыне. Тарцёв, мань сёнзян' вовормам' мерцявна ңэда-
раңгув''. Еване, вадид сава'', мани' токую'' сэримы нени',

илевами' хар''ни' минреми'. Теда' пыдар сём' ханов, хэтувндар пыдар нод'' нив тая.

Еване. Нянди' небян' сём' мэтадм'. Невхэна пирибця'', нань'' сейханандо' мэненыдо' танесеты''. Сэрнем' ёнэй папар ханада, ниди' цана сэвтевыкыди', надьбянда хуныхы'. Теда' инзеледи'. (Нидо' мэнева' е''эмня сём' хана.)

Луке' хадако. Небянд' сём' нивэр юр. Мань няданда намдавась. Илевахана хуркари сер'' танесеты''. Вы' яхана сайнорма' мальцгана цока'' ненэця'' пуны' ниць то''. Сэримбэй не'', хибяриседа, ят' харва'' ни'' хардан' цэцекэсавэй илеванзь ханасетыдо', пыдо' нюхутато' ябдо' цась. Еване, пыдар хасавахаданд' вэваку вадам' намдсан, сит харвабта тэдорпавакы? Хэтад'' теда' Тынен'.

Еване. Микав – сава хасава, тет не' нюм' соябтадм', цэцекэхэта маймбасеты, ихинянда ханя' хасава' цэцекэн' харва'', нядангодам' нисяв цэте'' – хасаваком'. Мань ябда иледм'. Хадов, няданд' нод'' вэваку вадам' намдвэв'' янгу, пацгара'' сава, тарця хибяри'' хэвхана сиби илеб'', илева-майбцо!

Тыне. Мань цо'' илевав' вэва нись цэ'', цэцэмбой хасава' хэвхана хар''н нод'' цэцэмбойрахадм'. Тарця хасавам' хибянида мэнелт''! Небёв, пыдари' нисян' ня' сававна сертаринзь, цэцэмбой наным' мякан' тарись. Тарця сава хибярим' ня'' цадм', пыда цобтарем' ябдабта тара, сейнда едя цэцэмбой нем' мэбта ваерацгу. Саляв' хаяпа' хэван харвабата, мань цобкарт'' вэвако вадам' нидм' мэт''. Теда' царка недм', нюн' сава илева – мань царка ябув'. Небёв, пыдар вадид теда' мань нод'' хэтын. Тюку товнда сер'', ихинян' цэсеты, Пален' пи' тёрм' цока намдавась, немахананда мань нюм' нисеты хэт', пили'' вадетада – Сэрне.

СИ'' ИВМДЕЙ ПЕЛЯДА

*Вэн'' мадлыд'', ты'' то'', сую'' туро''ңа''. Хасаваха' ты' помна ядэр-
ңаха', тэ''эмна сырңаха', ңацеке'' ты маремби'', ңобтарем' нядаңгу''.
Не'' пин' тарпыд'', вад' няю мертювна ядалъяд''.*

Мика. Еваней, вэя' хыдыха хамада, ңаябаддава''
ня''амгудм'.

Луке' хадако. Еване, пыдар тум' пята, ңамзам' парада
тараңгу, вэя' хыдыам' мань ңод'' тась пиртадм'.

Тыне. Небёв, мань сит тым' хыраба нядаңгудм', вэя'
хыдыам', сэрм' хотадм', ңатена''. Еване, ңатен, ңобкана
хэхэни'. Харт хибярит' мяк' тэворцан? Папар нелевы''? Хан-
зер'' пыдо' илета''?

Еване. Тюку сыв' харто' мядоманзь турңаць. Папав
Я' мал' няд недамда мэвы, теда' сидя мядм' мяра. Сававна
иле'', мэвы недо' мел не, сэдора тенева, ненэй вындер не,
паңгда ңод'' сава хибярихыт пере. Я' мал'няна тэсавэй
хибяри'', харто' иленя'' тая''. Вымна мюсерта'' ңацьмбой
наны'', прибтя'' ңокавна вадёвы''.

Тыне. Сава сер''. Палев' масеню'' хасава' нюми' неле
тара. Харта' нюдяко не' нямда хибярида ваторман' харва''.
Пыди' нюн' ня ңоб'' ңарсаха', тюку по' ңэвтаванзь хантани'.
Нюв Пален' татым' мэва нерцюнда нелеңгу''. Еване, сава?

Еване. Ханя' сава ңата, хасава' ню ватохонандо' неле-
бада. Мань хасава' нюв ңобтарем' няхар'' по' пиркана нелеңгу,
тарця юнм' намдаваць. Сидна'' харвабта тюняха'' ни'' ханд'',
хадав' харта' нюв вадада, харто' нелеңгудо'.

Тыне. Ңадыңгува, нюмд' пыдар нирась хая, хадат ва''-
лер'', илева' ямбан' саць табекобта саңась. Хибяри тарця
ңэвамда теневадо', ир нея вэваковна ядэр'', ена'' сит
хандаңэй''.

Еване. Тыне, нянд' хэтңув'', нюв сянзь, ңока яр хаябэй.
Ңока по' пуд вэваку юрбада, хадахан' нидм' нену. Микан' ня'

не' нюни' вадаңгуни', хаепа митыни'. Мал' хэвня илеванзь харвабта ни'' хант'', хэвхани' хибяхавадо' хасавам' табта сава нэңгусь. Нюдяко ню'' нисянато', небянато' хэвхана илесе-тыню''.

Луке' хадако. Тыне, сянд' ядэрңанда, мерку'', мань мале суюм' яхав'', хасаваха' ханди' мале подерпихи'. Тамна хэтувндар таниявыню''?

Мика' һацекеы''. Небёв, һамзам' парадаванзь тава'', моракоцям' пэвсюмы' няна парадаңгуна''. Мора – саць тарана һавар, сензя' мюйм' савамдамби, нисява'' тарем' мась. Нисява'' пэси' нябы пидям' ховы, мат'' сар''нюда, хыдяко тара.

Еване. Һамзи' стол' ни мэйда'', мань парадаңгун, хар''н татын, сар''ню ларь' мю ханэйда. Тедахава ханий'' нэдакы'', екар'' һамгэ сар''ню'' нисяра'' тавыда.

Тыне. Небёв, пыдар сит нябакор тэдорпасеты, ярцетын? Нисяхавав сит сямыню, мэневыню. Няданд' нисява'' һар-кавна һаркась?

Луке' хадако. Нисянд' мякана яңгоб'' нябаков' си''ым тэдорпасеты, пудана'' похо''на сава нэсеты, мань хар''н харва пыда мяканда илеванзь товэдм' вуним' һа'', хибя таты' нэван харваңгу. Пыда нюда яңгубэй, тикым' нидав хама-дамбю'', нюртей һацекеыми', нябав харта вадабидась, хасава' нюв нябаков небяданда пэрцятыда. Нисяхавар ханя' си''ым сяй'', мэне'', хуркари серкна нядаңгосеты, самляңг яңганя похонан' нюртей һацекеэв' танясь. Саць нисяр маймбись. Ят' мэневакэв.

Тыне. Небёв, һока маям' манэ''макэн, һамгэхэртм' нись тын'' вадес'', нисява'' һод'' пилибт'' мунзесяты. Хибя мяк-нанда табекосетыда?

Луке' хадако. Саць һока маям'манэмэв'' яңгу, хари'' хибяри'' нэбэй''. Мань һод'' намдорцетыдм', манзарасе-тыдм', мякана не манзаяда һока, харт теневан. Мяд' серкна

нябаков табекосеты, пыда мята нэбэй”. Пыдар цо” харт мя”ал, тьякавна ир’ нёя ядэр”, Саляр мун’ мян не’ нацекы, сит саць мэне, валакада Палем’ нисядарев мэнеда. Мань янамбовна невхы илемяхадана вадав’ пяңгув’. Пыдар цод” няданд’ не’ нюнд’ илева миңа, теда’ харт мал” тасламбад. Тарем’, не’ нюкоцяв, Тынев! Цавнанда сит нюмдеба”ан тыт’ цока нэвам’ хэтбиманзь, савудармэдм’.

Тыне. Небёв, таремэй! Мань мал” ла”амдаңгув”, пыдар сит пыдадм’, нянд’ намдңгудм’, нисян’ вадам’ нив мадаңгу”. Вы’ яханана царка мя”ан’ мюня сём’ нянд мэтадм’, хар”н сёв’ цобтарем’ тая. Небёв, инзелеинэй. Невхэна хибяри мякнана” мядонзетыню”, пили’ хэвханд ма”ласетыд”.

СИДНДЕТЕМДЕЙ ПЕЛЯДА

Мал” хибяри” цаябад’ хэван ма”лэяд”, нацекы” цод” хардамдо’ ня”амвы”, цаябарца”, вэякоцям’ хыдякохона цэрпи”. Еване парабэй цамзи цокавна та. цамнелада цавар – паромбэй хэвця”, мыдкэцям’ та. Мика икм’ сабте, смянхат цамнеладаком’ Якцян’ миңада. Мядонда сававна мядомбата тара. Ты” ва”ны”. Хаер” пэсьда, я” цаха цади”, мерцякоця посна. Вэн” мунзи”, нюсялмбэй яхадери сертялмби, салырца, мяд’ няю туруца.

Мика. Мань яхадев, нюртей суюда, суюмда сяңа, пюр-цада. Ят’, илевахана тэкоця хибярихына цаварцэ Нумгана таслабэй. Вындер’ хибяри тэхэтата илевада миңа: тэр’ яңгода – илевар’ яңгода. Хаювы по’ Вы”ылка Мюкул мал” тыда мертян’ нэдарабтавыда, теда’ халясавэй то’ хэвхана ненда нядэхэ’, халям’ хадабихи’. Саць вэва, маяндорцаха’, папада тая тэвбата, нида няндо’ илеванзь ханаңгудо’. Невхэна цо” харто’ хибяридо’ маян’ тэввы нидо’ нядасетыдо’. Тюку ява” – ирина”, нясяна” мюслама”, тарем’ таслабэй. Та’ мальцгана яв’ хэвхана тэхэ”на ханзо’, падыраха цувм’ цаворта”, та’ ер’ пуд сывыдалвахана мюселтына”.

Мараңгациям' ма''лабңгува'', тюку по мараңга таняванзь мэ, мерця нида пус''. Ҙацекы'' саць маймбангу, ты'' ңод'' мараңгам' ңаворць мэне''.

Пале. Тарем', маня'' ңо'' мюселтына''. Сыв' няхатана'' мядона'' ңана ңәсеты''. Нина'' ңани' таңында' ңәсонд нина'' манэт''. Миков, халядава'' ңамзавна няданд' мэван харваваць. Халя танеңгу?

Мика. Хадава'' товась ятнаню'', сита хосая, Хавря турта, халям' тата, сидда'' манэта. Пыдари' ңод'' нюмди' манэман нимир' харва''. Нюри' сава хибяриңэ вадёдана, си''ым сатовна нядаби, хар''н хасава' нюрхав, сяңав'', пыда няна'' торума, хэвний хибярива'' вунива'' ңа''. Ҙамзам' халя' таңэнен'' ңэдарамбу'', халя'' нюнди' харта еремдебэйда, няданда мяданзэйра'' ңя''.

Луке' хадако. Ҙаябад' пуд сяянзь тара. Нумда сава, пихина сяйма пир. Еване, ңамзамд' мани' Тынен' ня' матортами', синдава ни тара, вэн'' сяры''. Не' ңацекы'', небямда нядара'', мяд' хэвхана сяйндава''. Паской якоця'' ңаха'' ңади'', яв' и'' ңади, яв' хамбако'' сянакодараха'', тэри'' нито' пумна хайна'' хынотараха''.

Еване. Уле, ларь' мюд хампетм', малакам', холацьм', юрм', печеньям' стол' ни та. Евдя, сяй' хыдя ңамтамбан, Еле, няр сяйна хэдя' ңамтамба нядад. Эдэ, пыдар ңани няньдава'' матор''.

Тыне. Ти, сяңок нядаңгодар. Пэдавако'', мале нядаңго пирна''. Не' ңацекы'' небям' нядабада'', хасава' ңацекы'' ниясьм' нядабада''. Эдэхэва тамна яркола тенева, валакада тэхэ''на мэңгу.

Луке' хада. Нара' мани' Эдэн' ня хабтхана мэвани' сер'', ңока хабэвком' ңамдлани', Эдэв ңока пидям' хось. Эдэва'' тенева, тиртя' пидям' терси хаяба ни тара, хэвы, тиртяко ярта. Тюку яля яхадеком' ярдава'', пуна' мань хэхэ' хан хэвхана Нумд' туютадм'. Нум' харта тарем' таславыда: ты, тиртя' ңамза, халяко – хибяри' ңавар''.

Хаврява'' ябто' намзахана сидна'' малибтеңгу, ябто'' ябт-махад Як' няканда хасава' нацекеы' ня' ябтуманзь ханта'', тикы ябтуна'' цока цэпто' сэратангуна'', нара' цэсонд' я' цылна мядырмаханана'' хаюда''.

Мика. Еване, сёябтакодва'' хотнакэн, хэтувнда вадина мал'' мэ''яна'', серона'' таслэйна''. Нини' мякандо' пянгудо'. Мань невхы тидян' ябе' сём' мэман харвадм', сёв хайнаңгов''. Нацекеыңэ, тедари ты' няю хаяда'', пилю хадабида''. Тюку яля хибяра вата, хадахананда мядоманзь цэдалёрта, тына'' тания ва''ная''. *(Нацекеы'' маид'', хобасавэй, янгабцядамдо мэхэя, ты' няюна янамбовна хая'')*

Пале. Тарем', теда' хынома пир, намдувнда вадав' намдав'', мань цани' хобцакурман' харвадм', мань хобцакун' хоида'', ирин' вадепэй'', невхэна ирив' хобцакурць мэне-дась. Хибяри'' пон' хобцкуда хось я''амсетыдо'. Ирив – саць валёй вадам' минрена ненэцясь. Невхэна хынокад хибяри'' цокаць, сюдбабцм', ярабцм' мэтан' инзелебто', сян яля вае-раңгу. Хар''н' ха''нан' намдбэй'', мань сёв' тания, валакада мэкадада яңгу, ханятей нив мэт'', цаним' сертаңгудм', хар''н таслаңгув, ханзер'' нерня' илеңгудм'.

Мика. Цэёв, илева нерня' мицов, цока сёдамд' тамна сер-таңгун. Тикы сёмд', ханятей юрад, едэй илева' е''эмня, сава вади хоңгунэй, мань нянд енадм'. Яля'' ваеңга'', по'' ваеңга'', нись цана мани' нелейнись, теда' мале нюни' неле тара, не нюни'' вадёдана'', маня'' мал'' царка хибяриңэ хантанава''.

Луке' хада. Тарцёв, тарцёв! Пале, Хавряна' тюняхана сава сём' мэ''ин, илевар сава цэбэй, нацекециди' ельце сомбойкоцяха', мун' мянха', манзара цод'' теневаха', царка хибяри лаханакоб'', серти' яңгу. Сава нацекеы вадабиди', иле-вахана сиби цэңгу. Мань илеван' ямбан' цокам' намдаманзь, цокам' цо'' манэ''наманзь, хуркари'' нацекеы'' цэсеты'', сенз'цэвадо'нися, небя – царка яб!

ХАСУЮДЕМДЕЙ ПЕЛЯДА

Еване сёябтакoм' вандакoнда нерняд' нэкалңа, хасаваханда миңада, стол' ни ңавар няда: едэй пиревы' ңамзам' мякад едсавэй тада, яв' халям' маторңа, тиребям' масибте, стол' тяха хасаванда'хэван ңамды''.

Мика. Ти, темд' нерня', илевава'' сава ңэбта. Пале, мядон-зэйданд' хорха' хан' ты сярaдм', хананд' пуня' тыд'' сяр'ид''.

Пале. Сава мядонзэйм' тан, сава вади' е''эмня хумкав' туйлаңгув''. Мика, сёмд ханад. Саць ңана тикы сём' намда-вась, мале юрбив.

Луке' хадакоця. Мика, ңатенахар, сёмд' ңани мэва мэтар. Нехэ''на тикы сёр мэкад ни ңа, тидянд' сём' намда-вась. Пыда саць вэклёй хибярьсь, сёда ңод'' тарця.

Тыне. Мядома – сава сер''. Мядонда мядонзеты'', мякато' хэсеты''. Ив' ңацекэ''эн' нямна няркна, нумда ядеман харва. Небяв' Саляханда лаханавнда, пыда вадада хурка ңэңгу? Хибяхартава ехэра. Таславнда серма'' тамна тая.

Еване. Нензя' тарцёв, небя' сей пилибт'' ню''умнанда ида няркнаңгу. Невхэна ңэрё' тюня'' мэсеты'', ты'' сяха' хасертыд'', त्याкахана сомбойвана сян' яля мядома пир.

Луке' хадако. Пале, иринд' хобцоку ңани' мэвна вадеид. Мань ңока намдынась. Пыдар серт' е''эмня нянанди' тутадм'. Няданд теда' намдван харвадм', Саляниб'' харва, вадар хурка ңэңгу? Хэтад нян!

Пале. Мань мале хэтавасеню'', ныхыри' Саляком' мэван нив харва. Пыда' нян ваторпэй'', тедари'' тамна Хаврява'' нелевнда. Тюку по' Тынен' ня' ңэвтаванзь нини'' мят' ңэдалёртани'. Пирибтява'' тeneвана, нин'' ватортадо', енадм'.

Луке' хадако. Пале, Хаврява'' нелева' пуд Салян' хэту-внда вади хэтаб'' сава нихыли ңа''? Ханзер'' пыда мякнанда'', тарця вади намдмахад, иленгуда, пыдари' иди' ядэрңа? Мань нив хамадамбю''! (Ңаркавна хэтада.)

Пале. Мань пыдар вадамд' намдван харваманзь. Невхы вадамд' нивэр юр'', вадари – ненэй вада нэвы. Салян' ваторам' вадам' тедари'' хэта ни тара. Нензя' нод'' Хаврями' нелевнда, Тыне тарем'?

Тыне. Ханя' тарем' ната. Нэвтана тоб'' Салями' ними' ваторт'', тая мякнанда илея, сидни' нядабангу. Няха''ната нод'' нив тара.

Мика. Небёв, мядоманзь нэдалёр, табород'' пудабта, тарем' невхэна нарка хибяри'' манзеты'', нана ханяхарт'' нинас нэдалёр. Хавряна'' тюняхана хынотава'', хобцакуртава''. Ти, ноб'' нерня'!

Еване. Тыне, нацекыни' нися – ненэй вы' ненэцяңгаха', мани' сава хибяри' няңани', тикы' – саць нарка не' яб! Вы' яханана'' нарка хибярина'' нока невхы не' илемя вадецеты''. Темд'нерня' Нум' сидна'' нядабая!

Луке' хадако. Пале, июв, сеяр' нея е'', ватормы' татым' харвабта мэңгур, саць нён паромбю''. Тынер – харт' нер, нерня' хасава' нюмди' неледи', Салян' хэтувнда вадав' Хавря' тюн' пуд мэтав''. Ти, мань вадав' тарця'!

Пале. Тарця серкна паромба ни таров''. Тюку яля' нэсонд' ябда илеваць, ноб'' нерня' илеңгува''. Тынев мядоман' харвась, сидда'' теда' манэңава'' – тикы' нарка сер''. Мань нод'' вэакон' вунид' харва, тюкон' тэдорманзь нимась тур. Теда' мань тэсавэядм', нюсавэядм', несавэядм', мялив' мярвэв' яңгу!

Тыне. Хасавов, мяква ибкава не мярбада. Нэвар манзетым' тю''уна нэсь ядэр. Нацьмбой хибяри сабе теда' нидо' тасламбю'', хасаванда мят' илеванзь не тута, нибтя ненда мякана хасава илеңгу. Илевани' ямбан', пыдар тякахад харин. Темд' нерня' пилибт'' сензан' нэваханд мань маймбаңгудм'.

Еване. Тыне, нока по сит теневадм', илеван' ямбан' нока вадам' намдсетыдм'. Пыдар хэтвы вадид, саць харта хаса-

вамда, нюда, вы' илевамда мэнена не хэтңгуда. Пыдар – ненэй
вы' нен', ңацекы' небян'! Ти, не' яб' е'' эмня!

ЮДЕМДЕЙ ПЕЛЯДА

*Ты'' юркулыд'', сую'' туро''ңа'', нерденя' ты'' хантана''. Ты' ватомдо'
теневадо'. Ты'' ңомахана ңацекэри'' хаи''. Хасаваха' вад' няю нись
паромбю'' ядалъяха'. Не'' ңани' ваңг' няю лаханакохоя яда''.*

Мика. Пэдавако'', хибяра сямьхат ңокавна пилюм'
хада? Толэйда'', сянда?

Яктя. Ңэтёв, мань сямьхат ңокавна хададм'. Тита сяңок,
саць ңока''.

Пале. Саваню, пыдхавар тюку яхана мядондан, не'
ңацекэхэт хибядо' ва''ңада''?

Уле. Ңэтёв, сыр, мань си''ыв ю'' си''ыв пилёв.

Еле. Мань ңани' юркад ва''ңа''.

Евдя. Мани' Эдэн' ня' ңопой хоба' ни' хадабинись. Улева''
нядни' ңокавна хада.

Мика. Ти, Уле мядоманзь ятна. Саць пэдавада'' ңока
пилём' хадада''. Хури'' пон' тына'' хасена ва''ныць. Хаяда'',
сяйңада'', ңамнелада ңавар'' стол' ниня ңатена''. Мани'
няканда ня' харни' пилё я' ныл мэңгуни', пилё' ңэвадо' хэв-
няку я' ныл сюртыни', невхэна тарем' сертасетыдо'.

Уле. Хакэй, мань нянанд' мядоманзь тутадм', нисява'
тарем' таслада. Мань сямьхат ңокавна ңоб'' сянув' пилём',
хоба' пилём' мардадм'. *(Ңаркавна тёрена.)*

Луке' хадако. Саць ңоб'' я''авлын, сяй' пуд паскойвана
ембсад, мань ембдерони' хамадаңгудм', ханни' ты'' подер-
пэй'', мань ңод'' паскойвана ембтыв''.

Еване. Яктя, Татё, тям' пыдари' мядонзэйди' ңэя'', тоти'
сяй' хыдя, мюнанда' хампет'', холаць'' ңа''. Мякна' мэна
ниди' мядолабтади'. *(Выңнана тарця вато.)*

Пале. Лакамбой нэёв, пыдара'' нани' сидна'' вэдоманзь турнадов''! (Ханамда вадада, тыта' нэ хамада, вадна мядон-зэй тыта' няю васадэй'', янамбовна нэдалэй'')

Тыне. Лакамбоей, лакамбоей, пыдара'' нани' мядоманзь турнадов''! (Хасаванда' пумна няваталңго нэдалэй'')

Луке' хадакоця. Хавряв' си''ми хосая турная, нате-наңгудм', тедари'' лакамбой нэёв''!

Еване. Лакамбоей, мядоманзь туртавов''. Сехэрэра'' сава нэёв!

Мика. Лакамбоей, Хаврява тутанэй'', натеров''!

Еване. Ти, нина нэдалэяд''. Небяр – выңгана саць сахарамбада юнета, сей лимбяка не, вындер'' мал няндо' тарана сер'' е''эмня минзеты, пилибт'' пыда нядангосеты. Саляда пыда недамда нёдаванңгабя. Небяр лахана тенева, серм' ханзер'' тара таслангуда, енадм'. Сава няв нод'' маймба хая, паныда нянанда саць сероңа, тамна нңцьмбой не, нацьмбой нив на.

Мика. Небяр – саць сава хибяри, вындер'' мал'' сита сахарамби'', Еване вадид тарем' на. Пале теда' сава ихиня хая, сейнда едя ваераңгу, лаханакобни', нелевам' нись вадес''. Нацекыди' таня'', сита нядабадада хасава нюда нод'' таня. Илевахана хасава ноб'' нарка яб, не нацекыни' сидни' сававна нядаби''. Мал'' сава нэңгува, мань нобтарем' енадм'! Нацекы'', пям' юңада'', нерңада'', вэно навлэйда''. Мани'' намзам' сэратахани'.

Матрена Талеева

ОБЕЩАНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тыне – вдова, женщина в возрасте, небольшого роста, полная.

Пале – ее молодой муж, отец младших детей, стройный, красивый мужчина.

Хавря – сын Тыне от первого брака.

Саля – дочь Тыне от первого брака, красивая девушка.

Петё, Яктя, Сара, Татё (Дети) – дети Тыне и Пале.

Бабушка Луке – мать Тыне и Мики.

Мика – младший брат Тыне.

Еване – жена Мики.

Уле, Евдя, Эдэ, Еле, мальчик Мика (Дети) – дети Мики и Еване.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Лето. Погода прекрасная. Солнце светит. Ветерок дует. Птички щебечут. На берегу реки стоит большой чум. Около чума много нагруженных нарт, сразу можно определить, что живут в стойбище зажиточные люди. Тыне сидит на шкуре, шьет, поет песню. Во время

работы поглядывает на свою дочь. Дочь около нарты – юхуна (для перевозки постельных принадлежностей) – выдывает камусы, издали слышно, как звенят украшения ее накосницы. Младшие ребята играют около загона в «Ловлю оленей». Тыне убирает шитье в тучейку**, подходит к дочери, садится рядом, рассматривает ее работу.*

Тыне *(говорит радостно)*. Моя хорошая, ты стала настоящей помощницей, очень хорошо выделала камусы, шить ты тоже мастерица, много сшила одежды для младших братьев и сестер, теперь нам с тобой надо сшить тебе белую паницу***. Отцу помогаешь ловить оленей, в стадо едешь караулить их, за дровами ходишь, в поселке делаешь покупки. Очень хорошо нам помогаешь, остальные твои братья и сестры маловаты для работы. В этом году тебе исполнилось пятнадцать лет, тебя могут и посватать. Ведь дочь по обычаю нашему не должна жить в родительском чуме, после свадьбы переедет жить в чум мужа.

Саля. Мама, это ты научила меня выделывать камусы, шить, стряпать еду, могу и чум поставить. Отец научил оленей ловить, караулить их в стаде. Кто бы, кроме вас, научил меня всем добрым делам! Если приедут свататься, вы с отцом сами решите, а мне всегда радостно жить около вас. Скоро отец приедет из стада, пойду за водой, надо печку растопить, котел с супом разогреть. *(Собрала работу в пад – мешок для камусов, побежала в чум.)*

Д е т и. Саля, мы с тобой к реке пойдём, тебе поможем, соберем камушки для игры. *(Ребята взяли из чума чайники, ведерки, побежали за сестрой, Саля взяла большое ведро, играя, побежала, только подолом красного платья махнула.)*

* Кáмус – оленья шкура.

** Тучéйка – маленькая сумочка из меха, в которой хранятся необходимые для шитья принадлежности.

*** Пáница – женская шуба из оленьей шкуры.

Тыне. Саля, около реки не балуйтесь, пусть братья не бросают камни в воду, хозяина воды рассердите, он нам не будет рыбку давать, так всегда ваша бабушка говорит. Не ходите долго, скоро отец приедет, чай пить захочет, стадо оленей видно у моря.

Саля. Мама, мы не будем долго ходить, не будем у воды баловаться, я почищу чайники речным песком.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тыне встает. Прикрывшись рукой от солнца, смотрит в сторону моря, где пасутся олени; глубоко вздыхает, начинает рубить ивняк на дрова. Радостно залаяли собаки – значит, приехал свой человек. Приехал хозяин стойбища. Пале привязывает упряжку около загона для оленей, не спеша идет к жене, смотрит в сторону чума. Пале одет в суконную малицу, перехваченную красивым ремнем, обшитым синим сукном, на голове ситцевый накомарник. Подходит к жене, садится на землю.

Пале. Где ребята? Никто к нам в чум не приезжал? Оленей в сторону моря направил, там прохладнее, травы много, отдохнут от комаров и оводов. *(Внезапно говорит радостно.)* Тыне, я добыл три гуся, нашел два гнезда утки. Яйца в передней части нарт, между мхом, ребята придут, в чум отнесут. Ты меня слышишь, хватит рубить ивняк, потом ребята нарубят, отдохни, садись рядом.

Тыне. Дети к реке пошли за водой. Никто не приезжал. С дочерью разговаривала. Слова ее мне понравились, тебе тоже такие слова в радость будут. Она еще ребенок, жизнь около нас для нее счастье. Ведь она не знает о нашем прошлом. Муж мой, ты, может, забыл слова обещания? *(Посмотрела на мужа.)* Саля тебя как отца любит, жалеет, уважает. Когда ее настоящий отец умер, прошло много лет, ей было три года, а сыну было шесть лет, малы были, что могут помнить. Видела всегда одного отца – тебя.

Пале (*говорит медленно*). Обещания нельзя забывать. Я пришел к тебе жить совсем молодым парнем. Ведь твой отец, твоя мать, твои братья так решили. Твой средний брат из-под носа увел мою невесту. (*Громко.*) Это забыла?

Тыне. Забыть-то не забыла. Когда за тебя вышла замуж, у меня было двое детей, я тоже была молодой, четверых ребят тебе родила, старший сын, мой Хавря, сколько будет около моей матери жить? Пора его уже женить. Сыновей надо вовремя женить. Может, тогда тоже настало время тебе жениться, когда ты пришел ко мне жить. У брата моего Мики родились одни девочки. Старшую дочь воспитывает моя мать, девочка уже стала хорошей помощницей.

Пале. Возможно, пришла пора жениться, а оленей у тебя было много. Столько оленей надо пасти, беречь от хищников, а теперь оленей стало еще больше. Недавно во сне я увидел Сэрне, она бежала мне навстречу, тут ее поймали, увели. Я остался с протянутыми руками. Тут я проснулся. Много лет прошло, опять старое стало беспокоить меня во сне, сердце стало болеть. В прежние времена у богатых оленеводов было по несколько жен. Если приедут свататься, я не отдам нашу дочь, пусть подрастет, остальные дети у нас малы. Ты согласна?

Тыне. Во сне чего не увидишь. Только Сэрне не увезли насильно, сама выбрала себе жениха. Они уже давно друг друга любили. Пусть доченька еще растет. Ты тоже мне тогда помог, в мой чум жить пришел, в тундре было много людей, которые смеялись над этим, ты на это не обращал внимания. Очень тяжело быть вдовой. Конечно, я могла бы жить с родителями. Только у каждой женщины свой чум, свои дети, отец детей – оленевод – должен быть, тогда будет она счастлива. Теперь я очень счастлива, по тундре кочуем, у нас много детей. С Ямала весть пришла, что у Сэрне с моим братом

четыре дочери, живут хорошо, оленей у них стало много. Что еще надо, но ведь они не едут в наши края.

Пале. Как посмеют они после этого приехать? Я не жду Сэрне, сама свою жизнь выбрала, пусть там живут и воспитывают своих дочерей. Только то плохо, что она забыла закон тундры, пошла наперекор родителям, они ее мне обещали. Сэрне очень плохо сделала, много слез было пролито из-за этого, много горя, насмешек принесла она своим родителям. Я не сержусь на стариков, они по старым обычаям хотели выдать дочь замуж. Ты тоже все знаешь, много раз слышала об этом.

Тыне. Да, мой муж, все знаю, все это прошло, надо по-новому жить, дальше. Хорошие дети у нас растут, сын есть, на тебя похож. Сына надо учить пасти оленей. А мне надо девочек учить мастерству хозяйки чума. *(Говорит взволнованно.)* Мы по новому закону расписаны с тобой, и документ есть об этом.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Пале молча смотрит в сторону реки, оттуда доносятся голоса детей. Впереди идет Саля, несет ведра с водой, за ней малыши. Кто-то несет в подоле малицы, речные камушки, кто-то наполненные водой чайники, ведерки. Саля и дети быстро заносят ведра и чайники в чум, дети радостно бегут к отцу. Саля выходит на улицу, берет охапку дров, заносит в чум. Пале с грустью смотрит ей вслед. Тыне ловит взгляд мужа, ей кажется, что он не забыл старое обещание ее родителей. В груди у нее закипает, будто ее ударили палкой, она стрелой несется в чум. Пале с младшими детьми медленно идет к нарте.

Пале. Сара, Татё, спереди в нартах есть утиные яйца, отнесите их в чум. Петё, Яктя, вы возьмите гусей. После чая их вытерebим, а вечером будет вам вкусный гусиный суп. А завтра, может, привезу рыбки, поставил сети в речку, там

хариусы есть. Рыбка – очень вкусная и полезная; те, кто у моря живет, давно уже, наверное, морскую рыбку омуля едят.

Саля. Мама, суп уже готов, накрою на стол? Достану мясо из котла. Что привез отец? Уж больно радостно звучат голоса детей.

Тыне. Отец привез трех гусей, да еще нашел два утиных гнезда, а в них яйца. Вечером сварим их, новую еду поедим. Хорошо, Саля?

Саля (*удивленно смотрит на мать*). Мама, конечно, хорошо. Почему у меня спрашиваешь? Как ты решишь, так и будет. Позову чай пить отца и ребят. (*Приоткрывает дверь чума и кричит им.*) Отец, Сара, Татё, Петё, Яктя! Идите обедать, суп остынет.

Все заходят в чум, садятся по своим местам,
на почетное место садится отец.

Тыне. Похолодало. Может, станет прохладней, подул северный ветер. Маму, сына Хаврю, брата давно не навещали. Чум их у моря, можно мясо на рыбу обменять. Как не стало отца, прошло два года. Брат мой Мика с женой Еване четырех девочек воспитывает, наверно, девочки подросли. Сыну Еване тоже пятнадцать лет, двухлетнего малыша мать бывшего мужа оставила жить у себя. До сих пор у них он живет, может, приезжали в чум матери. Муж мой, что скажешь?

Пале. Ничего плохого в этом нет, пока их чум недалеко, ты должна с матерью встретиться, много лет прошло, вместе съездим. Что твоя мать скажет, ее слова хочу услышать. Двоих малых ребят с собой возьмем. На двух нартах поедем. В чуме хозяйкой останется Саля, за оленями посмотрит, втроем поедут в стадо. Пока олени отдыхают, будут загадки загадывать, потом Саля ребятам книгу почитает. Так, Тыне?

Тыне (*говорит радостно*). Пусть будет так. Дни теперь светлые, волков нет, медведей тоже не встречали. Может, будем там ночевать; что мать скажет, будет видно, там решим. Салечка, когда соберетесь к оленям, перед этим привяжи собак, чтобы за вами не пошли. В стадо возьми Сэвко, она хорошо собирает оленей. Не забудь двери чума закрепить нартой, чтобы ветром не отворило дверь. Не забудь взять трубу, да смотри в нее почаще, внезапно могут чужие олени прийти.

Саля. Мама, отец, не в первый раз остаемся. Не волнуйтесь, собак привяжу, за оленями буду хорошо смотреть. Недавно овод залетел в чум, бабушка говорила, что это к холоду. Хорошо бы, чтобы стало прохладней. Будет жарко, оленей отправлю к морю, на отдых пригоню их к чуму; разведу костер, дым отпугнет комаров, а если будут оводы, мы их будем бить; белые шкуры постелем на землю.

Пале. Тыне, наша дочь – настоящий оленевод, во всех делах хорошо разбирается, слова бабушки не забыла. Станет очень жарко, но ведь и мы тоже надолго в гостях не останемся. Утром кулик протяжную песенку пел, значит, быть дождю, ветер с моря подул, станет прохладно. Это очень хорошо, оленям будет спокойно.

Тыне. Будет дождь, не забудьте взять совики – дождевики, пригодятся.

Пале. После чая, Яктя, Саля, пригоните оленей к чуму, для дальней дороги и для вашей упряжки надо крепких оленей взять, а я немного отдохну. Олени всю ночь бегали от комаров и оводов, было очень беспокойно. Мне пришлось за ними ходить.

Яктя. Папа, сколько упряжек нужно, чтобы стадо караулить? Я сам могу ездить, мне тоже нужна упряжка.

Пале. Лучше караулить стадо на двух упряжках. Да и оленям будет легче; ладно, ты уже, Яктя, большой, помогай Сале.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Слышен шум моря. На склоне сопки виднеется белый чум, дым из макодана поднимается вверх. Залаляли собаки. Из чума выходят люди, смотрят, ждут. Направляются к подвезжающим упряжкам, чтобы поздороваться, так принято в тундре. Впереди всех, чуть наклонившись вперед, быстрыми шагами идет бабушка Луке. Она узнаёт приехавших: в тундре всегда узнают людей по оленям.*

Бабушка Луке. Здравствуйте! Давно вы к нам не приезжали. Ой, как ребятки выросли! Ну, не будем стоять-то, в чум заходите, гостями будете. *(Идут в сторону чума.)*

Еване. Здравствуйте, здравствуйте! Дальняя дорога не страшит вас! А мы чай пить собирались, чайники вскипели. Добрые люди к горячему чаю приезжают, как наши предки говорили. Тыне, проходи вперед, садись около хозяйки чума, дети около бабушки сядут, а мужчины наши сами знают, куда сесть.

Мика. Пале, как зимовали? Весна была тяжелой, оленята не погибли у вас? Колхозники близко от вас чумы поставили? *(Тихо.)* Приезжали или нет знакомые коми-оленеводы?

Пале. Зиму провели хорошо, а весной первые оленята погибли, замерзли от холода. Колхозники уже близко подошли, их чумы видны; знакомые коми-оленеводы не приезжали, видать, за большой рекой Талатой остались. *(Произносит не спеша.)* А где наш Хавря?

Бабушка Луке. Наш Хавря с детьми дяди Яка у моря, омуль хорошо идет. А кто у вас в чуме остался-то? Сколько вас было, я уже и забывать стала. Оленей Саляко караулит? Сколько же лет исполнилось внучке в этом году? *(Смотрит на дочь.)*

Тыне. В чуме на хозяйстве трое остались. А внучке твоей, мама, пятнадцать лет исполнилось. У мужа моего что-то

* Макодан – открытая верхушка чума.

сердце стало болеть, давно прошедшее стало ему сниться. *(Глубоко вздыхает.)*

Бабушка Луке *(задумчиво)*. Ох, как быстро годы пролетели, обещанному время пришло. Раньше слово данное назад не брали. *(Говорит радостно.)* Дорогая моя, теперь люди по новым законам живут. По новому закону вы расписывались с Пале. *(Снова смотрит на дочь.)* Еване, принеси бутылочку, мне легче будет говорить. Милые мои, если напились чаю, идите играть на улицу, поглядите, как там наши олени. *(Дети выбегают на улицу, словно ждали этих слов бабушки.)*

Еване. При таких делах, да за встречу – принесу бутылку. Я тоже о сыне думаю, от него не слышала слова «мама»; может, и не услышу. Двухлетний ребенок что может вспомнить? Вряд ли ему бабушка рассказала обо мне. *(Берет миску, нож, и выходит.)*

Эдэ *(кричит с улицы)*. Бабушка, видим наших оленей, они на склоне сопки. По тундре две упряжки несутся. У тех оленей очень ветвистые рога.

Мика. Наверно, это Вылки, едут в стойбище Нокатэтты, седьмой год ездят свататься, в тундре давно об этом говорят. В чум к нам зимой приезжал Ламдо Хрис с женой Тадо. Жена у него очень разговорчивая, много знает, много видела. Он всё молчит, а у жены речь словно тундровый ручей журчит. Три дня у нас гостили.

Пале. Разные люди есть на земле. Недавно в поселок за продуктами ездили – по поселку совсем никто не ходит. Раньше много военных было, теперь все к себе на родину уехали. А сколько машин-вездеходов по тундре каталось, теперь их нет. Наши дороги вновь травой заросли. Теперь хорошо ездить на оленях, глаз радуется зеленая травка. Один мой хороший знакомый, русский, обещал сухие дрова привезти на вездеходе с берега моря.

Мика. У моря мы заметили один вездеход. Может, знакомые Яка, русские, приезжали, они там рыбу ловят. Теперь вездеходы только по берегу моря и ездят, вот раньше как пальцы рук – в разные стороны тянулись. Как тяжело было, как страшно, в любое время ведь могли оленя убить. Кому об этом скажешь, кому пожалуешься? Кто поможет нам? Никто! Пусть уезжают к себе, без них жили раньше, проживем и теперь. Один знакомый Яка до глубокой осени живет в избушке с женой, они порядочные люди. Гости к ним в чум часто приходят. Жена его вкусный хлеб печет, всех всегда чаем угощает, и рыбу можно у них обменивать на мясо. Наши знакомые коми-оленеводы аргишем* ездят к морю за дровами, пока там много сухих бревен.

Дети. Бабушка, мы к озеру пойдем, может, гнездо кулика найдем. Все яйца не возьмем, одно в гнезде оставим, чтобы мама-птичка не горевала.

Бабушка Луке. В воду не упадите, будьте осторожны. Сходите к речке, там растет дикий лук, он очень полезен, его можно с рыбой и мясом есть. Долго не гуляйте, да про оленей не забудьте, посматривайте за ними.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В чум заходит Еване, в большой миске несет нарезанных омулей и омулевую икру. Достает из-под фартука бутылку и отдает мужу. На красивую посуду выкладывает рыбу и икру, приносит вареное горячее мясо. На столе много вкусной еды: в тундре умеют принимать гостей, накроют стол в любое время – таков закон предков.

Мика. Опять вот встретились. Олени здоровы, пастбища просторны, дети растут. Бог нам помогает, рыбу, мясо каждый день едим! Чего еще желать? Вот! *(Поднимает рюмку.)*

* Аргíш – олений обоз.

Пале. Да, всё так. Ты хороший друг, правильные слова говоришь. Твоя Еване по законам тундры пришла жить в твой чум. А я в чуме жены до сих пор живу. Так бы хотелось в свой чум обещанную жену привести. Прошли годы, а я не забыл обещание твоих родителей. Что скажешь?

Бабушка Луке. Да, у нас в тундре многоженство не редкость, но быть второй женой нелегко. *(Задумчиво.)* Теперь спою свою песню – ярабц. *(Поет, затем замолкает.)* У каждого своя песня, всю свою жизнь можно рассказать в песне.

Тыне *(удивленно восклицает)*. Мама! Ты тоже была второй женой? Поэтому и пообещала Салечку? Но захочет ли она быть второй женой? Ты теперь сказала, что мы по новым законам живем. Мы расписались с мужем. Только эта бумага силы не имеет, можно развестись, снова выйти замуж или жениться и снова получить такую бумагу. В поселке так и живут.

Бабушка Луке. Жизнь моя, дочь, была словно песня – ярабц, она уже спета. Я была счастлива, у нас были дети, отец твой был здоров, были олени. Отец твой меня жалел, помогал мне во всем. Перед смертью все о тебе думал и сказал мне такие слова: «Дочь наша с мужем прожила уже около десяти лет, детей вместе растят, оленей у них много. Зять наш Пале пусть сам решит, брать ему или нет вторую жену, только передай, что жить с двумя женами непросто, не забудь мои слова ему передать». На душе у меня теперь легко, оттого что я выполнила его просьбу. Мне было четырнадцать лет, когда меня отдали второй женой тетиному мужу. У них не было детей; когда нет детей – это большое горе для родителей.

Пале. Вот теперь я все знаю и, значит, мне надо самому решить? Очень плохо, когда нет детей, в чуме должны звучать детские голоса. Если Салю возьму второй женой, значит, еще будут дети в нашем чуме, помощников станет много. Но насильно я этого не хочу, люблю Салю как родную дочь,

сам вырастил. От разных дум у меня сердце болит, душа ноет. Не знаю! А кто расскажет ей об этом обещании?

Тыне. Кроме мамы кто ж расскажет? Когда они с отцом обещали тебе мою девочку, о чем они думали? Может, ждали, когда ты забудешь об этом? Но ты не забыл обещанное слово моих родителей и не забудешь, слишком сильно обидели тебя Сэрне и наш брат.

Бабушка Луке. Я для серьезного разговора приеду к вам в чум. С Салей сама поговорю. Тыне, мы тебя жалели, поэтому пообещали девочку. Одной тебе с двумя детьми, без хозяина-оленевода, было бы тяжело, да и ребятки без отца росли бы. У братьев свои семьи. Детей мы помогли бы тебе поднять, но ты ведь была совсем молодая. Без этого обещания Пале не женился бы на тебе, в то время все так поступали.

Пале. Возможно, я женился бы и без этого обещания. В тундре захочешь, да быстро не женишься, у каждой невесты свой калым. Да и слухи по тундре быстро пошли, что невесту из-под носа увели, много было насмешек. Тыне – моя жена, много лет уже живем, от нее плохого слова не слышал и не собираюсь ее оставлять. Она будет направлять Салю, все вместе будем жить. Надо будет, второй чум поставим. Я не забыл, что Хаврю надо женить. Хавря должен жену в свой чум привести. Тыне, так?

Тыне. Муж мой, моя жизнь зависит от тебя, женщина в тундре, даже если у нее есть дети, не сможет прожить без мужа-оленевода. У Сали, видать, судьба такая; я люблю свою дочь, она должна быть счастливой. Пале, твои слова идут от самого сердца. Только ты, мама, с нами должна поехать. Саля очень уважает тебя и послушается. А насмешки людей я вытерплю. Плохо будет тогда, когда дети без отца останутся. Вот мое слово!

Бабушка Луке. Дочь моя, у тебя широкая душа, доброе сердце. Я обязательно поеду с вами и помогу решить это дело. Ведь слово взрослого – закон, нельзя нарушить его. Зять Пале рад, что у него много детей, это очень хорошо: будут дети, будет продолжаться жизнь – это и мое счастье! Мика, пригони-ка стадо к чуму, вечером станет прохладно, поеду в стойбище к твоей сестре. Может, они захотят заночевать?

Пале. Заночевать здесь неплохо, да и олени наши отдохнут за ночь. Только вот как там в нашем чуме, смогут ли справиться без нас? Чумы колхозников стоят от нас недалеко, их олени могут подойти, и это уж будет настоящая горе. Пожалуй, лучше нам собираться к себе.

Мика. Да, верно так. Если их олени подойдут, потом несколько дней будете ловить своих, а если станет жарко, олени начнут беспокоиться. Смогут ли ребята с ними справиться? Олени могут не послушать детей; жара, комары и оводы сделают их неуправляемыми, они могут уйти. В тундре такое случалось. Богатый в один миг станет бедным. Не имея оленей, куда он пойдет, как добудет себе еду? Пригону стадо к чуму, Пале, и дам оленей в упряжку, я так решил.

Пале. Мика, я помогу тебе, на двух упряжках поедем. Ведь раньше мы с тобой вместе караулили стадо, вместе охотились на курапатов, вместе гнезда находили.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Мужчины выходят на улицу. Лают собаки. Женщины в чуме пьют чай, разговаривают.

Еване. Тыне, я чуть моложе тебя и хорошо тебя понимаю. Ради счастья детей и семьи многое можно вытерпеть. Людские пересуды растают как снег, а умные люди

промолчат. Посмотри, я сшила белую паницу, хочу тебе ее подарить. Я рада, что мы увиделись. У тебя большой твой чум, много оленей. Плохие думы забудь, Бог решит, как надо жить дальше.

Тыне. Да, Еване, справедливы твои слова. Мы ведь обе вдовы с тобой, у каждой своя жизнь. Я отпущу боль души по ветру. Теперь ты спой нам песню, тебе есть, что поведать нам.

Еване. Я спою вам песню своей матери. Ведь люовь существовала всегда, вот и Сэрне с твоим братом давно друг другу приглянулись, поэтому сбежали вместе. Теперь послушайте. *(Поет о любви молодых.)*

Бабушка Луке. Ты не забыла песню матери, я слышала ее от нее. В жизни всякое бывает. С войны много мужчин не вернулось. Вдовы, у которых не было родственников, жили с маленькими детьми в поселках, все счастье этих женщин заключалось в детях. Еване, ты хоть раз от мужа слышала плохие слова, или от нас? Расскажи об этом Тыне.

Еване. Мика – хороший муж. Я родила ему четырех дочерей, он очень их любит. Конечно, он ждал мальчика – помощника для себя. Но я счастлива! Нет, бабушка, от тебя я плохого слова не слышала, род у вас хороший, легко живется рядом с такими людьми.

Тыне. И моя жизнь не была тяжелой, да и рядом с молодым мужем я тоже молодой себя чувствую. Кто ж не полюбит такого мужчину! Мама, вы с отцом правильно сделали, что привели молодого парня ко мне в чум. Я была счастлива с ним, поэтому он тоже должен быть счастлив. Как женится на молодой девушке, сердце его перестанет болеть. Саля согласится, а я ни одного плохого слова не скажу. Теперь я мудрая женщина. Счастье детей – это мое счастье. Мама, я повторила твои слова. Я всегда ждала этого. Много раз ночью я слышала, как Пале зовет, но не меня, а ее – Сэрне, которая сбежала от него.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Лают собаки, к чуму подходят олени, слышится зов телят. Мужчины ходят рядом с оленями, выбирают нужных для упряжек, ребята помогают им, подгоняют оленей. Женщины выходят из чума, быстро идут к загону, чтобы тоже помочь.

Мика. Еване, принеси миску для оленьей крови, будем мясом угощаться.

Бабушка Луке. Еване, растопи печку, мясо надо пожарить, а миску я сама могу принести.

Тыне. Мама, я помогу тебе разделать оленью тушу, да и за миской для крови быстро схожу, заодно соль возьму. Еване, подожди, вместе пойдем. Родственники твои приезжали? Женился ли младший брат? Как вообще они живут-то?

Еване. Приезжали в гости этой зимой. Брат жену привез с Ямала – мастерица, настоящая тундровичка, из хорошего рода.

Тыне. Хорошее дело. Пале сказал, что сына надо женить. Его родственники хотели пообещать его младшую сестру, в этом году поедem к ним свататься. Сына женю, пока мой Пале не женился. Еване, как думаешь, это правильно?

Еване. Конечно, правильно. Сыновей надо вовремя женить. Мой сын через три года женится, такую новость нам сообщили. Может, на свадьбу нас не пригласят, мать бывшего мужа сама вырастила моего сына.

Тыне. Видно будет, ведь не ты сына оставила, а она так решила, всю жизнь любила командовать. Люди знают об этом, не расстраивайся, надейся, что все сложится.

Еване. Тыне, я много слез пролила о сыне, но время лечит, все плохое забывается, я не сержусь на мать бывшего мужа. Мы с Микой воспитаем дочерей, выдадим замуж, может, не все уедут; хорошо было бы, если бы кто-то из них

привел мужа к нам в чум. Младшие дети раньше всегда около родителей жили, нам будет так легче.

Бабушка Луке. Тыне, сколько тебя ждять, я уже разделала олененка, а мужчины оленей в сани запрягают. Еще не наговорились подружки.

Мальчик Мика. Мама, вот мясо принесли жарить, а панты вечером почистим. Панты – полезная добавка к пище, желудку польза, отец так сказал. Отец нашел гнездо маленькой уточки, там шесть яиц, нужна миска.

Еване. Мясо кладите на стол, я пожарю и принесу. А яйца унесите в нарты к продуктам. Зачем он вообще их взял, теперь уж скоро птенцы появятся.

Тыне. Мама, тебя тетя раньше ругала, ты плакала? Отец-то тебя жалел, любил. Намного был старше тебя. Ты любила его?

Бабушка Луке. Когда отца не было дома, тетя ругала меня порой, но в последние годы уже нет, я ведь не сама пришла к ним в чум жить. Кто ж хочет быть второй женой... У нее не было детей, поэтому первого нашего ребенка она воспитала сама, он звал ее матерью. Отец, конечно, любил меня, я во всем ему помогала, в пятнадцать лет родила первенца. Отец очень радовался. Может, и я его любила, не знаю, мне некогда было думать о том.

Тыне. Мама, много горя пришлось тебе пережить, никогда ты об этом не говорила, да и отец молчал. Кто в чуме вел хозяйство?

Бабушка Луке. Горя особого не было. Я ведь всегда во всем послушной была, много работала; у женщины в чуме работы много, сама знаешь. В чуме всем заправляла тетя, это ведь был ее чум. У тебя тоже свой чум, поэтому не думай об этом. Саяя послушная девочка, любит тебя и Пале тоже любит как отца. Ее жизнь от тебя зависит, сама подумай об

этом, рассуди. Вот так, дочь моя Тыне! Когда давала тебе имя, думала о том, что у тебя будет много оленей.

Тыне. Мама, ты права! Я все стерплю, ведь я похожа на тебя. Буду послушной, слово отца не забуду. В тундре нашей, в большом моем чуме спою тебе свою песню, она уже есть у меня. Мама, слушаешь ее? Раньше, помню, люди к нам в стойбище приезжали, всегда вокруг тебя собирались.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Все жители чума собираются около туши оленя, дети с ножами, едят аппетитное мясо, черпают кровь чашками. Еване приносит много жареного мяса, ребра, печень. Мика отрезает первый кусок с шеи, самое вкусное мясо тут, отдает Якте. Гость должен угощаться самым лучшим мясом. Олени спокойно отдыхают у чума. Светит солнце, дует ветерок, хорошо видны сопки. Собаки тоже отдыхают, только важенка, которая осталась без олененка, зовет его, прибегает к чуму.

Мика. Моя важенка, это ее первый олененок был. Жалеет его, ищет. Да, в жизни так решено Богом, что олень для человека – пища. Тундровик от оленя живет: нет оленя – нет жизни. В прошлом году у Вылки Мюкула все олени убежали, теперь он у озера с семьей живет, рыбу ловит. Очень плохо им, может, его младший брат в те края приедет, да к себе их жить возьмет. Раньше ведь тоже родственники помогали тем, кто оказался в беде. Эта земля – земля кочевья наших дедов, так заведено. Летом у моря оленям свежо, вдоволь зеленой травки, а ближе к концу лета начнем кочевать в сторону зимних пастбищ. Во время кочевок будем морошку собирать, не много ее будет, ветер не сдул цветочки. Детям это в радость, да и олени едят морошку, грибы.

Пале. Да, мы тоже начнем кочевать. Зимой наши чумы даeko будут друг от друга. До будущего лета не увидимся.

Мика, мы хотели бы у вас рыбу обменять на мясо. Будет рыба?

Мика. Бабушка собирается к вам, за ней приедет Хавря, вот он рыбу и привезет. Вы ведь тоже хотите сына увидеть. Сын ваш прекрасный человек, очень мне помогает. Люблю его словно родного, жалею его; он привык к нам, мы не чужие друг другу. Рыбу ваш сын сам ловил, пусть подарком вам будет.

Бабушка Луке. После сырого мяса надо чай попить. Погода хорошая, будем на улице пить. Еване, мы с Тыне нарежем, не будем прикрывать его, собаки привязаны. Девочки, помогите маме, около чума будем чай пить. Полюбujemy красотой наших мест, шум моря послушаем, вон как волны будто играют, догоняют друг друга.

Еване. Уле, неси на стол всё: конфеты, молоко, калачи, масло, печенье. Евдя, помоги поставить чашки. Эдэ, ты хлеб нам нарежь.

Тыне. Вот сколько помощников, молодцы. Девочки маме помогают, мальчики отцу. Наша Эдэ умеет оленей ловить, скоро сама будет их пасти, помогать отцу.

Бабушка Луке. Весной мы с Эдэ в бычьем стаде караулили оленей, куропаток ловили на чучело куропатки, Эде много гнезд нашла. Она знает, что птичье гнездо нельзя оставлять пустым: грех, птица будет плакать. Сегодня мы обидели важенку, она горько плакала. Я у священной нарты буду молиться Богу, попрошу у него прощения. Бог сам так решил: олень, птица, рыба – пища для человека. Наш Хавря накормит нас досыта гусиным мясом; когда гуси будут линять, опять с сыновьями дяди Яка пойдут на гусей охотиться. Если много добудут, посолим, до лета оставим здесь, закопаем в бочках.

Мика. Еване, может, бутылку принесешь? Разговор серьезный окончен, все дела сделали. Гости в чум свой будут

собираться. Я хочу песню дяди своего спеть, легко будет петь. Дети, вы пока идите к оленям, оводов бейте. Сегодня кто из вас больше оводов побьет, поедет с бабушкой в гости. *(Дети радостно берут белые олени шкуры, лопатки, осторожно идут к оленям, которые отдыхают у загона.)*

Пале. Так, теперь можно и спеть. слово, которое ждал, я услышал, а вам хочу загадать загадки, которые загадывал мой дед; раньше люди любили загадывать загадки, некоторые подолгу не могли отгадать. Дед был умелым мастером слова. Да и песен в старину пели много, люди в стойбище по несколько дней могли их слушать. Я сам слышал их, и у меня есть своя. Но она неинтересна вам, я не буду ее петь, лучше новую сложу; я должен решить, как буду жить дальше.

Мика. Ладно, жизнь продолжается, много песен еще сочинишь. А эту песню забудь, о новой жизни сложи хорошую песню, я знаю, ты сумеешь найти слова. Дни летят, годы проходят, недавно мы женились, а теперь пора детей женить, замуж выдавать. Мы стали взрослыми, мудрыми людьми.

Бабушка Луке. Так, так! Пале, на свадьбе Хаври хорошую песню споешь, жизнь у тебя легкой была, детки у вас послушные, работать научены, взрослые разговоры не слушают. Хороших ребят воспитываете, в жизни им легко будет. Я много знаю, многое слышала, в жизни встречала разных детей, только счастье каждой матери – когда дети здоровые. Вот это и есть большое материнское счастье!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Еване достает из вандако бутылку, отдает мужу. На тарелки добавляет продукты, выносит из чума котел со свежим мясом. Нарезает омулей, кладет в миску омулевую икру, садится рядом с мужем.*

* Вандáко – грузовые нарты.

Мика. Чтобы жизнь наша была прекрасной! (*Поднимает рюмку.*) Пале, в подарок дам тебе упряжку серых оленей, привяжи их к нарте.

Пале. Очень щедрый подарок ты мне приготовил! Поднимаю свою рюмку за тебя, Мика. Запевай песню. Давно, я ее не слышал, начал уже забывать.

Бабушка Луке. Мика, погоди, песню в другой раз споешь. Я знаю песню твоего дяди, женщинам она неинтересна. Он любил дурачиться, и песня ему под стать.

Тыне. В гостях хорошо. Гости гостят, да в чум собираются. Я о детях думаю, становится жарко. Мама будет с Салей разговаривать. Что она скажет, никто не знает. Есть еще у нас дело.

Еване. Правда, материнское сердце всегда о детях беспокоится. Раньше осенью свадьбы справляли, когда оленей уже не донимают комары да оводы, тогда можно гостить несколько дней.

Бабушка Луке. Пале, загадки деда потом загадаешь. Я их тоже много раз уже отгадывала. Ради вашего дела еду с вами. Но от вас хочу узнать, как быть, если Саля не захочет замуж?

Пале. Насильно брать ее в жены не хочу. Мне вы ее обещали, но пока нам надо Хаврю женить. В этом году мы с Тыне поедem свататься к моим родственникам. Девушка знакомая, надеюсь, родственники не откажут нам.

Бабушка Луке. Пале, про то обещание лучше сказать Сале после свадьбы Хаври. Как она после этих слов жить-то будет в вашем чуме? (*Громко.*) Я не понимаю этого!

Пале. Я хотел ваше обещание услышать. Вы не забыли его, это было настоящее обещание. Но Сале не нужно об этом говорить. Нам надо Хаврю женить. Так ведь, Тыне?

Тыне. Да, конечно, так. Приедут ее сватать, согласия мы не дадим, пусть с нами живет, будет нам помогать, и ребятам с ней хорошо.

Мика. Мать, ты съезди в гости, хоть развеешься, давно никуда не ездила. На свадьбе Хаври будем петь, отгадывать загадки.

Еване. Тыне, мужья наши настоящие мужчины, мы прожили рядом с хорошими людьми – это большое женское счастье! Раньше женщины в тундре много рассказывали о женской доле. А нам дай Бог и дальше так жить!

Бабушка Луке. Зять мой Пале, пусть сердце твое перестанет болеть. Женишься, как время придет. Только не торопись в этом деле. Тыне – твоя жена. Сначала сына жените, а с Салей я после свадьбы Хаври поговорю. Вот, такое мое слово!

Пале. В таких делах нельзя спешить. До этого дня счастливо жили и дальше так будем жить. Тыне вот хотела к вам в гости. И я не ругаться сюда приехал, я ведь плохого не хочу. Теперь я – человек оленный, женатый, с детьми, только чума своего у меня нет!

Тыне. Муж мой, чум-то обычно женщины ставят. А ты ходи с высоко поднятой головой. Молодежи теперь все равно, в чьем чуме жить, – у мужа или у жены. Ты все годы печаль в себе носишь. А я радуюсь, что ты здоров, и пусть всегда так будет!

Еване. Тыне, много лет тебя знаю, много слов от других слыхала. Но так скажет только та женщина, которая любит мужа, детей, свою тундровую жизнь. Ты – настоящая мать, тундровичка! За женское счастье!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Олени потихоньку трогаются, оленята зовут мам. На стоянке остаются дети. Мужчины не спеша идут к загону. Женщины направляются под горку.

Мика (*детям*). Молодцы! Кто больше всех оводов побил? Сосчитайте-ка, сколько их?

Я к т я. Папа, у меня больше. Вон сколько.

Пале. Хорошо, только ты гость. А кто из девочек больше побил?

Уле. Папа, посмотри, у меня семьдесят семь оводов.

Еле. У меня больше ста.

Евдя. Мы с Эдэ на одной шкуре били оводов. Уле больше нас побила.

Мика. Вот Уле и поедет в гости. Очень хорошо вы потрудились. Да и олени отдохнули. А теперь идите ешьте, на столе вас ждет вкусная еда. А мы оводов в землю закопаем, головы отдельно от туловищ, так надо.

Уле. Бабушка, я с тобой в гости поеду, папа так решил. *(Громко.)* Я больше всех оводов побила!

Бабушка Луке. Очень ты у нас бойкая! Поешь, потом нарядись; я пойду праздничную одежду приготовлю и тоже красиво оденусь. Олени уже запряжены.

Еване. Яктя, Татё, вот вам гостинцы, каждому чашка, а там конфеты, калачи. Угостите сестер и брата, которые ждут вас в чуме.

Пале. До свидания! Приезжайте нас проведать! *(Поправляет свою упряжку, смотрит на привязанных оленей и тихо трогается.)*

Тыне. До свидания, до свидания, приезжайте в гости! *(Ее упряжка трогается за мужем.)*

Бабушка Луке *(в ярком цветастом сарафане с передником и в красном платке)*. Пусть Хавря приедет за мной, я буду ждать. До свидания! *(Садится в свои нарты и быстро догоняет упряжку дочери.)*

Еване. До свидания, приедем в гости. Пусть дорога будет легкой!

Мика. До свидания, Хавря приедет, ждите!

Еване. Вот уехали гости. Мать твоя – в тундре уважаемый, известный человек. Все тундровики к ней едут за советом. Она добрая, сердечная, всегда всем поможет. Возможно, Саля и не повторит ее судьбу. Твоя мать умеет убеждать, она сделает так, чтобы всем жилось хорошо, я верю в это. И подруга моя с хорошим настроением уехала, паница на ней очень ладно сидит. Нарядная она, совсем еще молодая, да, молодая!

Мика. Мать моя – прекрасный человек, все в тундре уважают ее, правильно ты, Еване, говоришь. И Пале уехал с хорошим настроением. Сердце его успокоится, он про женитьбу ничего не сказал. Дети у них есть, есть сыновья-помощники. Это для мужчины много значит. И наши девочки – хорошие помощницы во всех делах. *(Детям.)* Девочки, нарубите ивняк, за водой к озеру сбегайте, собак накормите. А мы с тобой пойдем мясо посолим. Становится жарко, надо под землю его положить, чтоб сохранилось дольше. *(Каждый берется за работу.)*

Matryona Taleeva

THE PROMISE

CHARACTERS

Tynye – a widow, a woman of advanced years, short in stature, plump.
Pale – her young husband, father of her young children, a slender, handsome man.

Khavrya – Tynye’s son from her first marriage.

Salya – Tynye’s daughter from her first marriage, a beautiful woman.

Petyo, Yaktya, Sara, Tatyo (Children) – the children of Tynye and Pale.

Grandma Lukye – the mother of Tynye and Miki.

Mika – Tynye’s younger brother.

Yevanye – Mika’s wife.

Ule, Yevdya, Ede, Yele, Mika junior (Children) – the children of Mika and Yevanye.

SCENE ONE

Summer. The weather is wonderful. The sun is shining. The wind is blowing. The birds are twittering. A large tent stands on the bank of a river. There are many loaded sleds by the tent, and it is immediately obvious that

well-off people live here. Tynye sits on an animal hide, sews and sings a song. As she works she looks at her daughter. Her daughter, by the yukhuna sled (to carry bedding) is sewing kamusy, from far away one can hear her jewelry jangling. The young kids play “Catch the reindeer” near the corral. Tynye puts the embroidery away in a tucheika**, goes to her daughter, sits next to her, and looks at her work.*

Tynye (*in a happy voice*). My dear, you’ve become a real helper, you made the kamusy very well, you’re also skilled at sewing, you’ve sewn a lot of clothes for your younger brothers and sisters, now we’re going to sew you a white panitsa***. You help your father catch reindeer, you go to watch the herd, you fetch logs, and do the shopping at the village. You’re very good at helping us, your other brothers and sisters are too small to work. This year you turned 15, now you can get married. According to our customs, the daughter should not live in her parents’ tent, after the wedding she goes to live in her husband’s tent.

Salya. Mama, you taught me to make kamusy, to sew, to cook, and I can also look after the tent. My father taught me to catch reindeer, and watch them in the herd. Who but you would have taught me all these good things! If someone wants to marry me, you and father can decide yourself, but I’m always happy to live near you. Soon father will come back from the herd, I’ll go to fetch water, we need to fire up the stove, and heat up the pot of soup. (*Puts her work in a pad – a bag for kamusy – and runs into the tent.*)

Children. Salya, we’ll go to the river, we’ll help you, we’ll gather stones for the game (*The children take kettles and buckets from the tent, and run after their sister. Salya takes a large bucket, and runs off, the hem of her red dress waving.*)

* Kamus – reindeer hide.

** Tucheika – a small bag made of fur, which contains sewing accessories.

*** Panitsa – a women’s coat made of reindeer hide.

Tynye. Sala, don't misbehave by the river, your brothers shouldn't throw stones into the water, you'll anger the lord of the water, he won't give us fish, that's what your grandmother always says. Don't stay away for long, your father will come back soon, he'll want tea, I can see the reindeer herd by the sea.

Salya. Mama, we won't be long, we won't misbehave by the water, I'll clean the kettles with river sand.

SCENE TWO

Tynye gets up. She puts her hand over her eyes to block out the sun, and looks towards the sea, where the reindeer are grazing; she sighs deeply, and starts to cut the branches off the logs. The dogs bark happily, this means their master has arrived. The master of the farm has come back. Palye ties the saddle by the reindeer pen, and slowly walks towards his wife, looking towards the tent. Palye is dressed in a woolen parka, with a red belt embroidered with blue felt, and on his head is a calico head net. He walks to his wife and sits on the ground.

Palye. Where are the kids? Has no one come to our tent? I sent the reindeer towards the sea, it's colder there, there's a lot of grass, they can rest from the mosquitoes and horseflies. *(Suddenly speaks happily.)* Tynye, I caught three geese, I found two duck nests. The eggs are in the front of the sled, between the moss, when the kids come back they can take them into the tent. Listen, stop cutting the branches, let the kids do it, have a rest, sit next to me.

Tynye. The children went to the river to get water. No one has come here. I talked to our daughter. I liked what she said, you'll also be happy. She's still a child, life with us is happiness for her. She doesn't know about our past. Husband of mine, perhaps you've forgotten your words of promise? *(Looks at her husband.)* Salya loves you like a father, she feels compassion for you and respects you. Many years have passed since her real father died,

she was three years old, and our son was six, they were too young to remember. She has always seen just one father – you.

Palye (*speaks slowly*). Promises must not be forgotten. I came to live with you when I was a very young man. Your father, your mother and your brothers decided it should be this way. Your middle brother stole my bride out from under my nose. (*Loudly*.) Have you forgotten?

Tynye. I haven't forgotten. When I married you, you had two children, I was also young, I gave you four children, my elder son, my Khavrya, how long will he live by his mother? It's time to be married for him. Sons should marry at the right time. Perhaps it was also time for you to marry, when you came to live with me. My brother Mika only had daughters. My mother raises his elder daughter, she's become a good helper.

Palye. Perhaps it was time to marry, and you had a lot of reindeer. So many reindeer had to be tended, to be protected from predators, and now we have even more reindeer. Recently I had a dream about Serne, she was running towards me, but she was caught and taken away. I stayed there with my hands outstretched. Then I woke up. Many years have gone by, the old things have begun to bother me again in my dreams, my heart has started to ache. In the old days, wealthy reindeer herders had several wives. If people want her to be married, I won't give them our daughter, let her grow up, our other children are small. Do you agree?

Tynye. Dreams come in all shapes and sizes. But Serne was not taken away by force, she chose her husband herself. They had loved each other for a long time. Let our daughter grow up. You also helped me back them, you came to my tent to live, there were many people in the tundra who laughed about this, you didn't take any notice. It's very hard to be a widow. Of course, I could have lived with my parents. But if every woman has her own tent, her children, the father of the children – a reindeer

herder – then she will be happy. Now I am very happy, we wander the tundra, we have many children. News came from Yamal that Serne and my brother have four daughters, they live well, they have many reindeer. What else do they need, but they do not come to our region.

Palye. How will they dare to visit after that? I'm not waiting for Serne, I chose my life myself, let them live there and raise their daughters. It's just a bad thing that they've forgotten the law of the tundra, they went against their parents, they promised her to me. Serne did a very bad thing, a lot of tears were shed because of this, she brought sorrow and shame to her parents. I'm not angry with the old people, they wanted to marry off their daughter by the old customs. You also know all of this, you've heard a lot about it.

Tynye. Yes, my husband, I know it all, it's all in the past, we must live differently, and move on. We will raise good children, we have a son, he looks like you. You must teach our son to tend reindeer. And I must teach the girls to do the housework. (*In a worried voice.*) You and I are married under the new law, and we have a document to confirm it.

SCENE THREE

Palye silently looks towards the river, from where children's voices can be heard. Salya walks ahead, carrying a bucket of water, followed by children. One carries stones from the river in the hem of her dress, others carry kettles and buckets filled with water. Salya and the children quickly carry the buckets and kettles into the tent, and the children cheerfully run towards their father. Salya goes outside, takes a heap of logs and carries them inside. Palye sadly looks after her. Tynye catches her husband's gaze, she believes that he has not forgotten the old promise to her parents. Her stomach is churning, as if she had been hit by a stick, she rushes into the tent like an arrow. Palye slowly goes to the sled with the little children.

Palye. Sara, Tatyo, there are duck eggs in the front of the sled, take them into the tent. Petyo, Yaktya, take the geese. After we have tea we'll pluck them, and in the evening you'll have delicious goose soup. And tomorrow perhaps I'll bring you fish, I put nets in the river, there are graylings there. Fish are very delicious and healthy; people who live by the sea, probably eat omul.

Salya. Mama, the soup's ready, shall I set the table? I'll take the meat from the pot. What did father bring? The children sound very happy.

Tynye. Father brought three geese, and he also found two duck nests, with eggs in them. In the evening we'll cook them, and eat some new food. Is that all right, Salya?

Salya (*looks at her mother in surprise*). Mama, of course it's all right. Why do you ask me? Whatever you decide, that's how it will be. I'll call father and the children to tea. (*Opens the door of the tent and shouts to them.*) Father, Sara, Tatyo, Petyo, Yaktya! Come and eat, the soup's getting cold.

*Everyone goes into the tent and sits at their places,
father sits in the place of honor.*

Tynye. It's got cold. Perhaps it will get colder, the north wind is blowing. We haven't visited Mama, our son Khavrya, our brother for a long time. Their house is by the sea, we can exchange meat for fish. It's two years since father died. My brother Mika and his wife Yevanye have four daughters, the girls have probably grown up. Yevanye's son is also 15, the mother kept the two-year-old child of her former husband living with her. He still lives there, maybe they've moved to the mother's tent. My husband, what do you say?

Palye. There's nothing bad about that, while their tent is nearby, you should meet with the mother, many years have

gone by, we'll go together. What will your mother say, I want to hear her words. We'll take two of the small children with us. We'll go in two sleds. Salya will stay in charge in the tent, she'll look after the reindeer, three of them will go to the herd. While the reindeer are resting, we'll guess riddles, then Salya will read the kids a book. Right, Tynye?

Tynye (*in a cheerful voice*). Let's do that. The days are bright now, there are no wolves, we haven't seen any bears either. Perhaps we'll spend the night there; what will mother say, we'll see, we'll decide there. Salechka, then go to the reindeer, tie up the dogs first, so they don't follow you. Take Sevko with you, she's good at rounding up the reindeer. Don't forget to close the door of the tent with a sled, so the wind doesn't blow the door open. Don't forget to take a telescope, and look through it often, other reindeer may suddenly turn up.

Salya. Mama, father, this isn't the first time we've been left alone. Don't worry, I'll tie up the dogs, I'll look after the reindeer well. A gadfly recently flew into the tent, grandmother said it meant the cold weather was coming. It would be good if it got cold. If it's warm, I'll send the reindeer to the sea, I'll drive them to the tent to rest; I'll build a fire, the smoke will scare away the mosquitoes, and if there are gadflies, we'll swat them; we'll lay white animal skins on the ground.

Palye. Tynye, our daughter is a real reindeer herder, she is skilled in everything, she hasn't forgotten grandmother's words. It will get very hot, but we also won't stay for long. In the morning the sandpiper sang a long song, which meant that the wind blew from the sea, it will get cold. This is very good, the reindeer will be calm.

Tynye. If it rains, don't forget to take the parkas, they'll come in handy.

Palye. After tea, Yaktya, Saya, drive the reindeer to the tent, for next part of your journey you need to take strong reindeer

for your sled. I'll rest a little. The reindeer were bothered by mosquitoes and gadflies all night, they were very restless. I had to follow them.

Yaktya. Dad, how many sleds do we need to guard the herd? I can ride myself, I also need a sled.

Palye. It's better to guard the herd on two sleds. And it will make things easier for the reindeer; all right, Yaktya, you're big enough now, help Salya.

SCENE FOUR

The sound of the sea is heard. On the slope of a hill a white tent is seen, smoke from the makodan rises up. Dogs bark. People come out of the tent, look around and wait. They go to the approaching carriages, to say their greetings, as is the custom in the tundra. Ahead of everyone, leaning forward a little, grandmother Lukye walks with fast steps. She recognizes the visitors: people in the tundra are always recognized by their reindeer.*

Grandma Lukye. Hello! You haven't visited us for a long time. How the kids have grown! Let's not stand here, go into the tent, be my guests. *(They walk towards the tent.)*

Yevanye. Hello, hello! The long road doesn't scare you! We were going to drink tea, the kettles have boiled. Kind people come to hot tea, as our ancestors said. Tynye, go ahead, sit by the mistress of the tent, the children will sit by grandma, and our men know where to sit themselves.

Mika. Palye, how did you spend the winter? The spring was hard, did any of the young reindeer die? Did the collective farmers put tents near you? *(Quietly.)* Did any Komi reindeer herders you know visit, or not?

Palye: We spent the winter well, but in spring the first young reindeer died, they froze to death. The collective farmers came

* Makodan – the open top of a tent.

close, we could see their tents; Komi reindeer herders didn't visit, they stayed on the other side of the great river Talata (*Speaks slowly.*) But where's our Khavrya?

Grandma Lukye. Our Khavrya is with the children of Uncle Yak by the sea, there's lots of omuls to catch. But who stayed in the tent? I've already forgotten how many of you there are. Is Salyako guarding the reindeer? How old is my granddaughter now? (*Look at her daughter.*)

Tynye. Three people stayed in the tent to look after the place. Your granddaughter is now 15, Mama. My husband has started to have an aching heart, and he dreams of things long past (*Sighs deeply.*)

Grandma Lukye (*thoughtfully*): Oh, how quickly the years have gone by, the time of promises has come. People didn't use to take back their word once they gave it. (*Speaks happily.*) My dear, now people live by new laws. You married Palye by the new law (*Look at her daughter again.*) Yevanye, bring a bottle, it will be easier for me to talk. My dears, if you're had enough tea, go outside to play, see how our reindeer are. (*The children run outside, as if they were waiting grandma to say this.*)

Yevanye. With these matters, and for the meeting – I'll bring a bottle. I also think about my son, I've not heard the word "mama" from him; perhaps I won't hear it. What can a 2-year-old child remember? I doubt grandma told him about me. (*Takes a bowl and knife, and goes outside.*)

Ede (*shouts from outside*). Grandma, we can see our reindeer, they're on the slope of the hill. There are two sleds travelling across the tundra. These reindeer have very branched horns.

Mika. It's probably Vylki, they're going to the Nokatetty pasture, for the seventh year they're going to marry, people in the tundra have talked about this for a long time. In winter, Lamdo Khris came to our tent with his wife Tado. His wife is very talkative, she knows a lot, and has seen a lot. He's silent all

the time, but his wife talks like the gurgling of a tundra river. They stayed with us for three days.

Palye. There are different people in this world. Recently we sent to the village to buy groceries – there was no one in the village. There used to be a lot of soldiers, but they’ve all gone to their homeland. And so many all-road cars drove around the tundra, now they’ve gone. Our roads have grown over with grass again. Now it’s good to ride reindeer, the green grass delights the eye. A good friend of mine, a Russian, promised to bring dry logs in a jeep from the sea shore.

Mika. By the sea we noticed one jeep. Perhaps they were friends of Yak, Russians, they catch fish there. Now jeeps only drive along the sea shore, they used to be like fingers – they went in different directions. How hard it was, how terrifying, at any time they could kill a reindeer. Who could you tell about this, who could you complain to? Who would help us? No one! Let them go back to where they came from, we lived without them before, we’ll live without them now. One friend of Yak lives in a hut with his wife until late autumn, they are decent people. Guests often come to their tent. His wife bakes delicious bread, she always treats everyone to tea, and you can exchange fish for meat with them. Our Komi reindeer herder friends go to the sea for logs in an argish*, at the moment there are lots of dry logs there.

Children. Grandma, we’ll go to the lake, make we’ll find a sandpiper nest. We won’t take all the eggs, we’ll leave one in the nest, so the mother bird doesn’t grieve.

Grandma Lukye. Don’t fall in the water, be careful. Go to the river, wild onions grow there, they are very healthy, you can eat them with fish and meat. Don’t spend too long, and don’t forget about the reindeer, keep an eye on them.

* Argish – reindeer sled.

SCENE FIVE

Yevanye goes into the tent, in a large bowl he carries gutted omuls and omul roe. She takes a bottle out from under her apron and gives it to her husband. She places the fish and roe on a fine dish, and brings hot stewed meat. There is a lot of delicious food on the table: in the tundra people are good at receiving guests, and lay the table at any time of day – this is the law of the ancestors.

Mika. So we meet again. The reindeer are healthy, the pastures are expansive, the children are growing. God helps us, we eat fish and meat every day! What else could you wish for? There! *(Raises his glass.)*

Palye. Yes, that's right. You're a good friend, your words are right. Your Yevanye came to live in your tent by the laws of the tundra. But I still live in my wife's tent. I would like to bring my promised wife to my own tent. Years have gone by, and I have not forgotten your parents' promise. What do you say?

Grandma Lukye. Yes, here in the tundra polygamy is not rare, but it's hard to be a second wife. *(Thoughtfully.)* Now I'll sing my song – a yarabts. *(Sings, then falls silent.)* Everyone has their song, you can tell your entire life in a song.

Tynye *(exclaims in surprise)*. Mama! Were you also a second wife? And that's why you promised Salechka? But will she want to be a second wife? You said that we live by new laws now. My husband and I registered our marriage. But this paper has no validity, we can get divorced and can marry again, and receive this paper again. This is how people live in the village.

Grandma Lukye. My life, daughter, was like a song – a yarabts, it has already been sung. I was happy, we had children, your father as healthy, we had reindeer. Your father greatly pitied me, he helped me with everything. Before he died, he thought about you and said to me: "Our daughter and husband have lived for around 10 years now, they bring up children together,

they have many reindeer. Our son-in-law Palye can decide himself whether or not to take a second wife, just tell him that it is not easy to live with two wives, don't forget to pass on my words." Now I feel at peace, because I've carried out his request. I was 14 years old when I was given to my aunt's husband as his second wife. I didn't have children; when there are no children, it's a great sorrow for parents.

Palye. Now I know everything, and so I have to decided myself? It's very bad when there are no children, children's voices should be heard in the tent. If I take Salya as a second wife, there will be children in our tent, there will be many helps. But I don't want to force this, I love Salya like a daughter, I brought her up myself. Various thoughts make my heart sore, my soul aches. I don't know! But who will tell her about this promise?

Tynye. Besides Mama, who will tell her? When she and father promised my daughter to you, what were they thinking? Perhaps they were expecting that you'd forget about it? But you didn't forget the promise of my parents, and you won't forget it, Sernye and our brother offended you too much.

Grandma Lukye. I'll come to your tent for a serious talk. I'll talk to Salya myself. Tynye, we pitied you, so we promised a girl. It would be hard for you with two children, without a reindeer herder, and the kids would grow up without a father. Your brothers have their own families. We would have helped the children to raise you, but you were quite young. Without this promise Palye would not have married you, everyone did this at that time.

Palye. Perhaps I would have married without this promise. In the tundra you want to marry, but can't do so quickly, every bride has her dowry. And rumors spread swiftly through the tundra, that the bride had been taken away under the husband's nose, there was a lot of mockery. Tynye is my life, we've lived together for many years now, I haven't heard a bad

word from her and I don't intend to abandon her. She will send Salyu, we'll all live together. If necessary, we'll put up a second tent. I haven't forgotten that Khavrya must be married. Khavrya must bring a wife to his tent. Tynye, isn't that right?

Tynye. My husband, my life depends on you, a woman in the tundra, even if she has children, cannot live without a reindeer herder for a husband. This is Salya's fate; I love my daughter, she should be happy. Palye, your words come straight from the heart. Only you, mama, should go with us. Salya respects you very much and obeys you. And I'll put up with people's mockery. It will be bad when children are left without a father. That's my word!

Grandma Lukye: My daughter, you have a great soul, and a kind heart. I will certainly go with you and help to solve this matter. The word of an adult is law, it cannot be broken. Pale's son-in-law is happy that he has many children, this is very good: there will be children, life will continue – this is my happiness! Mika, drive the herd to the tent, in the evening it will get cold, I'll go to the pasture to your sister. Perhaps they will want to spend the night?

Palye. It's good to spend the night here, and our reindeer will rest for the night. But how is it in our tent, will they cope without us? The collective farmers' tents are not far from us, their reindeer may approach, and this will be real misery. It's probably better for us to take them to ourselves.

Mika. Yes, that's right. If their reindeer approach, then several days you'll catch ours, and if it gets hot, the reindeer will start to get restless. Can the kids cope with them? The reindeer may not obey the children; heat, mosquitoes and gadflies makes them unmanageable, they may go away. These things have happened in the tundra. A rich man becomes poor in an instant. Without reindeer, where can he go, how can he get

his food? I'll drive the herd to the tent, Palye, and I'll give you reindeer in a sled, that's what I've decided.

Palye. Mika, I'll help you, we'll go on two sleds. We used to guard the herd, we hunted quail together, we found nests together.

SCENE SIX

*The men go outside. The dogs bark.
The women in the tent drink tea and talk.*

Yevanye. Tynye, I'm a bit younger than you and understand you well. For the sake of the happiness of the children and the family, one can put up with a lot. Gossip melts like snow, and smart people keep silent. Look, I've sewn a white panitsa, I want to give it to you. I'm happy that we've met. You have a large tent and a lot of reindeer. Forget bad thoughts, God will decide how we should live further.

Tynye. Yes, Yevanye, your words are just. We are both widows, we both have our own lives. I release the pain of my soul to the wind. Now sing us a song, you have something to tell us.

Yevanye. I'll sing you a song of my mother. Love has always existed, Serne and your brother had been fond of each other for a long time, and so they ran away together. Now listen (*Sings about the love of young people.*)

Grandma Lukye. You didn't forget your mother's song, I heard it from her. All kinds of things can happen in this life. Many men did not return from the war. The widows who did not have relatives lived with small children in villages, all the happiness of these women was in the children. Yevanye, have you ever heard bad words from your husband, or from us? Tell Tynye about this.

Yevanye. Mika is a good husband. I gave him four daughters, he loves them very much. Of course, he expected a boy – a helper for him. But I’m happy! No, grandma, I didn’t hear bad words from you, you have a good family, it is easy to live next to such people.

Tynye. And my life was not difficult, and along with my young husband I also feel young. Who wouldn’t love such a man! Mama, you and father were right to bring the young man to me. I was happy with him, so he should also be happy. When he marries a young woman, his heart stops aching. Salya agrees, I won’t say a single bad word. Now I am a wise woman. The happiness of children is my happiness. Mama, I repeated your words. I always waited for this. Many times at night I heard Palye calling, not me, but her – Sernye, who ran away from him.

SCENE SEVEN

Dogs bark, reindeer approach the tent, the call of calves is heard. Men walk next to the reindeer, selecting ones needed for sleds, children help them, and herd up the reindeer. Women come out of the tent and quickly walk to the corral, to help as well.

Mika. Yevanye, bring me a bowl for reindeer blood, we’ll eat some meat.

Grandma Lukye. Yevanye, heat the stove, the meat needs to be cooked, I can bring the bowl myself.

Tynye. Mama, I’ll help you to cut up the reindeer carcass, and I’ll quickly go and get a bowl for blood, and take some salt too. Yevanye, wait, we’ll go together. Have your relatives arrived? Has your younger brother got married? How are they living?

Yevanye. They visited us this winter. My brother brought his wife from Yamal – she’s a skilled craftswoman, a true tundra woman, from a good family.

Tynye. That's a good thing. Palye said that the son should be married. His relatives wanted to promise him the younger sister, this year we'll go to them to marry them. I'll marry my son until my Palye gets married. Yevanye, what do you think, is that right?

Yevanye. Of course it's right. Sons should be married at the right time. My son will marry in three years, we were told this news. Perhaps we won't be invited to the wedding, the mother of my former husband brought up my son herself.

Tynye. We'll see, you didn't abandon your son, she decided this, she's always liked to order people around. People know about this, don't be upset, hope that everything will work out.

Yevanye. Tynye, I've cried many tears about my son, but time heals, everything bad is forgotten, I'm not angry with my former husband's mother. Mika and I bring up our daughters, we'll marry them off, not all of them will leave; it would be good of one of them brought her husband to us. Younger children always used to live by their parents, it will be easier for us like that.

Grandma Lukye. Tynye, how long do I have to wait for you, I've already cut up the reindeer, and the men are harnessing the reindeer to sleds. The girls haven't stopped talking yet.

Mika junior. Mama, we've brought the meat to be cooked, and we'll clean the antlers in the evening. Antlers are a good additive to food, it's good for the stomach, my father said. My father found a little duck's nest, there are six eggs, we need a bowl.

Yevanye. Put the meat on the table, I'll cook it and bring it. And put the eggs in the sleds by the groceries. Why did he take them, now baby birds will hatch.

Tynye. Mama, auntie used to scold you, did you cry? Father pitied you, and loved you. He was much older than you. Did you love him?

Grandma Lukye. When father wasn't home, auntie sometimes scolded me, but in recent years she didn't, I didn't come to the tent to live with them myself. Who wants to be a second wife... She didn't have children, so she brought up our first child herself, he called her mother. Father, of course, loved me, I helped him with everything, at 15 I had my first child. Father was very happy. Perhaps I loved him, I don't know, I had no time to think about it.

Tynye. Mama, you had to endure a lot of sorrow, you never talked about this, and father kept silent too. Who did the work in the home?

Grandma Lukye. There was not much sorrow. I was always obedient in everything, I worked a lot; the woman has a lot of work in the home, you know yourself. Auntie was in charge of everything in the home, it was her tent. You also had your own tent, so don't think about it. Salya is an obedient girl, she loves you and Palye also loves you like a father. Her life depends on you, think about it yourself, consider it. It's like that, my daughter Tynye! When I gave you a name, I thought that you would have a lot of reindeer.

Tynye. Mama, you're right! I'll put up with everything, I'm like you. I'll be obedient, I won't forget my father's word. In our tundra, in my large tent I'll sing you my song, I already have one. Mama, will you listen to it? I remember that people used to come to our pasture, they always gathered around you.

SCENE EIGHT

All the inhabitants of the tent gather around the reindeer carcass, children with knives, they eat delicious meat, they collect the blood in cups. Yevanye brings a lot of fried meat, ribs, and liver. Mika cuts off the first piece from the neck, the most delicious meat is here, and gives it to Yaktya. The guest should eat the best meat. The reindeer calmly rest by the tent. The sun shines, the wind blows, the hills are clearly visible. The dogs also rest, only the doe who has lost her young calls it, and runs to the tent.

Mika. My doe, it was her first young., She pities it, she looks for it. Yes, in life that's how it has been decided by God, that a reindeer is food for a person. The tundra person lives from the reindeer: if there is no reindeer, there is no life. Last year, all the reindeer ran away from Vylka Myukul, now he lives with his family by the lake, and catches fish. It's very bad for them, perhaps his younger brother will come to these parts, and take them to live with them. Relatives also used to help those in trouble. This land is the nomadic land of our grandfathers, that is how things are. By the sea in summer, the reindeer feel fresh, along the green grass, but towards the end of summer we start to wander towards the winter pastures. During wandering, we will gather cloudberry, there won't be a lot of them, the wind did not blow the flowers. This is a joy for the children, and the reindeer also eat cloudberry and mushrooms.

Palye. Yes, we will also start to wander. In winter our tents will be far from each other. We won't see each other until next summer. Mika, we wanted to exchange fish for meat. Do you have fish?

Mika. Grandma is going to visit you, Khavrya will come for her, he will also bring fish. You also want to see your son. Your son is a wonderful person, he helps me very much. I love him like my own child, I feel sorry for him; he is used to us, we are not strangers to each other. Your son caught fish himself, let it be a gift to you.

Grandma Lukye. After raw meat, you should drink tea. The weather is good, we can drink outside. Yevanye, Tynye and I will cut it, we won't cover it, the dogs are tied up, Girls, help Mama, we will drink tea by the tent. We'll admire the beauty of our land, we can listen to the sound of the sea, the waves seem to be playing, they chase each other.

Yevanye. Ulye, bring everything to the table: sweets, milk, buns, butter, and biscuits. Yevlya, help me to place the cups. Ede, cut the bread for us.

Tynye. So many helpers, good kids. The girls help mama, the boys help father. Our Ede can catch reindeer, soon she'll tend them herself, and help father.

Grandma Lukye. In the spring, Eded and I in the bull herd guarded the reindeer, we caught quail, we caught it with a quail dummy, Ede found a lot of nests. She knows that a bird's nest cannot be left empty: it's a sin, the bird will cry. Today we wronged a doe, she cried bitterly. I will pray to God by the sacred sled, and ask him for forgiveness. God decided this Himself: reindeer, birds, and fish are food for people. Our Khavrya will feed us with goose meat; when the geese molt, they will go to hunt geese again with Uncle Yak's son. If we catch a lot and salt them, we'll keep them here until summer, and put them in barrels.

Mika. Yevanye, could you bring a bottle? Serious talk is over, we've done everything. Guests will gather in our tent. I want to sing the song of my uncle, it will be easy to sing. Children, go to the reindeer, swat the gadflies. Today the one who swats the most gadflies will visit grandmother. *(The children cheerfully take white reindeer hides and spades, they go carefully to the reindeer, which are resting by the corral.)*

Palye. So, now we can sing. I heard the word I was waiting for, and I want to pose riddles for you, which my grandfather posed; people used to like guessing riddles, it was hard to guess some of them for a long time. My grandfather was skillful master of the word. Yes, and people sang many song in the past, people in the pasture could listen to them for several days. I listened to myself, and I have my own. But it is not interesting for you, I won't sing it, I'd better make a new one, I should decide how we should live further.

Mika. All right, life goes on, you'll write many more songs. Forget this song, make a good song about the new life, I know that you will find the words. The days fly by, the years go away,

recently we married, and now it's time to marry off the children. We have become grown-up, wise people.

Grandma Lukye. Right, right! Palye, you can sing a good song at Khavrya's wedding, your life was easy, your children are obedient, they've learnt to work, they don't listen to adults' conversations. You bring up good kids, they'll find life easy. I know a lot, I've heard a lot, I've met different children in life, only the happiness of every mother is when the children are healthy. This is the great happiness of mothers!

SCENE NINE

Yevanye takes out a bottle from the vandako, and gives it to her husband. She puts food on the plates, and takes a pot with fresh meat out of the tent. She cuts up the omul, places omul roe in the bowl, and sits next to her husband.*

Mika. May our lives be wonderful! (*Raises a glass.*) Palye, I will give you a sled of grey reindeer as a present, tie them to the sled.

Palye. You've prepared a very generous gift for me! I raise my glass to you, Mika. Sing a song. I haven't heard it for a long time, I've already started to forget it.

Grandma Lukye. Mika, wait, sing the song another time. I know the song of your uncle, women don't like it. He liked to fool around, and the song was suitable for him.

Tynye. It's good to visit people. Guests visit, and go to the tent. I think about the children, it gets hot. Mama will talk with Salya. No one knows what she will say. She has other things to do.

Yevanye. True, a mother's heart always worries about children. They used to hold weddings in the autumn, when the reindeer aren't bothered by mosquitoes and gadflies anymore, then one could spend several days visiting.

* Vandako – cargo sleds.

Grandma Lukye. Palye, you can solve grandfather's riddles soon. I've already solved them many times before. I'm going with you for the sake of our endeavors. But I want to find out what to do if Salya doesn't want to marry?

Palye. I don't want to force her to be my wife. You promised her to me, but for the moment we need to marry off Khavrya. This year Tynye and I will go to marry to my relatives. She's a girl I know, I hope the relatives won't refuse us.

Grandma Lukye. Palye, it's better to tell Salya about the promise after Khavrya's wedding. How will she live in our tent after these words? (*Loudly.*) I don't understand this!

Palye. I wanted to hear your promise. You didn't forget it, it was a real promise. But don't tell Salya about this. We need to marry off Khavrya. Isn't that right, Tynye?

Tynye. Yes, of course, that's right. They'll go to marry her, we won't give agreement, let her live with us, she'll help us, and the kids like her.

Mika. Mother, you go and visit, you'll at least have a break, you haven't gone anywhere for a long time. At Khavrya's wedding we'll sing, we'll guess riddles.

Yevanye. Tynye, our husbands are real men, we lived next to good people – this is great happiness for women! Women in the tundra used to talk a lot about women's lot. But may God let us live like this in future!

Grandma Lukye. My son-in-law Palye, may your heart cease to ache. You'll marry when the time comes. Just don't hurry. Tynye is your wife. First marry off your son, and I'll talk to Salya after Khavrya's wedding. This is my word!

Palye. In these matters you shouldn't hurry. To this day we lived happily, and we will continue to live like this. Tynye wanted to visit us. And I didn't come here to curse, I don't want anything bad. Now I'm a reindeer herder, married, with children, only I don't have my own tent!

Tynye. My husband, women usually put up the tent. And you walk with your head raised high. Young people now don't care whose tent they live in – their husband's or wife's. You carry sadness in you all these years. But I'm happy that you're healthy, and may it always be so!

Yevanye. Tynye, I've known you for many years, I've heard many words from others. But only a woman who lives her husband, children, her tundra life will say this. You're a true mother, a woman of the tundra! To women's happiness!

SCENE TEN

The reindeer slowly start moving, and the young call their mothers. Children remain at the station. The men slowly go to the corral. The women go under the slope.

Mika (*to the children*). Well done! Who swatted the most of gadflies? Count, how many of them?

Yakta. Papa, I have more. That many.

Palye. All right, only you're a guest. Which girl swatted the most?

Ulye. Papa, look, I have 77 gadflies.

Yele. I have more than 100.

Yevdya. Ede and I swatted gadflies on the same skin. Ulye swatted more than us.

Mika. So Ulye is going to visit. You worked very well. And the reindeer rested. Now go and eat, there's delicious food on the table. And we bury the gadflies in the ground, the heads separately from the bodies, that's the way to do it.

Ulye. Grandma, I'll go and visit with you, that's what Papa decided. (*Loudly*.) I swatted the most gadflies!

Grandma Lukye. You're very lively! Eat, and then get dressed; I'll go to prepare the festive clothes and also get dressed up. The reindeer are already harnessed.

Yevanye. Yaktya, Tatyo, here are the treats, a cup for everyone, and here are sweets and buns. Give them to your sisters and brother who are waiting for you in the tent.

Palye. Goodbye! Come to see us! (*Adjusts her sled, looks at the harnessed reindeer and slowly sets off.*)

Tynye. Goodbye, goodbye, come to visit us! (*Her sled follows her husband.*)

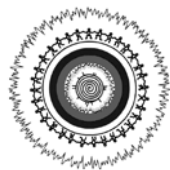
Grandma Lukye (*in a bright flowery tunic with an apron and in a red scarf*). Let Khavrya visit me, I'll wait for him. Goodbye! (*Gets in her sled and swiftly catches up with her daughter's sled.*)

Yevanye. Goodbye, come to visit us. May the road be easy!

Mika. Goodbye, Khavrya will come, wait!

Yevanye. So the guests have gone. Your mother is a respected, well-known person in the tundra. All the tundra people go to her for advice. She is kind, hearty, and always helps everyone. Perhaps Salya will not repeat her fate. Your mother can convince people, she will make sure that everyone lives well, I believe in this. And my friend left in a good mood, the panitsa sits on her very well. She's all dressed up, still quite young, yes, young!

Mika. My mother is a wonderful person, everyone in the tundra respects her, you speak the truth, Yevanye. And Palye left in a good mood. His heart will calm down, he didn't say anything about the marriage. They have children, they have sons to help them. This means a lot for a man. And our girls are good helpers in everything. (*To the children.*) Girls, cut the willow branches, go to the lake for water, feed the dogs. And you and I will go to salt the meat. It's getting hot, we should put it under the ground, so it keeps for longer. (*Everyone starts to work.*)

Ирина Потапова

ПИСТИҢ ЖОЗОҚ. ЖАРАШТЫҚ

Чаған айдың пайрамдары эртипады. Көлөдөн паштамазында пистиң клубта ойындар полотон. Анда көп кижлер жулатан. Қыстар чертек жазанатандар. Секиретендер, сарнайтандар, саақ танытырбайтандар.

Озоғы жозоқторды көргизеге, чертек жазанбалып, қарылар келетендер. Озоғы секирүди, көлөдөн тапқақтарын көргизетендер, кичү, жаш, улан палдарға алқыш перетендер.

Эмдиги јадуда пистиң жозоқтор жоғолјит. Озодо Көлөдө пайрамда јаш уулар-қыстар қолту алыжып, жараштық чығаратандар. Ончо айылдардаң уулар, қыстар үзере ойындарға жүрүжетендер. Анда учуражып, көрижип, таныжып, јарадыжатандар. Анаң пойдоң улдың көрип јаратқойфон қысқа, сөс айдатандар. Қачан қыс сөзин пербизе, уул јаны жараштыққа тергенетендер. Кемниң қызын алаға тергенјалар, киже сескирбейтендер, қысқа сайақ кирпарардеп қорқыйтандар.

Минди кижең уулы қыс қадрандарғайыт, жараштық чығарағайыт теп, эрмектежетен-дер. Кемниңле қызын қадрандабийерлер? Қыстардың тууғандары анаң ары пилбейтендер, жараштыққа тергенбейтендер.

Эрмектешқойгон күнде, кечкиде, уул жанаң қыс қадрандарға паратандар. Озодо малға, эмди машинаға қысты отырзыбалып, қолтуға акелетендер. Қыс жанаң тууғандары пир неме пилбейғалтан.

Қажы қыстар энезине-абазына айтқойып паратан. Паза қанзы – айтпайла қолтуға чығаберетен.

Уул жанаң акайза жараштыққа тергенетендер. Аш-қурзақ пыжыратандар, арақы азатандар; қалыңға, темге ақча пелендейтендер.

Жараштық күн эртен эрте, сыру сурап, қыс жана жуук тууғандарынаң эки кижиди ийетендер. Алар, қыстың абазына-энезине келип, айдатандар:

– Қызығарды қадрандабидик! Жаражаға келерик!

Анаң, қыстың тууғандарын жараштыққа қычырып, жүретендер.

Оло темде уул жанда. Қысқа эки чүрмеш, көмгөрө өрип, қойнына суғубитендер; жаңы күнек кидирбитендер, плат тартибитендер, жаңы қур қурчалатан. Жараштыққа келген тууғандар тем ақчалай қожотон.

Анаң тууғандар, јулбалып, жаражаға қыс жана паратандар. Столға салаға аш-қурзақ, арақы, қалың, уча төш апаратандар. Жаражыбиген кинен, столды тергебалып, қыстың тууғандарын сийлайтандар, анаң – уул жаның тууғандарын. Қудалар учыражыбиген кинен үй сайын айылдашатандар.

Тойды тойлойтондор: ай жаңыда, јасқыда – қырадан түшкелгенде, јайғыда, күскүде – иштең пожоғондо.

Унанди јозоқтор эмди јоғолјит.

Ирина Потапова

ОБРЯД ТЕЛЕУТОВ

На Рождество, 7 января, в нашем сельском доме культуры бывают вечёрки. На любимый праздник собираются сельчане, чтобы пообщаться, повеселиться. Молодые одеваются в костюмы ряженных да от души отплясывают. Ряженных не сразу можно распознать.

Особенно ценно то, что на этот праздник приходят люди старшего поколения. В ярких национальных одеждах, они несут огромный заряд бодрости, исполняя рождественские частушки на родном языке, проводя старинные обряды, благословляя молодежь. Не это ли важно – связь поколений как основа непрерывности истории и культуры.

В наше время часть телеутских обычаев и обрядов забыта. Совсем еще, кажется, недавно на Рождество молодые парни и девушки на вечёрках встречались, знакомились, влюблялись.

Следующим этапом было то, что парни крали понравившуюся им девушку. А как это было, об этом интересно узнать и сегодня. По обоюдному желанию жениха и невесты

готовились к мирению (јараштык). Но готовились только со стороны жениха. Заранее заботились об угощенье – калыме. Какую из девушек украдут, не говорили, держали в секрете, боялись, что девушку-невесту отговорят. Иногда девушки делились секретами со своими родителями, но зачастую родственники невесты оставались в неведении.

Затем жених с родственниками с вечера крали девушку, увозили к себе. Дома у жениха уже ждала многочисленная родня. Наутро наряжали невесту в национальное платье, расчесывали волосы и заплетали две косы. Двух сватов-мужчин отправляли к родителям невесты на переговоры. Родители невесты давали список близких родственников, которых нужно было позвать на мирение.

Родственники жениха приходили на мирение и дарили жениху и невесте деньги. Потом собирались и ехали к новым сватам. С собой брали калым. В этот день обязательно кололи барана, варили в казане мясо (уча тӱш) и везли угощать новых сватов. Невеста оставалась дома, а в мирении участвовали жених и его родственники.

Иногда родственники невесты были недовольны выбором дочери, не мирились, требовали большой калым. Но так бывало редко.

Как только помирятся, договорятся о калыме, в дом вносят угощенье, накрывают столы, усаживают родственников невесты, угощают их. А потом наоборот – угощают родственников жениха. Самого жениха встречают три близкие родственницы невесты: снимают с него шапку, глядят по голове, обнимают и принимают в зятя.

Вот так проходило мирение. Обычно для этого выбиралось время от Рождества до Масленицы. Во время Великого поста мирений не было, а если такое случалось, говорили: «Несладкая жизнь будет у молодых».

Свадьбы играли в начале лета после посевных работ, летом – до и после покоса, осенью – после уборки урожая. И обязательно на растущую луну.

Irina Potapova

THE RITUAL OF THE TELEUTS

On Christmas Day, 7th January, there are celebrations at our village house of culture. Villagers come to the celebration to meet and make merry. Young people dress up in disguises and dance for all they're worth. You can't always recognize the people in disguises.

It's especially valuable that people of the older generation come to this celebration. In bright national costumes, they bring an enormous charge of energy, performing Christmas ditties in their mother tongue, carrying out old rituals, blessing the young. This is so important – the link of generations as the basis of the continuity of history and culture.

Nowadays, some of the Teleut customs and rituals are forgotten. Quite recently at Christmas, young men and women met, got to know each other and fell in love.

The next stage was that men kidnapped the woman. It's interesting to find out about how this took place nowadays. By the mutual desire of the husband and bride, they prepared for reconciliation (*japshtyk*). But the preparation was only made by the husband. They organized the dowry beforehand. They didn't say which girls they would steal, they kept this

a secret, they were afraid that the bride would be talked out of it. Sometimes the girls shared secrets with their parents, but often the bride's relatives were left in the dark.

Then the husband and relatives stole the girl in the evening, and took her to their house. Many relatives waited for the husband at home. In the morning, the bride was dressed in a national dress, her hair was brushed and she had two plaits braided. The male match-makers went to the bride's parents for talks. The bride's parents gave a list of close relatives who should be invited to the reconciliation.

The husband's relatives came to the reconciliation and give the husband and bride money. Then they gathered together and went to new marriage organizers. They took the dowry with them. On this day, they slaughtered a sheep, stewed meat (*uza toshch*) in a pot, and took them to the new matchmakers. The bride stayed home, and the husband and his relatives took part in the reconciliation.

Sometimes the brides' relatives were unhappy with the daughter's choice, were not reconciled, and demanded a large dowry. But this happened rarely.

As soon as they reconciled themselves, and agreed on the dowry, gifts were brought into the house, the tables were laid, the bride's relatives were shown to the table, and given food. And then, the husband's relatives were treated. The husband himself was met by three close relatives of the bride: they took off his hat, stroked his head, hugged him and accepted him as a son-in-law.

This is how reconciliation took place. Usually the time from Christmas to Shrovetide was chosen for this. During Lent there were no reconciliations, but if there ever were, people said: "The newlyweds will have a tough life."

Weddings were held in early summer after sowing, in summer – before and after the hoeing, in autumn after the harvest. And always during a waxing moon.

Инна Ферко

НИМЦАКАН ХИСЭМЭЛИ ИЛЭЛИ-КИГИЛЯХТУЛИ

Билиргиду, гундячатын бидячан со багдама саман Кюсть-Кэмдэ. Бутунну иртыкит нэнэдячатын нуңандула оороду эвенкил. Долчитта нуңанма туранва, букледяриду бэлэтта, эрэста авахилва дэ эриттэ синкэн бултаду.

Нэнэча саманла аси эмавча куңаканмэ. Ичатча Кюсть-Кэмдэ омолоила тэдева уйдоран, нуңанин билиргир дялин эрни дуннэду-сонинду. Гунча: «Эмэнмукал нуңанма минду». Хэгдылча и бэркэ очан Бэркэкиит. Бэлэтчеча бээлду дэ бэюнду, тар неванин дэ сониң хэгды бичан. Одёдёми мутни дуннэва, анадяча хэгдыкурма дёлово бэюн хоктодук нэнэпдериду муляду, дэ бээлду манни кутуя боритчача.

Дагамаран тыргани хэгдылча омолои кэргэна гада. Мэргэдячан бутунни садяри Кюсть-Кэмдэ. Ганадечатын нуңанду атырканңат бега дэрэн гудей хунатвэ Гудяйкан горомомодук билэдук. Олан дэ давлалан бичан нуңанин атырканңат. Неванинду Бэркэкиитту нуңан билча.

Тарду бича аябдянна нуңандула эру саман хунтэду билэдук. Мукон анңани илтынча тар тырганиду галдыдями. Гудяйкан нэнэлдыдечатын маннилинду дялиндир уриkitла саманла Кюсть-Кэмдэ. Иливкачатын нуңарва урэли биракан,

тар авахи долчитчанна хунтува саманва кэивкэтчэмира, угириврэ мува бираканду.

Уча баргидала хунат хэхадянна манни давлавунма, тар кэивкэтчэрэн бира туран, эчан долдира тарива Бэркэки. Мэргэпчу атырканңат, кэ, гаран онёво, уллилча бээды тыептунва. Тарду бутунни нэриденэ чуктыл, тари гундери хэгды аявун бээду сонинду.

Эру саман бутуннува долчичатки, ичачадяки-дэ. Нэкэлча нуңанин тарит элгэдеда нуңанма хэргу бугала. Химат хактыралча, оча тар тыргани долборон иччи. Улэккитчэми сурувра Гудяйкан иччи. Тэгэлтэнэ бакара мукон апсава. Нэлэвкарэ дяллик гудяй хунаткана тыкунва со саманва Кюсть-Кэмдэ, кэ эчатын этэетчэра атырканңат тар мучура мандулави дяпкалави.

Со горо алатчачан сонин Бэркэки, гиркудячан урэла дэ ичэтчача часки! Ичэтчэча нуңалдула саман Кюсть-Кэмдэ тар эча аявдерива экуна-да нэкэрэ. Няи эмэрэн Бэркэки, бакалдыдави маннива Гудяйкан, гиркуран никунду урэла. Ичэтчэрэн кэрэ дэгдерэн нуңандула, улгучанва эмэвдерэн. Салми нуңанин, тар атырканңат бидеран хэргу бугаду. Соңовчоно сонин оран, тар аявуври энэин эки тына. Алатчача долбова, тар ичэлдыдемида гудяй хунатва.

Эрдэлтэнэ гарпалин дылача нэридевча дёлоди илганма, тар бича Бэркэки. Эрдат нуңанин илитчаран урэду, тар Зарод дэ Кигилях-дёлонни бэе, дэ химат биракан Апсат.

Инна Ферко

ЛЕГЕНДА О КАМЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ – КИГИЛЯХЕ

В старину, говорят, жил сильный белый шаман Кюсть-Кэмдэ. Со всех сторон приезжали к нему на оленях эвенки спросить совета, излечиться от болезни, изгнать злых духов и призвать удачу в охоте.

Пришла к шаману женщина с ребенком. Взглянул Кюсть-Кэмдэ на мальчика и сразу понял, что он из старинного рода этой земли богатырей. Сказал: «Оставь его у меня». Вырос и возмужал Бэркэкиит. Помогал людям и зверям, так как обладал добрым сердцем и силой богатырской. Оберегал родовые земли свои, убирал огромные камни со звериных троп, ведущих к водопою, а с людьми удачу свою делил.

Пришло время ему жениться. Печален стал всезнающий Кюсть-Кэмдэ. Сосватали ему в невесты луноликую красавицу Гудяйкан из дальних мест. Рукодельница и певунья была его невеста. По сердцу пришлась она Бэркэкиту.

Но был влюблен в красавицу Гудяйкан злой шаман из чужих мест. Ровно год прошел со времени сватовства, выехала Гудяйкан со своими родственниками в стойбище шамана Кюсть-Кэмдэ. Остановила их горная речка, то

авахи – злые духи – по велению чужого шамана вмешались, подняли воду в реке.

Вышла к берегу девушка с песней своей, да помешал шум реки, не донес слов до Бэркэки́та. Взгрустнула невеста и взялась за рукоделие, расшивать мужской пояс бисером – все узоры яркими цветами. О большой любви к богатырю это говорило.

Злой шаман все слышит и видит. Решил он тогда увести ее в нижний мир. Вскоре темнеть стало, наступило время ночных духов – иччи. Обманом увели Гудяйкан иччи. Утром нашли только сумочку для рукоделия – апса. Испугалась родня красавицы гнева сильного шамана Кюсть-Кэмдэ, что не уберегли невесту, и вернулась в свои края.

Долго ждал богатырь Бэркэки́т, поднимался на горы и смотрел вдаль. Глядел на него шаман Кюсть-Кэмдэ и не мог излечить от любви. Снова пошел Бэркэки́т встречать свою Гудяйкан, поднялся на небольшую гору. Смотрит – ворон летит к нему, весть несет. Узнал он, что его невеста находится в нижнем мире. Слезы полились у богатыря, а тоска по любимой не отпускает. Стал ждать ночи, чтобы свидеться с красавицей.

А утром лучи солнца осветили каменную фигуру: то был Бэркэки́т. И сейчас он стоит на горе, то гора Зарод с Кигиляхом – каменным человеком – а рядом быстрая речка Апсат.

Inna Ferko

THE LEGEND OF THE STONE MAN – KIGILKYAH

In the old times, they say, there was a strong white shaman called Kyust-Kemde. The Evenks came to him from all around on their reindeer to ask for advice, treat their illnesses, drive out evil spirits and call for success in the hunt.

A woman and her child came to the shaman. Kyust-Kemde looked at the boy and realized that he was from the old clan of heroes of this land. He said: “Leave him with me.” Berkekit grew up and came of age. He helped people and animals, as he had a kind heart and heroic strength. He protected his families’ lands, he removed enormous rocks from animal paths that led to water, and shared his success with people.

The time came for him to get married. The all-knowing Kyust-Kemde became sad. He matched him with a moon-faced beauty Gudyaikan from remote lands. His bride was a craftswoman and singer. Berkekit took a fondness for her.

But an evil shaman from foreign lands was in love with the beauty Gadyaikan. A year had passed since the match-making, Gadyaikan and her relatives came to the camp of the shaman Kyust-Kemde. They were stopped by a mountain river, for avakhi – evil spirits – were ordered by the evil shaman to intervene, and raised the water in the river.

The girl came to the shore with her song, but the noise of the river hindered her, her words did not reach Berkekit. The bride became sad and began to sew, she sewed pearls on to a man's belt – all the patterns with bright flowers. This showed her great love for the hero.

The evil shaman heard and saw everything. He decided to take her to the underworld. It soon began to get dark, and the time of night spirits began – *ichchi*. The *ichchi* took Gadyaikan away by deceit. In the morning only the bag for embroidery was left – *apsa*. The beauty's relatives were scared at the anger of the strong shaman Kyust-Kemde, that they had not protected the bride, and they returned to their home.

The hero Berkekit waited for a long time, he climbed the mountains and looked into the distance. The shaman Kyust-Kemde looked at him and could not heal him from love. Berkekit came to meet her Gadyaikan again, and climbed a small hill. He looked, and a raven flew towards him, bearing news. He learned that his bride was in the underworld. He began to cry, and his longing for his beloved did not leave him. He began to wait for the night, to see the beauty.

And in the morning the sun's rays fell on a stone figure: it was Berkekit. And now he stands on the mountain, the mountain of Zarod with Kigilyakh – the stone man – and the swift Apsat river flowing next to it.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ВОШЕДШИЕ В ШОРТ-ЛИСТ
В НОМИНАЦИИ

«ПОЭЗИЯ
НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
С ПЕРЕВОДОМ НА РУССКИЙ
И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ»

ПОЭЗИЯ

WORKS
ON THE SHORT LIST
OF THE CATEGORY
“POETRY
IN THE LANGUAGES
OF INDIGENOUS MINORITIES
OF THE NORTH,
SIBERIA, AND THE FAR EAST
OF THE RUSSIAN FEDERATION
WITH TRANSLATION
INTO RUSSIAN AND ENGLISH”

POETRY

Дмитрий Вайзгун

К'УТЫ

Ни муғир к'урых мғедь хадь,
Кеспиғир ывньюх эрдь лағодь.
Ыхтилығи ыр мхекғир ңаттадь,
Ни ңызитла тифтох видь ңаладь.

Хер чылы т'увайдатар пандыдь,
Кеспи ывньюх полңан, п'рыркадь.
Нуғи ырңан морқодь чылы хумдь ныдь,
Нерх ңаладь т'ый нуғидь қалғаладь.

Тиғу лердьғу, т'ыңғрай ңаладь,
Хиньнула чылы т'уйвадь,
Патагур курң к'икр, лаңрадь.
Ни эриҕе п'лыркуть, нин варқть.

Ла пилдь, и к'утығу малғодь.
Сык п'мырох п'хыдох п'рыдь,
Тоңгур п'рыркла кеспи ңаладь
Ывньюх полдьңан, толғир вылктъ.

Дмитрий Вайзгун

ПРОТОКА

Я на лодке гребся по протоке,
С весел капли вздрагивали гладь.
И, казалось, шел я по дороге,
Где конца и края не видать.

А под берегами вьется манна
И искрятся капли от весла.
Жизни даль была еще туманна,
Как заря, маняща и светла.

Первые лучи играют лирой,
А туман клубится налегке.
И такая тишина над миром,
Только я и лодка на реке.

Весь Амур растекся по протокам,
У него их столько – нет числа.
Все приходит ко своим истокам
Так, как капля падает с весла.

Dmitry Vaizgun

THE STREAM

In a boat I rowed up the stream,
The oars dripped, and the water shuddered.
And it seemed I was travelling on a path,
Where there was no end in sight.

And under the banks the manna flows,
And drops from the oar flash.
The distance of life was still misty,
Like the dawn, alluring and bright.

The first rays play like a lyre,
And the fog billows lightly.
Such stillness over the world,
Just the boat and I on the river.

The whole Amur flows into streams,
So many of them – without number.
Everything comes to its source,
Like the water that drips from the oar.

МА

Ты толф алску малгогур пандь
Ыҕр т'ыйух алс жорла пудь,
Нивхгу т'ыйалс җат видьгу
Ни мамыки оҕла хумдь.

Умгугу мулкуин алску сарудь,
Лахку вуквукудь фурдьгу,
Лый пыйғир қурьючари,
Куйңыгу лағир зор хумдьгу.

Җоғаңан ытик палуйн лерлердь,
Җазақрңан, иф т'а п'имдь.
Сык табардох эғур қамадь,
Ытикух мамыки мокс ма йивдь.

Ыҕр п'рыдь, пила ла патадь.
Ни лафиңгуге ытик ңыңдь.
Ни нивхгуге ньламило ңиф ңыңдь
Ни ытик қой выйух ньрыдь.

Ни п'рыңан, ытик п'и тымк к'имдь:
«Ньолаоҕла, инья, – иф итть, –
Меғамен пал уйн лерлердьгу».
Иф чылм т'хых мокс ма хумдь.

ЮКОЛА*

Было это в детстве босоногом,
Голубицу люди собирали.
В том году ее родилось много.
Ягоды кусты к земле сгибали.

Марь была огромная такая:
Мхи, орешник и кривые ели.
Ей, казалось, ни конца ни края.
Кое-где платки еще виднелись.

Рясная родилась голубица!
Сизая, пока не прикоснешься.
И в лучах роса на ней искрится.
В коробушку горсть, и облизнешься.

Но внезапно буря налетела,
Люди в страхе в табор побежали.
Бабушка укрыться не успела,
Вот тогда ее мы потеряли.

Как все стихло, бросились на поиск.
На мари, среди высоких кочек,
Может, где сидит, платком накрышь.
А еды – лишь юколы кусочек.

День за днем проходит две недели,
Вся деревня по мари искала!
Я увидел сквозь густые ели:
Бабушка под ветками дремала.

И она, когда глаза открылись,
Руку мне подав, кулак разжала:
– Внучек мой, поешь, мы заблудились, –
На ладони юкола лежала.

* Юкола – вяленая несоленая рыба.

YUKOLA*

This was in my barefoot childhood,
We were gathering blueberries.
There were many of them that year.
The berries bent the bushes to the ground.

The pigweed was enormous:
Moss, hazel, and crooked firs.
It seemed to go on endlessly.
Somewhere we could see headscarves.

Blueberries everywhere!
Black until you touched it.
The dew on it shone in the sunlight.
You lick your fingers as you pick them.

But suddenly a storm came,
People ran to the camp in fear.
Grandma could not find shelter.
And that is when we lost her.

When it all died down, we searched for her.
In the pigweed, among tall clumps
Perhaps she was covering somewhere
With only a piece of yukola to eat.

Day after day, two weeks went by,
We all searched for her in the pigweed!
I caught a glimpse through the thick fir trees:
Grandma was sleeping under branches.

And when she opened her eyes,
She gave me her hand, and squeezed my fist:
“Grandson, eat up, we’ve got lost.”
The yukola lay in her hand.

* Yukola – dried unsalted fish.

Михаил Кривошапкин (Киргэмбис)

ЭВЭДЫ ТӨРЭН

Эвэн төрэнни эскэбникэн,
Нямалкан хякитамдас,
Илникан, төр ойлин дэгэндэн,
Үэрике холканикан.

Ануани няма-да елтэндэн,
Үөнмир эвэдыч төрэдэн,
Эрэгэр хякитамдас кинкибдан,
Төр ойлин төрэму долчибдан.

Михаил Кривошапкин (Киргэмбис)

ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

Сохранись, мой эвенский язык,
Как столетний дуб-великан,
Воспари, лети ты над нашей землей
И свети, язык мой, свети.

Пусть пройдут хоть тысячи лет,
По-эвенски говори, мой народ,
И крепи ты, как наши деревья-друзья,
И над землею звучи, мой певучий язык.

Mikhail Krivoshapkin (Kirgembis)

THE EVEN LANGUAGE

Endure, my Even language
Like a century-old great oak,
Soar, fly over our land
And shine, my language, shine.

May thousands of years go by,
Speak in Even, my people,
And grow strong like our friends the trees,
And sound out through the land, my singing language.

ЭВЭН БИХЭМ

Би дюлай өмэккэн эмэбникэн,
Мявму тибэнивэн долдарам,
Мэргэму аикеч хуйникэн,
Аяври көчүкэн буги дёнам.

Хуланичан гудейкэн окатчами,
Төңэрэндэй – эгден такан этикэм,
Дёнам! Көчүкэн анңанилби,
Эньми хатлан он эвидчэй.

Гөунэн энью минтэки,
Эвэн хутэн хи бихэнни,
Эвэдыч төрэдэй мандули,
Тарав эрэгэр дёңчили.

Дянилби хи эди омңаврар,
Хотарандулий гиркали,
Төрэми эникэн дэ омңар,
Эвэдыч төрэдэй хокатли!

Я – ЭВЕН

Оставшись в своем доме один
И услышав стук сердца вдруг,
Мысли мои вскипели ввысь,
И вспомнил я родину любимую свою.

Милую речку Хуланичан
И озеро – мудрого старика своего
Вспомнил! Детские годы свои,
Как играл рядом с мамой своей.

Говорила в детстве мать:
«Ты потомок древних эвенов,
На языке предков своих говори
И всегда об этом лишь помни.

Родных своих не забывай,
По дороге жизни гордо шагай,
Крепись, чтобы язык не утерять,
Гордись, что на родном языке говоришь».

I AM AN EVEN

Left in my house alone
And hearing the beat of my heart,
My thoughts raced upwards,
And I remembered my dear homeland.

The dear river Khulanichan
And the lake – my wise old man,
I remembered them! My childhood years,
How I played with my mother.

My mother said when I was young:
“You are the descendant of ancient Evens,
Speak in the tongue of your ancestors
And always remember this.

Don't forget your kin,
Stride boldly on the road of life,
Grow strong, do not lose your language,
Be proud that you speak your mother tongue.”

ИҮЭНЬГИДЭ ОСИКАТ ХЭРДЭЛИН

Иңэньгидэ осикат хэрдэлин,
Нөлтэн гарпаңдин эвирэп,
Нян хэкунюн – гякиндин,
Тэгэттэп, төрэмур мэнур дысуттэп.

Мут амардадут, хопкилти гулунтан
Нямалкан орарти, ниргэлни огалтан
Ханилти икэлни, унтуннат игэлтэн,
Мут дюлэп томалбу тиндэвур бивэттэп.

Көсчимңэл бугатан, иңэньгидэт төрэңэт,
Үөнмирэл бэкэтбэн, хи айди гадинни
Эдэн нюн хиврэ, хи нөстэ тогаңас
Нян би төрэму, дюткий мучули.

ПОД НАШЕЙ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Под нашей Полярной звездой,
Лучами холодного солнца играя
И северного сияния мечтой,
Живем, культуру, язык сохраняя.

За нами костры наших предков горят,
И слышен гул тысячных стад,
И пение души, и бубны шумят,
Мы те люди, что проводят свой древний обряд.

Страна ты кочевий, мой Север родной,
Все народы пленишь ты своей красотой,
Пускай не угаснет твой юный задор,
И ты, мой язык, возвращайся домой.

UNDER OUR POLAR STAR

Under our Polar star
with the rays of the cold sun
and the dream of the northern lights
We live, preserving our culture and language.

Behind us the fire of our ancestors burn,
and we hear the drone of thousands of herds,
The song of the soul, and the bells ring,
We are the people who conduct our ancient rite.

You nomadic land, my native North,
You capture people with your beauty,
May your youthful zest never fade,
And you, my language, come back home.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО
КОНКУРСА

WORKS
OF THE LITERARY
COMPETITION

Эжана Атласова

УЛГУР БАГДАМА ОРОНДУЛИ

Тар окир уролду уриkit эвэды дюкчалду бидэчэтын. Бээл бээюктэдеңкитын, асал идеңкитын ирэксэлвэ, уллиңкитын тэтыгэлвэ, унталва. Нэкун куңакар хивина ачин эвидеңкитын, акир амтылдувар бэлэдэңкитын.

Туги тыргани, надан инэңил, анңанил нэнэрэ. Долболтоно умун бээюмимни куңатканин бумуллэн. Энинын куңавэ аитчиллан чукалди, тарил чукал эчэл бэлэрэ. Асаткан сот бумуллэн. Амтылин саманмэ дагадук уриkitтук эрирэ.

Долбонива саман яарун, хунатканин эрукэкун одан: «Тари сунтакакун иллэдун хурчэ бутылэ», – гунэн саман.

Амтыл эрупчэл мэдэвкэр хутэвэр этырэндукли. Чэлкэ нюриктэчил дялдара сукуэвэр эчэ. «Саман осин бэлэрэ, туги бинин, ачин одян куңакан», – надытчамил нуңартын. Сагдама гунэн: «Бисин элэптыкин инчивун. Сурукэллу дюктэ Багдаматки Оронтыки, нуңан бэлэдэн, аят одян асатканду».

– Сакэллу ичэдэвур оронмо няңня ачин мэван бимивкэ. Идук нуңанман бакадярав, – ханнуктара аминдэ эниндэ.

– Суни-дэ меваррун улгурдэн, – гунэн этырикэн.

Тыкулрэн амин, илэ сурудэв, хутэт ачин одян. Энин мэргэллэн, эсалдук инямуктал чургилла. Этырикэн дагамаран энинтыки гунэн: «Тылкэл, аси, тар сунни элэ гиран. Мэргэкэкун-дэ тынун-дэ этэрэ бэлэрэ хоктово Оронтыки бакада-сун». Амтыл хоктовор нэнэрэ кэтэлвэ ороово ичэрэ. Иду-дэ ачин Багдама Орон. Эмэрэ эмэнмучэду дюкчала асиндавэр.

Долбо нуңартын долдыра качулин кокчарва. Сигисина дюдукта багданава ичэрэ. Амин аят ичэтрэн тар чэлкэ орон онкоктодёрон. Энин урунэн, лунгусинэн. Нуңартын юрэ дюдук, дагамалла, орон хуктыллэн. Орон гороло нуңардуктын хуктыллэн, эчэл боконо. Ункилдыллэ амин-да энин-да, дуннэду бурурэ. Умнэт дылганма идукмэ долдыра: «Тэсик-эллу мэванмэр таду со кэтэ эру». Амин эчэ тэдэрэ: «Би эчэв эрувэ кэтэвэ бувки».

– Си мэңу бэюмэминкис.

Амин дёнан, он гиркилнунми бэюдёнэ. Кэтэ ванкин никилвэ, нюңнакилва. Он нуңартын урунинкитын. Ванэтын калтакан-да нуңардудын элэкин бимчэ. Дёнан нуңан тара омидун одан, мевандун ургэкэкун. Энин нян эчэ тэдерэ дылганду: «Би ая атэ бичэв дювчамну, асин энин. Экун-ка си минэ сэлэмиденни?» Дылган гунэн: «Аси дюмачи си ая, бэениви хуңтулду асалду тыкундянис, сабенадями. Декал, окин си дюлчак ичэчэс, аси омакта урбаскэ, он муроли омонгил бээл хавалдерэ». Энин денан-да һактыраллан эсалдун.

– Такэн бигэн, – аракун халдянакан нуңан гунэн.

Горово хуклэрэ дуннэду, амаскива инмэ дёна. Эчэ ая дена нуңартын бисин, окир тар бичэн. Тыллэ таргачин бичэн, идан экун тынивэ оран. Амин тыллэн, эва нуңандун эвки саврэ дылган гунэн. Горово дюктэ хуклэрэ дуннэду, амаскива инмэ дена, эчэ ая бисин, окир тар бичэн.

Тыличэн таргачин бигэн, идан экун ора тынивэ оран.

Амин тыллэн, эва нуңандун эвки саврэ дылган гунэн: «Экэл гада хогдыё, си эмэкул. Упкал урэтыл эңэсил

бидэдэтын». Нуңан эвэдывэ законма дюрун. Природа онно-рон прощениева. Энин халдяран, анчалин ода хуларгара. Нуңан тыллэн: «Тари сабенкада оргалин-да хуңтуду эру одян». Нунартын тыллэ, чэлкэ орон ичэвуллэн. Нуңан гудэй-кэн-да бичэ, аякакундилви эсалдиви ичэтчэрэн, инамук-салтын амтылдул чургилла. Тарил инямуктал няңняя ачир кутучидэ бичэл.

– Бэлэкэл, Чэлкэ Орон, митниду хутэкэндувун, эявар синду одярав, – нунартын гундэрэли.

Чэлкэ Орон ичэсинэн бэевэ-дэ, асива-дэ гунэн: «Хима-чилга!» Нунартын урикиттыки туксара химамаэт, идук эңэ-силтын ода. Тари эңэсиви Чэлкэ Орон бурэн. Исса урикитва. Асаткан дюду хуклэдечэн, эру очан. Эмэрэ антылин, Чэлкэ Орон. Асатканмэ дюдук юврэ, сэктэвунду ирэксэдун нэрэ.

Чэлкэ Орон бумудери куңакантыки дагамаран амтак-дяранда гунэн:

– Сунни хутэсун абгарадян, амтылтаргачит долгаткаллу, омилрун аял биктын. Няны куңакан дэрэвэн амтатран. Орондук нэринмэ гарпава эрувэ юврэ эсалви нирэн. Упкат сот урунэ, кутучил ора.

Нунартын Чэлкэвэ Оронмо кэнерэ, эсилэ аят индечэвун, законилва эден, эвун сукчара, тарит меварвун ая одяңатын. Чэлкэ Орон игдыт хэкимносинэн, дылитпи динганаснан, ачин оран.

Эжана Атласова

ЛЕГЕНДА О БЕЛОМ ОЛЕНЕ

(По мотивам поверий оленекских эвенков)

Давным-давно за далекими горами, на бескрайних просторах тундры стояло стойбище эвенков. Жили они в чумах. Мужчины охотились, женщины выделывали шкуры, шили одежду и обувь. Младшие дети беззаботно играли, старшие помогали родителям. Так проходили дни, месяцы и годы. Эвенки жили, и им казалось, что все хорошо.

Однажды вечером младшая дочка одного охотника тяжело заболела. Мать лечила дочку травами, но они не помогали. Девочке с каждым днем становилось все хуже.

Родители пригласили шамана из соседнего стойбища. Всю ночь камлал шаман, но девочке стало совсем плохо. «Видимо, глубоко засел в ее тело злой дух», – мрачно сказал шаман.

Родители, встревоженные состоянием девочки, обратились к старейшинам. Седовласые старики долго думали, что ответить бедным родителям. «Шаман не помог, видимо, судьба умереть ребенку», – подумали они. Но самый старый из них сказал: «Есть последнее средство: идите оба к Белому

Оленю. Только он сможет спасти девочку. Единственное условие – чтобы его увидеть, надо обладать чистым сердцем...»

– Где его искать? – спрашивают отец и мать.

– Только ваше сердце может подсказать, – ответил старик.

Рассердился отец: «Как пойти туда не знаю куда, ведь дочь может умереть!» Мать в отчаянии, слезы так и потекли. Старик подошел к матери и сказал: «Пойми, женщина, это ваш последний шанс. Отчаяние и гнев не помогут найти дорогу к Белому Оленю».

Родители собрались в путь. Долго они шли, видели много стад оленей, но нигде не было Белого Оленя. Пришли они к заброшенному чуму. Уставшие и голодные легли спать.

Ночью они услышали топот копыт. Выглянули из чума и увидели, как будто вдалеке показалось что-то белое. Отец присмотрелся, а это Белый Олень пасется. Мать вскрикнула от радости. Вышли они из чума и стали приближаться к оленю, а олень уходит все дальше и дальше от них. Так они и не догнали его.

Взмолились отец и мать, упали на землю. Вдруг слышат голос откуда-то: «Очистите свое сердце, в нем слишком много зла!» Отец не поверил: «Я ничего плохого не делал!» А голос ему в ответ: «А кто убивал зверя без меры? Ведь природа дает охотнику зверя столько, сколько ему нужно. А ты зря убивал...» И вспомнил отец, как ходил с друзьями на охоту, убивал огромное количество уток, гусей. Как они радовались удаче. Хотя и половина добычи могла прокормить их семьи. Вспомнил он это, и стало так тяжело на сердце, что невозможно было вздохнуть.

Мать тоже не поверила голосу: «Я всегда была хорошей хозяйкой, женой и матерью. В чем ты меня можешь обвинить?!» Голос ответил: «Хозяйка, может, ты и хорошая, да больно ревнивая и завистливая. Вспомни, что ты думала, когда увидела соседку в новой красивой одежде, когда вокруг

нее вились молодые люди?» Мать вспомнила и потемнела лицом. «Да, было...» – тихо со стыдом сказала она.

Долго оба лежали на земле, вспоминая прожитые годы. Неприятно им было это вспоминать, хотя и давно это было, а ощущение такое, будто случилось вчера. Отец понял, что хотел сказать ему таинственный голос: не бери больше, чем можешь отдать. Во всем должно быть равновесие. Он нарушил главный эвенкийский закон, и природа обеднела зверем. Мать с пунцовым от стыда лицом поняла: не ревнуй, не завидуй, иначе тебе обернется во сто крат. Ведь зависть и ревность – пожелание зла другому человеку.

Как только они поняли, что жили не так, перед ними вновь появился Белый Олень. Он был так прекрасен! И смотрел так по-доброму, что у родителей невольно полились слезы. Это были слезы очищения и счастья!

– Помоги, Белый Олень, нашей дочери, все что угодно для тебя сделаем, – умоляли родители. Белый Олень взглянул на мужчину и женщину и сказал: «Надо спешить!»

Помчались они к стойбищу, и сил у них было как у десятирких. Девочка лежала в чуме, она была без сознания. Родственники были печальны, думали, скоро умрет. Но вот появились родители и Белый Олень. Девочку осторожно вынесли из чума и положили на мягкую шкуру. Белый Олень подошел к больному ребенку и сказал родителям: «Ваш ребенок будет жить при условии, что ваши сердца будут чисты». Мягко дотронулся он своим носом до лица ребенка. Все увидели белый лучистый свет, исходящий от оленя. Свет проник в маленькое тельце девочки, словно изгоняя что-то темное. Девочка тяжело вздохнула и открыла глазки. Как все обрадовались! Родители были безмерно счастливы! Они благодарили Белого Оленя и клятвенно обещали, что теперь будут жить, не нарушая законы природы, и беречь свои сердца от любого зла.

Белый Олень улыбнулся им, кивнул головой на прощание и исчез.

Ezhana Atlasova

THE LEGEND OF THE WHITE REINDEER

(Based on legends of the Olenek Evenks)

A long time ago beyond distance mountains, in the boundless expanses of the tundra stood an Evenk camp. They lived in tents. The men hunted, the women made hides, sewed clothes and shoes. The young children played happily, the elder children helped their parents. In this way, days, months, and years passed. The Evenks lived happily, and they thought everything was fine.

One evening, the small daughter of one hunter fell seriously ill. The mother treated her daughter with herbs, but they did not help. The girl became worse and worse every day.

The parents called a shaman from a neighboring camp.

The shaman performed rituals all night, but the girl took a turn for the worse. “An evil spirit must have deeply settled in her body,” the shaman said gloomily.

The parents, alarmed by the girl’s state of health, appealed to the elders. The gray-haired elders thought for a long time about what to say to the poor parents. “The shaman didn’t

help, so it must be the child's fate to die," they thought. But the oldest of them said: "There is a last resort: you must both go to the White Reindeer. Only he can save the girl. The only condition is that to see him, you must have a pure heart..."

"Where do we look for him?" father and mother asked.

"Only your heart can tell you," the elder said.

The father said angrily: "How can we go somewhere without knowing where we're going, our daughter may die!" The mother was in despair, and her tears began to flow. The elder approached the mother and said: "You understand, woman, this is your last chance. Despair and anger will not help you to find the road to the White Reindeer."

The parents set off. They walked for a long time, they saw many herds of reindeer, but the White Reindeer was nowhere to be seen. They reached an abandoned tent. Tired and hungry, they went to bed.

At night they heard the sound of hooves. They looked out of the tent and saw something white in the distance. The father looked closer, and saw that the White Reindeer was grazing. The mother shrieked with joy. They went out of the tent and began to approach the reindeer, but the reindeer went further and further away from them. They could not catch up with it.

The father and mother begged, falling to the ground. Suddenly they heard a voice: "Purify your heart, it has too much evil in it!" The father could not believe his ears: "I have done nothing bad!" But the voice replied: "But who killed beasts without measure? Nature gives a hunter as many beasts as he needs. But you killed for no reason..." And the father remembered that he had gone hunting with friends, and killed a huge amount of ducks and geese. How they were happy with their good fortune. Although half of the catch would have been enough to feed their families. He remembered this, and his heart began to feel so heavy that he could not breathe.

The mother did not believe the voice either: “I have always been a good housewife, wife and mother. What can you accuse me of?!” The voice replied: “Perhaps you are a good housewife, but you are terrible jealous and envious. Remember what you thought when you saw your neighbor in a new beautiful dress, when young men swarmed around her?” The mother remembered and her face darkened. “Yes, that did happen...” she said quietly, in shame.

They both lay on the ground, remembering the past years. It was unpleasant for them to remember, although it had been a long time ago, but seemed like yesterday. The father understood what the mysterious voice wanted to tell him: don’t take more than you can give away. There should be balance in everything. He broke the main Evenki law, and nature was deprived of beasts. The mother, her face red with shame, realized: don’t be jealous, don’t be envious, otherwise you will receive a retribution that is 100 times worse. For envy and jealousy are wishing evil to another person.

As soon as they realized that they had been living in the wrong way, the White Reindeer appeared before them again. He was so magnificent! And he looked at them so kindly, that they began to cry. They were tears of purification and happiness!

“Help our daughter, White Reindeer, we’ll do anything for you,” the parents begged. The White Reindeer looked at the man and woman and said: “You must hurry!”

They rushed back to the camp, with the strength of ten people. The girl lay in the tent, unconscious. Her relatives were sad, they thought she would die soon. But her parents and the White Reindeer appeared. They took the girl out of the tent carefully and placed her on a soft skin. The White Reindeer approached the sick child and said to the parents: “Your child will live on condition that your hearts are pure.” He touched

the child's face gently with his nose. Everyone saw the white radiant light that came from the reindeer. The light entered the small body of the girl, as if driving out something dark. The girl sighed deeply and opened her eyes. How happy they were! The parents were happy beyond measure! They thanked the White Reindeer and promised on oath that they would live without breaking the laws of nature, and protect their hearts from any evil.

The White Reindeer smiled at them, nodded its head in farewell and vanished.

Наталья Бельды

ЭМ ЭРДЭНГЭ

Эм модан дѐа эриндуэни буэ дѐгду тэсихэпу, ми-тэни павачи ичедехэмби. Тотара ми тэдючими эрдэнгэ гасава ичэхэмби, тэй гаса усимбэ пулсихэни, нядяхаду хамачава-ну гэлэмэчихэни. Сиксэ тэй гаса дэгдэгүхэни.

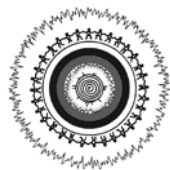
Дияя иниду, чими эрдэ, ми тэй гасава гучи модан ичэхэмби. Ми дѐгдиадии ниэгүйдүи, хаминалаи сиасимба досодяра, дэгдэгүхэни. Ми тэй ниэчэмбэ эрдэнгэсихэмби: хамача гасани, ми усиндуи хайва тэйни? Чими таондоани саваси гасакан буэ усиндупувэ пулсихэни, иниэ эриндуэни ми чава эчиэ ичедехэмби, сиксэ эриндуэни нѐани хайс агбиңгохани.

Август биа тэпчиурихэни, буэ дудуэсэвэ хэм хулэхэпу, тотара усинчи барони ихамба Майкава чиндахапу. Тэй ихан маңга улэн бāхани: нѐамбани усин барони чиндāхачи, нѐани тэй усинчи хэм дѐава айи ичэдэхэни. Гучи модан усинчи дэгдэдерэ, эрдэнгэ ниэчэн ихамба ичэдерэ, тэй иханчи дарама оялани дарāко дōрихани. Ихаңкан маңга эрдэнгэвэ бāхани, тотара дилии кэчэрэгүхэни: эй хай дарāко дарама оялани дōрихани? Тэй дарāко нүчикукэн чагдян эдэ

вāчакан бихэни. Буэ эдэ вāчакасал кури, амба даёкан бичи, муэ дякпадоани балдичи. Тэй нучикукэн эдэ вāчакан буңги усинду балдини.

Эдэ вāчакан горола дэгдэгүхэни, тотапиа хайс Майка дарама оялани дōрихани. Ихан хайс тэй дарāкова пуңнэгүхэни. Тэй историява хадое инивэ бихэни. Тотара ихан тэй нимэкэмбэ тачиохани, тэй эдэ вāчакачи тэдюэчихэни. Майка нāчи тэимбуйни, эдэ вачака нёани дарама оячиани нэ дōрини, тотара хэйкучийни. Ихан гучи эдэ вāчака андалачи-хачи, мэин эринчи гэсэ балдихачи. Бологохани. Гасасал, эдэ вāчакасал дāдидиа калтāчи дэгдэгүхэчи, буңги нучикукэн чагдян вāчака абанагохани. Майка нёамбани хуэдэхэни, маңга эрдэңгэхэни, уй-ну, хайва-ну гэлэмэчигүхэни. Тотара ми иханчи уңкимби: «Сиңги нимэкэн дāдидиа калтāчи дэгдэгүхэни». Буэ-тэни тэй нучикукэн чагдян вāчакава эчиэ ичэдекэпу...

Наталья Бельды

СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ

Однажды летом мы все сидели дома, и я случайно посмотрела в окно. Мое внимание привлекла необычная птица, она ходила по огороду и что-то искала в траве. Вечером эта птица улетела.

На следующий день, рано утром, я снова увидела ту же птицу. Я решила выйти из дому и рассмотреть ее получше, но, услышав шум, она улетела. Мне стало интересно: что это за птица и что она делает в нашем огороде? Каждое утро непрошенная гостя бродила по нашему огороду, днем ее не было видно, а вечером она снова появлялась.

Наступил август, мы выкопали весь картофель и запустили в огород нашу корову Майку. Та с удовольствием паслась, ведь она очутилась в огороде, куда поглядывала все лето. Прилетев в очередной раз, странная птица увидела корову и бесцеремонно села ей на спину. Коровушка очень удивилась и решила посмотреть: кто это сел ей на спину? Оказалось, это была маленькая белая цапля. Наши-то цапли серые, крупнее этой крошки, и живут они возле воды. А эта птичка прижилась в нашем огороде.

Цапля отлетела на безопасное расстояние, но через некоторое время снова села Майке на спину. Корова опять прогнала нахалку. Так длилось несколько дней, но вскоре корова привыкла к соседке и уже не обращала на нее внимания. Как только Майка ложилась на землю отдыхать, цапля сразу садилась ей на спину и дремала. Животное и птица подружились и так прожили до самых заморозков. Как только утки, цапли и бакланы потянулись на юг, наша белая маленькая цапля пропала. А Майка с удивлением оглядывалась вокруг, словно искала кого-то или что-то. Тогда я сказала ей, что соседка-то улетела в теплые края. И белую маленькую цаплю мы больше не видели...

Natalya Beldy

AN INCIDENT OF LIFE

One summer, we were all sitting at home, and I happened to look out the window. I noticed an unusual bird, it was walking around the garden and looking for something in the grass. In the evening the bird flew away.

The next day, early in the morning, I saw the same bird again. I decided to go outside and take a better look at it, but it flew away when it heard a noise. I began to wonder: what was this bird and what was it doing in our garden? Every morning, the uninvited guest wandered about our garden, it could not be seen during the day, but in the evening it appeared again.

August came, we dug up all the potatoes and let our cow Maika into the garden. She grazed happily, because she had got into the garden that he had been looking at all summer. When the strange bird appeared again, it saw the cow and without ceremony sat on its back. The cow was very surprised and tried to see who was sitting on its back. It was a little white crane. Our cranes are grey and bigger than this one, and they live by the water. But this bird had found a home in our garden.

The crane flew away to a safe distance, but after a while it sat on Maika's back again. The cow shook off the intruder again. So it went on for several days, but soon the cow got used to the neighbor, and no longer paid attention to it. As soon as Maika lay on the ground to rest, the crane sat on her back and slept. The cow and bird made friends and lived like this until the first frosts began. As soon as the ducks, cranes, and cormorants began flying south, our little white crane vanished. Maika looked around in surprise, as if she were looking for someone or something. Then I told her that her neighbor had flown away to warm lands. And we never saw the little white crane again...

Ольга Вершинина

MECHINE

Lehtišt šobaidab tulleil,
Taivhal hoštaba tähthad.
Vilu kivi ei kule,
Sinä kävutad sanoid.

Astkam minunke mecha
Vepsläižen veron mödhe.
Aig om parahim lekar',
Ala hubdu aigvodhe.

Nece om hüvid vestid:
Olen il'bez, ka, valdal.
Tullei heilutab heinid,
Tähthad sambuba taivhal...

Ольга Вершинина

ДУХ ЛЕСА

Ветер листья колышет,
Звезды светятся ясно.
Камень слов не услышит,
Ты горюешь напрасно.

Не печалься о доле,
Вспомни древний обычай.
Дикой рысью на воле
Мчит душа за добычей.

Травы дрогнули снова,
Гаснет в небе Путь Млечный.
В чаще мира лесного
Время сердце излечит.

Olga Vershinina

THE SPIRIT OF THE FOREST

The wind rustles the leaves,
The stars shine brightly.
A rock can't hear words,
You mourn in vain.

Don't mourn a lot,
Remember the ancient custom
Like a wild lynx running free
The soul chases its prey.

The grass has trembled again,
The Milky Way fades in the sky.
In the grove of the forest world
Time will heal the heart.

Евгений Гудан

ЧИҢР ҢАҢЫҢНИВХ

Яғодьғагин урла җаңыңнивх мыныдо җаудь, ив сидьхагин ныныдь пал тор юғзудь.

Наф мер нивх намагур йимныдь яңгут жумдьғу пал җағу, пый җағу.

Ырыкон мер нивхгу иттьғу: намагур яғо, пал йимья, яңгур жуйн жумдь имх пал тор.

Тыдь мыве яңгур чиңр җаңыңнивх сидьхагин юғзуть пал тор.

Нинь чуух утку оғла пандь. Вытык хара ымык хара маңгут орботьғу. Ытык урла җаңың, чоңыңнивх, вымык потюрла умгу сидьхагин ныдь йимдь.

Имх оғла пандь зелмлара, тахткура, ырты тора. Жогут эрх җ’а лыттьғу Тодя. Иф сидь лағағар вытыкҗе, вымыкҗе сик нытадь. Кинңудь сик Тодирох. Жогур Тодя пандь сидьхагин ныныдь юғзура, нивхгудох ыкисгур кеспурра, пивак смора. Воух ив ныңнан нивхгу энавтох витадьғу, эрх пергудыгғу, ив аңдоххагин намагур иттох җаудь. Кангудох ыргы тифрку, пахку, п’ызрадь сик җангу ив җлут п’имтадьғу. Ив п’ивак смодь, аҗагин еңзудох җаудь.

Ньрак Тодя Һаҗыңр вийныдь, урла Лафиң Һаҗыңнивх муйныдь.

Иф п'анпарадь Һаҗыңнивхгу пал тор. Эздь иф ськ Һағу палух парк эрх п'рыныдьғу иф имх кура.

Иф эздь намагур сидьхагин ныды җаура хогут хемарку иттёғу: Тодя ытык пи оғладох меутю ғедь вымык хаску, кифо ётть, инныдь йимра.

Ытыкғе ымыкғе эзмудьғу, имх оғла урла нивх муныдь, сидь ваклу ныныдь йимныдь. Имх парк пи оғла татуда җаудьғу, сидьхагин ныдь июзудь.

Эғаске, эғаске эздьғу, Пал Ыз имх оғладох роныдь, ив урла Һаҗыңвтох вигуныдь. Хогут эздьғу.

Ытык урла меутю, тяҗо, к'ах, пундь, к'у имра. Ымык кып лепёск лытра, ма, холодь хара. Ськ хонтк сира хорот пи оғладох итьғу: «Вия оғла намагур Пал Ыз арья, оғс химья, ив сидь итть намагур мья, хоҗан чи намагур хумныдь». Хогур Тодя Һаҗыңр видь. Хуйн ськ Һаҗың нивхгу Һаҗыңт ныңдьғу, сидьваклу Һ малғодь.

Тодя яңгур пи ытыкғе, ымыкғе итть тхырпть. Аҗагин ардох, кысҗыңдох лыттох җаудь. Малго Һағо, пыйҗағо Тодя идыдь. Тодя эрғало Һағо худь.

Тодя тхырпть ырыкон нивхгу итьғу: «Һағу палух мер Һафқғу, уюдь имх малғогур иғныдь. Иф пал тор ығзудь хоҗгур маңгур уюдь лыть. Пал Һағо, пый Һағо Тодя ньрыҗан пльвдьғу, китьғу. Имх ськ пила палдох видьғу».

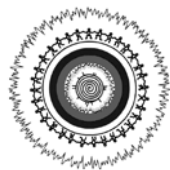
Ылги, ылги пыйт прытҗадығу. Ыкила җес прыдь. Чиңр Һаҗыңнивх мер палух ныңдь.

Маңгур Пал Ыз т'ахтадь, иф ыкис Һаҗыңнивх вес мугудь.

Хуңгу вес ырты, ырты палух пыйра, пак хумра, нивхгу клура чоңрҗа иньра.

Аң пал тор тхырптҗаған хогут хумтадьоа.

Ськ.

Евгений Гудан

ГОРЕ-ОХОТНИК

Никогда мужчина не станет настоящим охотником, если не познает законов природы. Никогда не станет настоящим мужчиной, если не познает языка зверей и птиц. Так старые люди говорят.

Но этого мало, гласит народная мудрость. Надо не только понимать природу, но и жить с ней в ладу и согласии, уважать ее законы.

Вот что рассказывает нам история об охотнике, нарушившем Закон Тайги.

В одной семье, где отец и мать были трудолюбивыми, родился мальчик. Отец был хорошим следопытом и рыбаком. А мать знала, как экономно вести хозяйство и всегда поддерживать в доме родовой очаг.

Но не о них речь, а о сыне. С детства мальчик рос плаксивым и избалованным. Чуть что не так – сразу в плач. Всё брал слезами. И поэтому назвали его Тодя – Плакса. Рос неженкой, не зная печали. Все, что бы он ни попросил, ни пожелал, вмиг исполняли родители. Лакомый кусочек – Тоде. Лучшую одежду – тоже ему. Поэтому и вырос парень невеждой,

не уважающим людей и их труд. Кроме себя не видел никого вокруг. Идет по стойбищу, люди от него отворачиваются, потому что знают – не дождешься от Тоди доброго слова. Собаки в стороны разбегаются, потому что не раз получали от него то палкой, то камнем в бок. Одним словом, только себя Тодя любил, только себя уважал. К чужому горю был равнодушен.

Однако все же решил Тодя охотой заняться. Самым лучшим охотником амурского побережья задумал стать, самым ловким и сильным себя возомнил. А что Законов Тайги не знал, охотничьи обычаи не уважал, на то рукой махнул. Думал: зверя в тайге много, добыча сама в руки придет.

Задумано-то хорошо, все польза для себя и для людей была бы. Однако задумано – еще не сделано. Так люди говорят.

Потребовал Тодя у отца охотничье снаряжение. Мать заставил одежду и обувь приготовить, еду на дорогу припасти.

А отец с матерью и рады: сыночек любимый решил делом заняться. Рады-то рады, да вот беда – с детства сына к труду не приучили.

Однако, поразмыслив меж собой, решили на Пал Ыза – Хозяина Тайги – положиться. Авось не даст их сыну пропасть, на тропки охотничьи прямо к удаче выведет...

Сказано – сделано. Отец копье острое приготовил, лук со стрелами смастерил, нож на камне остро отточил.

Мать лепешки вкусные из черемухи напекла, юколу в дорогу приготовила и холодь – любимое кушанье – в котомку положила.

– Иди, – благословляют родители, – Пал Ызу поклонись, дары преподнеси, все сделай, что он повелит. И счастье к тебе придет. Только сумей им воспользоваться.

Отправился, наконец, Тодя на охоту. По старой тропинке, проложенной охотниками, держал путь за семь перевалов, где, говорили, в огромном количестве водились и звери, и птицы – разная таежная живность.

Но не вспомнил Тодя наказа отца и матери – Пал Ызу поклониться. Дары ему преподнести забыл. А может и не забыл вовсе, а нарочно пренебрег обычаями отцов-дедов. Кто теперь знает? Только вот что из этого вышло...

Много зверя Тодя по дороге повстречал. Много птицы на пути увидел. И оказалось, что таежные обитатели вовсе не боялись человека – доверчивыми были. Поэтому Тодя мог без труда добыть любую живность.

Только забыл Тодя народную мудрость: зверь таежный – брат человеку. Все живое, что на пути встречалось, без особого сожаления уничтожал. Лосиха ли с приплодом, рябчик ли с выводком – всех истреблял. Заповедь отца забыл. Закон Тайги нарушил. А это грех большой, который ни искупить, ни вымолить.

Жители лесные, видя такое обращение, перестали с тех пор людям доверять, прятаться начали от глаз людских. Все дальше и дальше звери в тайгу уходили, обживая новые места. Все реже на побережье реки залетали птицы: слава худая про горе-охотника впереди шла.

Не выдержал Пал Ыз бесчинства Тоди. Весь свой гнев на кровожадного охотника обрушил. В ворона чернокрылого превратил Тодю. С тех пор живет разбойник в одиночку, падалью питается, людей избегает.

Вот что значит Закон Тайги нарушить.

Yevgeny Gudan

THE WOEFUL HUNTER

A man will never become a true hunter if he does not learn the laws of nature. He will never become a true man if he does not learn the language of beasts and birds. This is what the old people say.

But this is not enough, folk wisdom says. You must not only understand nature, but also live with it in harmony, and respect its laws.

This is what the story of a hunter who broke the Law of the Taiga tells us.

In one family, where the father and mother were hard-working, a boy was born. The father was a good tracker and fisherman. The mother knew how to keep a thrifty household and always kept the home in good shape.

But our story is about their son, not about them. From childhood, the boy was tearful and spoiled. If something went wrong, he would start crying. He responded to everything with tears. And so he was called Todya that means “crybaby”. He grew up to be soft, and knew no sorrow. Everything he asked for or wanted was given to him by his parents. The most delicious

food always went to Todya. The best clothes also went to him. So he grew up to be a boorish fellow who did not respect people and their labor. He did not see anyone but himself. He would walk through the camp, people would turn away from him because they knew that you could not expect a kind word from Todya. Dogs would run away, because he had hit them with sticks, or thrown stones at them. In short, Todya only loved himself, only respected himself. He was indifferent to the sorrow of others.

However, Todya still decided to go hunting. He dreamed of becoming the finest hunter of the Amur coast, the most skillful and strongest. He paid little heed to the fact that he did not know the Laws of the Taiga, and did not respect hunters' customs. He thought: there are many beasts in the taiga, the catch will come into my hands itself.

It was a fine plan, there would be benefit for himself and for other people. But a plan does not mean something is done. This is what people say.

Todya demanded equipment from his father. He made his mother prepare clothing and shoes for him, and provide food for the journey.

His father and mother were happy: their beloved son had decided to do something. They were happy, but the problem was that they had not taught their son to work since childhood.

However, after discussion among themselves, they decided to rely on Pal Yz – the Lord of the Taiga. He wouldn't leave their son in the lurch, he would lead him on hunters' paths straight to the catch...

No sooner said than done. The father prepared a sharp spear, bow and arrows, and sharpened a knife on a stone.

The mother baked delicious cakes from bird cherry, prepared yukola for the journey, and put delicious khokol, in the bag.

“Off you go,” the parents gave their blessing. “Pray to Pal Yz, bring him gifts, do everything he orders. And happiness will come to you. Make sure you can make use of it.”

Finally Todya set off on the hunt. Along an old path trod by hunters, he took the path of seven passes, where they said there were huge amounts of beasts and birds – various animals of the taiga.

But Todya did not remember the instructions of his father and mother to pray to Pal Yz. He forgot to give him gifts. Or perhaps he did not forget, but intentionally broke the customs of his fathers. Who knows now? But what happened because of this...

Todya encountered many animals on the way. He saw many birds on his way. And it turned out that the denizens of the taiga were not afraid of humans at all – they were trusting. So Todya could easily catch any animal.

Only Todya forgot the folk wisdom: a beast of the taiga is a brother to man. Everything living that he encountered on his path he killed without much regret. Either moose with child, or grouse with chickens, he killed them all. He forgot the instructions of his father. He broke the Law of the Taiga. And this is a great sin, which cannot be atoned or washed away.

Seeing this treatment, the forest dwellers stopped trusting people, and began to hide from people’s eyes. The beasts went further and further into the taiga, settling in new places. Birds flew to the river bank more rarely: the infamy of the unfortunate hunter followed him.

Pal Yz could not endure the outrage of Todya. He released his anger on the bloodthirsty hunter. He turned Todya in a black-winged raven. Since then it lives as a thief in solitude, feeling on carrion and avoiding people.

This is what it means to break the Law of the Taiga.

ЯҢГУР ЛЕР МИФ ХИТВ МУДЬ

Ырыкон пила нивггу иттьгу: Лер хитвар к'аура, эна хит-фкуар к'аута хадь фуру. Т'ыр дымк херкуйн миф хумра, иир дымк херкуйи Пила герк хумра хадь фуру. Жоңан пила-била ларку, керк'ларку, миф тят луңьюдьгу п'уру.

Жоңан мер нивхгу к'ал някр мив ыгуйн хумдь. Палдох мырңан, ургут ңаста, толдох мыгңан ургут хиута хадьгу п'уру. Керктох виңан, толңа хута хадьгу. Имх палдох мырңан. Пал Ызтох к'ызньнта хадьгу. Имх хонгут хумдьгу.

Чоңынт урла чо хуңан, Тол Ыз ар лытг, наңынт виңан, Пал Ыз ар лытт хадьгу. Ыгр хагин имг баругуды к'аугудьгу. Жоңан Тол Ызго, Пал Ызго ңагитэ, чогитэ, толңагитэ нивхгу ардьгу. нивхгу кугыт хумдьгу. Имг олаго, имг умгуго кеңрат хумдьгу. К'олавар к'аутэ.

Њьрак хиула нивх Магун ңаргор вийныр тыңздь. Иф п'руньла к'ах пора, пундьге, куго бора хадь. Иф палдох мырдь. Кылы т'улфтох чого, тюско к'аңдь. П'вонгу арныдь яныдь? Вумгу Кылак игрыра.

Ыкила, имг ңаргот видь ньрыр, тяплар, т'алвңа фир, имг ырирудь. Ив маңгур кор хумдь – Магун хиура, иф хиуды к'аура. Нав ургур ямайныдь, яңгур ив ңаргодьлу. Ыкила парк палдох вир ңазгин, ыгр хагин п'нафқухудох розийхсудь. Иф тьый мангла лумр ңатр поголора хадь. Иф п'и парк к'орийныр пузитть. Хы Ыкила хогадь фуру.

Мер Магун ула балгу т'мыре, ңьюдох мыгре хагин п'и виныф пак, нугидох, пак ямадь. Ив алврер п'и п'ры див амады к'аудь. Ив ан хагин п'ерх ыкегур ныныдь хагур эғзды к'аудь. Ивф п'и видьгир вигин, сидь ськ ньрыдь: хунге лумр нана видь, хуйн пила члыги п'лывр хумдь, тьяркныдь т'аңрар хумдь. Ив намагур нагу ньрыдь, имг сидь ныдь ськ индыдь.

Имг лыттыууди мы урдь. Вике пыйна нонк п'нывих куткур, хитир иңыви сир, палңа нытьх когур, инытьх пар хадь. Пый-ңаго палңаго чуп иглуды к'аудьгу. Имг вумгуар к'луды к'а-ута. Имх п'оңзудьгу химдьгу.

Магунге п'умгуге, т'ыт вит, парватийво намг вал ңыски т'мыдьгу. Имг, ныйвигут, муспы лытт ңгудьгу. Т'ыт ост, к'ен амат, и видьгу. Хонгут муф тях видьгу. Парватийво нан пила геркрох п'удьгу. Имх виф яго на хагин тамдь фуру. Имх хуйн ургут настот, п.хыдох Ла урт эгийныдьгу мугит.

Ку Ыкила, Магун див урр, ранга рак лерлерре хар, п'ерр, ыкыкы Магунгу муспырох видь. Ыкила мангур п'вахтюдь. Ичуркар тескудох вахтьра, т'ог илхкир лыт киар вахтьра хадь. Иф хогагур Магун нытьх к'рыдь. Т'ылвуйн т'ур п'урор, имг ытнур хумдь. Хыңгру тярлар имг див урийныдь.

Магунгу, т'ыт ост, видьгу, видьгу, тый эна мув т'эс видьгу. Магун ылгыр вире, палңаго, пыйңаго ғонюре хадь. Ыкила п'и ыкидьгир ыйв ыкидь. Ив андох хагин ургур ныды к'аудь. Ив Магун ырир вийво, ыр ынк лакр к'ур, пай игдь, йимгьгар лумр ңың див ыскыре, пыйңагу ңыви дёскре хадь.

Магун мив ыхтох п'унан, Пал Ызтох к'ызныңра, Тол Ызтох к'ызныңра хадь. Радь хагин т'хырпты к'аудь. П'и рыпр чуз хухтгу имгдох розра хадь, к'иннула хухтгу, К'ыла ёт хухтгу. Ызнгу эзмудьгу.

Ыкила т'ылвуйн п'ывльюр Магун амар йиздь. Иф п'оңт-кух хухтгу мекр куздь, Тол Ызңге Пал Ызңге кимийныр. Хухт някр Пал Ызн к'имра хар к'ымлыдь: «Айс, ни ят хата ты чуз хухт Тол Ызң к'имныдь, а? Ни эрх п'рыды к'аубара. К'ынга, пездох хухт някр менм хегозо!»

Тол Ыз т'ахтар сыхытть. Иф пила-била ларкугир миф тядь. Ла фис хар п'рыре, тирку думугре хадь фуру.

К'ать-к'ать ңагу, нявртох вит, п'ывдьгу. Имңан вара хегадьгу. Имх пахку выюге п'ывдьгу.

Тол Ыз мув них т'эс атадыдь, тый эна мув хур айды. Хоке иваң вара п'ерр к'рыуды. Иф к'рыу т'агрух миф, хитв лыгр, мокрты. Идур п'еп керк со дурр. Магун п'умгуге хы хитвуйн хумта.

Ыкила мангла лывдр тэгҕан, п'фонюныды мутийкир, ысиладох хумды. Нивхгу мыкс п'урдыгу: ҕыныгладыгу урды к'аудыгу.

Хонгур Лер Миф панды фуру. Нафтоҕо Магунге Кылакхе олагу Лер-Мивуйн хумдыгу. Имг мердох, лафингудох, лахт п'рытэ, мер имгдох лахт котэ хадьра.

Сык.

КАК САХАЛИН ОСТРОВОМ СТАЛ

Не было раньше, говорят, на Земле ни острова Сахалина, ни других островов. Слева Миф – земля была, справа Керк-Пила Керк – море-океан волнами своими играл.

И жили нивхи на краю земли. В тайге добывали зверя, в Амуре рыбу ловили. Да еще в море-океан выходили на промысел морской. Так и жили. Поклонялись они К’отру – медведю, да еще Тол Ызу – Хозяину Воды поклонялись. Что ни добудут на рыбалке или охоте, часть добычи своим хозяевам отдают. Никогда их не забывали. А те в ответ людям зверя, птицы, рыбы столько насылали, сколько охотники да рыбаки добыть могли, чтобы жен своих, отцов-матерей да детей малых прокормить.

Однажды смелый охотник, удачливый рыбак, защитник всех слабых – храбрый Магун на охоту собрался. Копье острое, лук со стрелами взял. В тайгу подался мясо да рыбу заготовить. А с ним пошла жена его Лытта, что значит «мастерица».

За ними крадучись в тайгу пошел Ыкила – плохой человек. Решил все секреты удачи Магуна разузнать. Сам хотел мяса, шкурок собольих много иметь. Ни с кем делиться не желал. Вот такой Ыкила был.

Идет Магун по тайге, все примечает: там соболь пробежал, а там рысь притаилась. Все видит, что звери лесные делают. Каждое их движение улавливает. К речи звериной прислушивается – ее хорошо понимает. Вот такой Магун был, храбрый да добрый. То птенца из гнезда выпавшего на место подсадит, то лапку зверюшке от стрелы неудачливого охотника пострадавшей перевяжет. Поэтому и не боялись звери да птицы ни Магуна, ни Лытты. Знали – сердца у них добрые.

К вечеру первого дня Магун с женой ни много ни мало семь перевалов одолели, на ночлег стали устраиваться. К вечеру третьего дня решили до Керк-Пиля Керка добраться, где зверя водилось видимо-невидимо.

Обратным путем хотели на лодке по Амуру приплыть.

Между тем Ыкила, не раз с пути сбивавшийся, кое-как добрал до стоянки Магуна. На нем халат из рыбьей кожи весь порвался, за сучки деревьев цепляясь. Торбаса – сапоги из кожи лося – тоже порвались, так спешил Ыкила за Магуном. Развел костер подальше от них. Сидит, утра ждет. Знает – на рассвете Магун дальше пойдет.

И так день-другой прошел. Магун по дороге много добра сделал. Зверей и птиц из беды выручал. А Ыкила как был с малолетства плохим, таким и остался. Идет – белку подстрелит, соболю дорогу перейдет, на ходу птичье гнездо разорит.

Магун, как к краю земли подошел, подарки Пал Ызу – Хозяину Тайги и Тол Ызу – Хозяину Воды преподнес. Никого не забыл. Подарил им по халату, что жена его Лытта сшила и красивыми узорами украсила. Довольны хозяйева.

Ыкила тоже решил примеру Магуна последовать. Хозяину Тайги преподнес, а для Хозяина Воды пожалел подарок. Подумал: и одного халата им хватит, пускай по очереди носят. Тем более не нужен Тол Ыз Ыкиле, ведь не на море он пришел охотиться.

Этим нанес Ыкила великую обиду Тол Ызу. И в ярости обрушил тот на землю громады волн морских. Ветру морского нагнал. А волны все сильнее и сильнее о берег бьются, и ветер все крепчает.

Уже и деревья не выдерживают морской стихии, что ниспослал Тол Ыз на Ыкилу. Уже и звери все в кучу сбились, дрожа от страха, от урагана невиданного попрятались в скалах прибрежных.

День бушевал Тол Ыз, другой бушевал; силы, однако, кончились. Передохнуть решил. На покой отправился. Только не знал, не ведал он, что сотворил в ярости своей.

Часть суши от материка отделилась, форму рыбы морской земля приняла, в море уплыла.

И на этой земле Магун с Лыттой остались. Ыкила же во время урагана погиб. И поделом ему: не будь жадным, не будь завистливым. Так образовался Лер Миф – остров Сахалин.

И живут там поныне рыбаки и охотники, потомки храброго Магуна и жены его Лытты.

HOW SAKHALIN BECAME AN ISLAND

They say that the island of Sakhalin, and all other islands, did not use to exist on Earth. To the left was Mif, the land, and to the right was Kerk-Pila Kerk – the world ocean with its playful waves.

And the Nivkh lived on the edge of the world. They caught beasts in the taiga, and fish in the Amur. And they went out into the world ocean to fish. This is how they lived. They prayed to K’otr, a bear, and Tol Yz, the Lord of Water. Whatever they caught when fishing or hunting, they gave to the lords. They never forget them. And in response they gave people beasts, birds, and fish, as many as hunters and fishermen could catch, so they could feed their wives, parents and young children.

One day a brave hunter, a successful fisherman, the defender of all the week brave Magun set out on a hunt. He took a sharp spear and bow and arrows. He went to the taiga to prepare meat and fish. And his wife Lytta went with him, her name means “craftswoman.”

Ykila, a bad man, followed them secretly into the taiga. He wanted to learn all the secrets of Magun’s success. He wanted to have meat and many mink hides. He didn’t want to share with anyone. That’s what Ykila was like.

Magun walked through the taiga, and noticed everything: a mink ran past, and a lynx hid itself. He saw everything that the forest beasts did. He caught every movement. He listened to the animal speech – he understood it well. This is what Magun was like, brave and kind. He would put a baby bird back in its nest if it fell out, and bind the paws of an animal that had been wounded by a careless hunter.

So Magun and Litty did not fear birds and beasts. They knew that they had kind hearts.

By the evening of the seventh day, Magun and his wife had crossed seven passes, and began to prepare to settle down for the night. By the evening of the third day they decided to travel to Kerk-Pila Kerk, where there were animals galore.

On the way back they wanted to sail down the Amur river in a boat.

Meanwhile, Ykila, who had not once lost the path, reached Magun's camp. His cloak of fish skin was all torn up, it had caught on tree snags. Torbasa – boots of moose skin – were also torn, Ykila was in such a hurry to keep up with Magun. He built a fire far from them. He sat waiting for morning. He knew that in the dawn Magun would go further.

And so the day passed. Magun did a lot of good things on the way. He rescued birds and beasts out of trouble. But Ykila had always been bad, ever since he was a child. He shot squirrels, crossed the path of a mink, and tore down bird's nests.

When Magun reached the edge of the world, he brought gifts to Pal Yz, the Lord of the Taiga, and Yol Yz, the Lord of Water. He forgot no one. He gave them a gown that his wife Lytta had sewn, and decorated with beautiful patterns. The Lords were satisfied.

Ykila also decided to follow Magun's example. He gave a gift to the Lord of the Taiga, but did not want begrudged a gift to the Lord of Water. He thought: one gown will be enough for them, they can to wear it in turn. Especially as Ykila did not need Tol Yz, he had not come to the sea to hunt.

Thus Ykila grievously offended Tol Yz. And the Lord sent huge waves from the sea to the land in anger. He drove the sea wind. And the waves crashed more and more strongly on the shore, and the wind grew stronger.

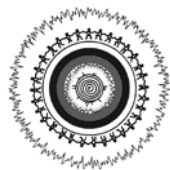
The trees could no longer withstand the sea elements that Tol Yz had sent to Ykila. The animals huddled together, trembling in fear, and hid in cliffs by the shore from the terrible hurricane.

Tol Yz raged for one day, then for another; but his forces ran out. He decided to rest. He went to lie down. Only he did not know what he had done in his fury.

Part of the land had separated from the continent, the land took the form of a sea fish, and floated in the sea.

And Magun and Lytta remained on this land. Ykila died in the hurricane. And this was a lesson to him: one should not be greedy or envious. In this was formed Ler Mif – Sakhalin Island.

And now fishermen and hunters live there, the descendants of brave Magun and his wife Lytta.

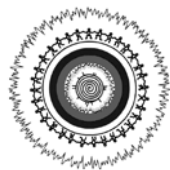

Любовь Демина

ЙАРХАДИЭ*

Йархадиэлэк оожии молҗо,
Йардыт подьоҗаануннуй,
Пугэ оогэн, пугэмэ,
Тудэл эл альаануннуй.
Тамун ньууги шокурдиэ,
Анилдиэ – чэризуруодиэ,
Одул титэ – йархадиэ!

* Йархадиэ – льдинка (пер. с юкагирского).

Любовь Демина

ЩОКУР*

Что за льдинка под водой?
Плавает, сверкает,
Даже летом,
В самый зной,
Никогда не тает!
Эта рыбка – щокурок,
Рыбка-серебринка,
Юкагиры называют
Эту рыбку «льдинка»!

* Щокур (чир) – пресноводная рыба, обитает только в холодных чистых водах Заполярья.

Lyubov Demina

SHCHOKUR*

What's that ice in the water?
It swims, it shines,
Even in the hottest
summer weather
It never melts!
It's a fish – a shchokur,
A fish like a piece of silver,
The Yukagirs call it
“A piece of ice.”

* Shchokur (chir) – a freshwater fish, only lives in cold pure water in the Arctic region.

КУРЧЭҢ ЛЭБЭЙДИИ*

Шоҕунмэгэ лэбэйдиипэ,
Кэйлэньут ходооңил,
Пугэ кэлдэгэ, лэбиэ
Иились шөрилэдоонуй.
Курчэң лэбэйдии лэгут,
Курчэңпэ йахтаануңи,
Мит лэбиэ айаарэдэ,
Чорхогэ лондаануңи!

* Курчэң лэбэйдии – журавлиная ягода (пер. с юкагирского).

КЛЮКВА

Золотой ковер из мха –
Вот и летняя пора.
Красных ягодок узор,
Вышит бархатный ковер.
Вновь поспела клюква рано,
Журавли танцуют парой,
Клюкву красную клюют,
Всё танцуют и поют!
Радость дарит нам природа,
Журавлиных ягод много,
Дивный танец журавлей –
Украшенье тундры всей!

CRANBERRY

A golden rug of moss –
It's summertime.
A pattern of beautiful berries,
A velvet rug embroidered.
The cranberry has ripened early,
The cranes dance in pairs,
They peck at the red cranberries,
They dance and sing!
Nature gives us joy!
There are many berries for cranes.
The wonderful dance of the cranes
Is the adornment of all the tundra!

Никита Королёв

АГИТААДААС

Чиғанам илан қалағичхузал қас адғайус ҳаңакус. Қас, тхидих хиңул, сумил мал қағанаазал анух агал чиганам куган айхатикус. Қах хузух улам хадан ачалакан гихтачхузал гўаағакух. Киинихта агиичигаан тхидихсугал мал имул, снаңаа куган хаңазакух. Қам тайағуу аңунал қуңил кайутул чмагил, қамдәтии илин снаңаа куган тин агаатукух. Слукаҳ қусам имутикух.

– Майаағикуқ! Майаағикуқ! Нусиң уузнаҳ қаатунал ила-такуқ! – слукаҳ хакаган иматикух.

– Ай, суганғих, ачалакан хайимин хакаҳ! – агитаадаа һаан иматикух, аңунал мас қуңигил матал акух. Агитаадааң хадан учигил мас чмаа кайуту хиңул, саҳ иламииң қаатул сисмикух.

– Тағаада, киин игидғух акиитаҳ ачалакан учигикух! – тхидих хағдүгнихтакух.

– Тағаада! Итааңих акуқ!

Агитаадаас ачалакан қас углага имул акаңудаған учи-гикус.

Никита Королёв

ДРУЗЬЯ

В речке было очень много горбуши. Шумно и радостно, толкая друг друга, рыбы поднимались вверх по течению реки. Каждая хотела быстрее попасть домой. Иногда, обгоняя друг друга, кто-то выскакивал на отмель.

Крупный горбатый самец сильно бился хвостом, желая уйти с отмели в глубину. Над ним кружила чайка.

– Попался, попался, будет у меня вкусный ужин! – кричала с высоты чайка.

– Эй, парень, давай быстрее сюда! – крикнул ему друг, такой же крупный и горбатый. Он подплыл к нему и сильно толкнул хвостом, спасая товарища от голодной птицы.

– Давай, кто быстрее доплывет до водопада! – предложил один другому.

– Давай! Я буду первым!

И очень быстро друзья поплыли вперед, обгоняя других рыб.

Nikita Korolyov

FRIENDS

There were many salmon in the river. Noisily and cheerfully, pushing each other, the fish swam upstream. Each one wanted to get home first. Sometimes, overtaking each other, one of them swam into the shallows.

A large male salmon hit his tail fiercely, trying to get out of the shallow into the deep water. A seagull circled above him.

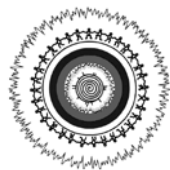
“You can’t get away, I’ll have a delicious dinner!” the seagull cried from above.

“Hey, come here!” his friend shouted, who was just as large and hump-backed. He swam up to him and pushed him hard with his tail, saving him from the hungry bird.

“Let’s see who can swim to the waterfall!” he said.

“Let’s! I’ll be first!”

And the friends swam very quickly, overtaking the other fish.

Кирилл Косыгин

В’ОНАЭЛЫГ’АПЭЛЬ ЛЫМН’ЫЛЬ

Нутэк гэньн’элин майн’ык’ычвон. К’ычвок гэньн’элинэв’. К’ычвокмин’ыпиляк’о. К’ычвокмин’ыпиляк’о митг’айинав’.

К’оян’талг’а нэкунумэкэв’н’ынэв’ в’унэв’ галама. Накоп-кав’н’ынав’ экмитык майн’ык’ычвокэн в’унэв’. Тэк’ын гычгол гэньн’элинэв’ к’оен йинно. Кытав’утг’уеви нытуйк’ин г’оячек. Г’оячека пыкав’нэн экмитык энангычголкенав’ в’унэв’. Кытав’ут ынан лыг’унин в’онаэлыг’апэль. Ынно выйино йыччынин элыг’апэляк’а. Ыннык йинтэви пыкавэ в’аняватэк. К’аячачгын г’уеви лыг’улк’ылык г’оячекэк. Ынкайтын йыяйтаннэн в’онаэлыг’апэль.

Н’ывогыг’э мэтг’ан’ омакан’ юнэтык. Ыннык н’ывой к’онпын’ н’ынван’элг’атын то этг’о г’умпилгэтык. Мэтг’а-гыйн’ын в’айн’э в’онаэлыг’апэль н’эллы чагамьев’онано як’ам пыг’ай.

Кирилл Косыгин

ДЕВУШКА-ШИШЕЧКА

Сказка

Однажды в тундре раскинул свои ветки могучий кедрач. Ни снег, ни ветер не могли сломать его ветки. И когда появлялись на нем шишки-дети, самыми крепкими, самыми красивыми были они. Каждый раз олениводы, проходя мимо, собирали шишки с окрестных зарослей кедровых, но до могучего кедрача никто не мог добраться: он был в самой гуще зарослей, концы его длинных веток устремлялись вверх и, словно заслон из оленьих рогов, закрывали проход к сочным плодам.

Но вот как-то раз молодой пастух решил во что бы то ни стало пробраться к спелым шишкам могучего дерева. Был красив и силен тот юноша, немало усилий приложил он, чтобы достичь своей цели. И когда преодолел он стену из кедровых веток, увидел перед собой девушку необычайной красоты. То была шишечка – дочь кедрача. Увидела она издали смельчака, и полюбился он ей сильно-сильно. И вот

предстала она перед ним во всей красе; юноша от удивления не смог проронить ни слова, только улыбка засияла на его лице. Взял он девушку-шишечку за руку и увел за собой в стойбище. Стали жить они вместе душа в душу.

Однажды случилось так, что юноша-пастух заболел. Девушка-шишечка сильно волновалась и, прижимаясь к сердцу любимого, отдала ему часть своих сил. Пастух тотчас поправился, но, когда взглянул на девушку-шишечку, испугался. Появилась на ее лице трещина, как на ветке дерева. Но не знали они, что трещина эта уходит намного глубже.

Девушка очень любила юношу. Все силы отдавала, чтобы сбересть его и помочь ему. Вскоре юноша так привык к этому, что стал бессовестно пользоваться заботой девушки-шишечки. Шло время, и вот все лицо у несчастной покрылось трещинами, а сама она сморщилась и стала похожа на старушку.

В день, назначенный судьбой, пришел юноша домой из тундры и, войдя в жилище и даже не взглянув в глаза любимой, снял с себя рваные торбаса* и швырнул в лицо девушки. Сердце бедняжки только сжалось от боли.

На следующий день пастуху приснился сон, что он залез в заросли кедрача и встретил девушку. Проснувшись, юноша ринулся искать любимую, но, выйдя из жилища, заметил лишь маленькую иссохшую шишку, лежащую на земле. Слезы покрыли лицо юноши – это плакало его сердце, но было уже поздно.

* Торбаса – высокие сапоги из шкур оленя или нерпы, мехом наружу, на кожаной подошве.

Kirill Kosygin

THE PINECONE GIRL

A fairytale

Once upon a time, a mighty pine spread its branches. Snow and wind could not break them. And when the pinecone children appeared on them, they were the strongest and the most beautiful. Every time that reindeer breeders passed by, they gathered pinecones from the surrounding dwarf pines, but no one could reach the mighty dwarf pine: it was deep in the forest, the ends of its long branches pointed upwards, and like a barrier of antlers, it blocked the way to the juicy fruits.

But one day a young shepherd decided to try to reach the ripe pinecones of the mighty tree at any cost. He was handsome and strong, and took great efforts to reach his goal. And when he had broken through the wall of pine branches, before him he saw a girl of incredible beauty. She was a pinecone – the daughter of the mighty pine. She saw the brave young man from a distance, and she fell in love with him.

And she appeared before him in all her beauty; the youth could not say a word in amazement, only a smile shone on his face. He took the pinecone girl by the hand and took her with him to his camp. They began to live together in perfect harmony.

One day the young shepherd fell ill. The pinecone girl got very worried, and pressed herself to her lover's heart, and gave him some of her strength. The shepherd recovered right away, but when he looked at the pinecone girl, he became afraid. A crack had appeared on her face like on a tree branch. But they did not know that the crack went much deeper.

The girl loved the young man very much. She gave all her strength to protect him and help him. Soon the youth became so accustomed to this that he began to take the care of the pinecone girl for granted. Time went by, and the poor girl's face became covered with cracks, and she became wrinkled like an old woman.

On a day appointed by fate, the young man returned from the tundra, and entering his home and not even looking into the eyes of his beloved, he took off his torn torbasa* and threw them in the girl's face. Her heart only sank in pain.

The next day the shepherd dreamed that he had crawled into the pine grove and met the girl. When he woke up, he began to look for his beloved, but when he went outside, he only saw a small dried up pinecone lying in the ground. Tears covered his face – his heart was weeping, but it was already too late.

* Torbasa – high boots made from the hides of reindeer or seal, with fur on the outside, on a leather sole.

Изабелла Курусканова

АЛТАЙЫМНЫҢ ТАХЛАРЫ

Алтайымнын тахлары, мены тыннап уксар,
Алтайымнын тахлары, мены тындап көрзер.
Мен мында ла жортым по Алтайымда,
Слерны сурап кыйгыртым, полушка.
Мен, кишещ киши, коп ньемен айтпасым,
Je по Алтайымны көргөндө, келжыт ыйлым.
Jarаш, ньан агаштырны кес – сатпалийтыр,
Ару, ньан суулыр кишещ пол, солвалийтыр!
Кудай слерне Алтайымны көрөр деп эткен,
Слерне! Алтайны јакшы көдөтын деп айткын!
Алтайымнын тахлары, слер јерне алкызар!
Пещикте паланы уш јакшы эт көрзер!
Мены өштөп өрөртын тын көрвөлер,
Пойымнын кишещ төрөн Алтайыма јетпамда.
Слерге кырнын пажында јакшылыштым,
Катып паргамда өнгө јерза, јакшы ползын – айтым.
Алтайымнын тахлары...

Изабелла Курусканова

ДУХИ ГОР АЛТАЯ

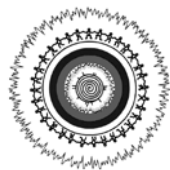
Духи гор Алтая, услышьте меня,
Духи гор Алтая, найдите меня.
Вот я здесь хожу по Алтаю,
Вас на помощь зову, умоляю.
Я ведь мал человек, плохого не скажу,
Но при взгляде на Алтай плакать хочу.
Вырубают леса... и продают,
Мельчают реки, почти иссыхают!
Бог вас создал смотреть за Алтаем,
Вас! Алтай оберегать, сохранять!
Духи гор Алтая, вы Алтай благословите!
Как ребенка в колыбели вы держите!
На меня зла-обиды вы не держите,
В свой родной Алтай когда приезжаю,
С вами всегда на перевале здороваюсь,
Уезжая из родного края – прощаюсь.
Духи гор Алтая...

Izabella Kurkuskanova

ALTAI MOUNTAIN SPIRITS

Altai mountain spirits, hear me,
Altai mountain spirits, find me.
Here I walk through the Altai,
I call you for help, I beg you.
I am small, I won't say anything bad,
But to see the Altai makes me weep.
Forests are cut down... and sold,
Rivers grow shallow, and almost dry out!
God made you to watch the Altai!
You! To protect the Altai, to preserve it!
Altai mountain spirits, you bless the Altai!
You hold it like a child in a cradle!
Don't be angry with me,
When I come to my homeland Altai,
I always greet you on the pass,
When I leave my native land, I say farewell.
Altai mountain spirits...

Ольга Леятова

ЛӨПЫҢ Я ВĀТАТ

Лөпың я вĀтат,
Люлиң вөр кйвырт,
Лөпмус пāвыл унлы.
Ты пāвылт Усьтин Васька
Самын патыс.
Оматән нёвитавес,
Āтятән нёвитавес.
Тав кārкам пыгыг яныгмас,
Тав вёськат пыгыг яныгмас.
Мāнь тāгыл вөруй алыс,
Мāнь тāгыл хул алыс.
Тасирыл олункве
Āсән ханисьтавес.
Сāңквытапыл ёмас ёнгыс,
Эрыг эргыс, ййкв ййквыс.
Семьяңыныг ёмтыс.
Тохта олыс, тохта сюнис.
Илттыг хонтлын вāрмаль ёмтыс,
Усьтин Васька ат рохтыс.

Тав лāвыс:
«Ам хōнтлын мāн минēгум».
Эри сēмьям нōх-паттуңкве,
Эри мир нōх паттуңкве.
Хумус лāвыс, тащирыл вāрыс.
Васька-ōйка ми́нас хонтлуңкве.
Нила тāl хōнтлын мāt о́лыс.
Вōртыпал о́сьнэ кātэ
Хōнтлын мāt хот-сакватавēs,
Госпитальт тāl охса о́сьвес.
Тōрумн, о́тырн нētвес,
Лылың тāгыл юв та ёхтыс.
Юв ёхтыс, ат у́нлыс,
Эрыс рупитаңкве, ос о́луңкве.
Сāлы у́рнэ мāt бригадирыг рупитас,
Пāvлыт о́лнэ мāхманэн нētыс,
Таигмāгыс мāхманэн
Сака э́руптавес.
Ам о́патем хот ат ёрувлылум
Тāvен пумасипа лāтың лāvēгум.
Там āтим те ат о́лыс, ам ман хунь о́лсум.

Ольга Лелятова

НА БЕРЕГУ РЕЧКИ ЛОПЫНГ

На берегу речки Лопынг,
В лесах горы Люлинг Вор*
Стоит деревушка Ломбовож.
Здесь Василий Устинович
На свет появился,
Мама его здесь убаюкивала,
Папа его здесь убаюкивал.
Трудолюбивым ребенком рос,
Справедливым человеком стал.
С детства зверя умел добывать,
С детства рыбу умел добывать,
Жил по заветам отца.
На санквылтапе** хорошо играл,
Песни исполнял, танцы танцевал.

* Люлинг Вор – Высокий Лес (пер. с мансийского). Возвышенность на правом берегу Северной Сосьвы, примыкающая к Уралу с востока.

** Санквылтап – народный струнный музыкальный инструмент.

Семейным он стал.
Так жил, так благоденствовал...
Внезапно нагрянула война,
Не испугала Василия она,
Он сказал:
«Я ухожу воевать.
Нужно семью оберегать,
Нужно родину защищать».
Как сказал, так и сделал.
И пошел Василий воевать,
Четыре года войны позади,
Без левой руки остался он,
Полгода в госпитале его лечили,
Боги и духи-покровители помогли,
Живым вернулся домой.
Домой вернувшись, не сидел без дела,
Работать надо и жить дальше.
Бригадиром в оленьих стадах был,
Помогал односельчанам,
И поэтому его уважали.
Мне не забыть деда,
Спасибо ему говорю.
Если б его не было, меня б не было.

Olga Lelyatova

ON THE BANK OF LOPYNG RIVER

On the bank of Lopyng river
In the forests of Lyuling Vor mountain*
Stands the Lombovozh village.
Here Vasily Ustinovich
Was born into the world,
His mother rocked him here,
His father rocked him here.
He grew up a hard-working child,
He became a righteous man.
He could catch animals since his childhood
He could catch fish from his childhood
He lived by his father's precepts.
He played the sankvyltap** well
He sang songs, and he danced.
He became a family man.
So he lived, so he thrived...

* Lyuling Vor – Tall Forest (in Mansy). Upland on the right bank of Northern Sosvya river, which flanks the Ural Mountains from the east.

** Sankvyltap – stringed musical folk instrument.

Suddenly war broke out,
It did not scare Vasily,
He said:
“I am going to fight.
I must protect my family
I must protect my country.”
He did what he said he would do.
And Vasily went to fight
With four years of war behind him,
He lost his left arm,
For half a year he lay in hospital,
The Gods and patron spirits helped him,
He returned home alive.
When he came home, he was not idle,
He had to work and live.
He became the head of a reindeer herd team,
He helped his fellow villagers,
And so he gained respect.
I can't forget Grandpa,
I say thank you to him.
If he had not been, I would not be.

Анжела Мувчик

ПУРЭ ИТТЭУРИНИ

Би балзихамби пурэ нумидуни,
Нулзихэмби чакки нӯчиззи,
Долбо гуппō геввā халачими –
Иттэуриду ајā чā гевани.

Пакчирā – чимаи бӯ тэггэччери
Силэскэ килтом килтонзēдуни,
Хасйкта сэйктэзини нэмэллэрэ
Бинōклиз ёросив – кōрбо нэрини.

Горолō сэсидук иличйпу
Хасунда таңгу дарази, биллэ,
Путтэзи биччэ чй дōппочйми
Эсйдэлэ пэскёв эм эрисй.

Тар пурэ иттэурйни дэриччйни
Тагда кōрбо тэң илихандўни.
Мёваб тапсами укчитэи туксёни,
Њалаб силдумё бинōкллэ даппёни.

Тар биччйни иттәури сәбдәнүли:
Килтөм килтөнзи јану натаинй
Көрбо ајани нэхэни гитүми,
Гиччин гиранй эсини уисй.

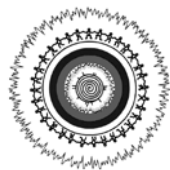
Сөзи хәнүчйми нәрихәни –
Нэсэнин сүгдом – силэскэзијјү.
Кукчәззи нөни јәннө аңгахәни
Тапсам итэчйми – синдаличијјү.

Кадәрамбә хујәби мэтәлләни,
Зилиб эурихэн – сәссә гүннини:
– Эс јәду ајә, поктоддө гэгдәкә,
Оккоду дәппи бйни баранй!

Тар тәлймәли алдурихандүни,
Тар сиро-көрбо гүнихэндунй,
Гәзи пурәнду улә сәсйни нэхә,
Сокуманзә сиро уләсалнй.

Исалдуппө дәту ујү оччйни
Лугзймә кумаләнзи туксамй;
Тар кумалә хәнүчйми оккөни –
Бинөклиб силдунзйни итәмй.

Эсив омгө пурәнду итэхәмби,
Сокунзив бй – сахурйду биччимбй
Баибй уйлта гуруни дапкадүни.
Эси нөмбоч дөми бй бајанзиви.

Анжела Мувчик

ТАЕЖНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Я рождена в семье оленеводов
И кочевала с пастухами с малых лет,
Встречала много я рассветов небосвода:
Ведь ничего красивей в жизни нет!

И каждым утром, рано – на рассвете,
Когда лишь отблески росы во тьме блестят,
Стремилась ветви обуздать верхом на елях,
Чтоб посмотреть в бинокль на диких оленят.

Меж нами небольшое расстояние,
Всего лишь в сотню метров, помню я.
И впечатленья детские, воспоминанья
Я расскажу, дыханье затая!

А начиналось представление лесное
С выхода большого вожака.
И красота, и мощь его страшили,
Мелкой дрожью дергалась рука.

Но это было восхитительное диво –
На подиум сверкающей тайги
Ступал вожак, торжественно-красивый!..
И не были слышны его шаги.

Фырча огромными ноздрями, он дымился
Клубами пара, утренней росой,
О подиум тайги копытом бился
И в устрaшенье трясся головой.

Он вскидывал огромные рожца
И, как бесстрашный боевой горнист,
Вдруг начинал трубить, пугая листья,
И замирали ветви, каждый куст.

И только после действий этих сольных
Оленя-хора и сигнала его труб
Из-за зеленки тихо стадо гордых, вольных
Оленей диких появлялось вдруг.

А тундра наша сразу становилась
Живым, пушистым покрывалом на глазах.
Оно фырчало, плавно шевелилось...
И я горда: оно в моих руках!

Я не забуду пиршества природы
И рада тем, как в сказке я жила
Среди простого орочёнского народа,
Для нас родною первожданность та была!

Anzhela Muvchik

TAIGA CONCERT

I was born in a family of reindeer breeders
And wandered with shepherds since childhood,
I have greeted many sunrises:
There is nothing more beautiful in life!

And every morning, in the early dawn,
When the dew drops are shining in the darkness,
We climbed up through the branches to the tops of the firs
To look at wild reindeer through binoculars.

There is a small distance between us,
Just a hundred meters, I recall.
And these childish impressions and memories
I will recount, with bated breath!

And a forest concert began,
When the great leader came out.
His beauty and power was frightening,
My arm twitched, shivering.

But this was a wonderful vision –
On the stage of the glimmering taiga
The leader appeared, solemn, and handsome!
And his steps could not be heard.

Snorting with his enormous nostrils,
Steam clouds rose from him in the morning dew.
He stomped with his hoof on the taiga stage,
And shook his head with menace.

He spread his enormous antlers,
And like a fearless military bugler.
He began to hoot, scaring the leaves,
And the branches froze, every bush.

And only after this solo performance
Of the reindeer choir and his signal
From the greenery a herd of proud, free
Wild reindeer suddenly appeared.

And our tundra suddenly became
A living, furry rug before our eyes.
He snorted, it moved smoothly...
And I am proud: it is in my control!

I will not forget the feasts of nature
And I am glad that I lived in a fairytale,
Among the simple Orochon people,
For us it was our primeval home!

Зоя Новьюхова

ПАРАСКОВЬЯ ЭВИЕМ

Парасковья эвием,
Парасковья төпием.
Ма эвием, эвием,
Ма төпием, төпием.

Каркам ёш лув ши тайтал,
Вэрэң ёш лув ши тайтал.
Колхосэн лув рупитмал,
Хул вэлпэслэман вулмал.

Пайланэл нӧх павэтлимал,
Ар хӱл лӱв ши вэлдимал.
Ма эвием, эвием;
Ма төпием, төпием.

Колхос мисэт энмэлтал,
Ай мисэт лӱв ши тайтал.
Тус ёл лӱв па ши ёнтал,
Па няврэмлал энмэлтал.

Парасковья эвием,
Парасковья төпием.
Ма эвием, эвием;
Тӱпӱң Пана эвием.

Зоя Новьюхова

ПАРАСКОВЬЯ ДОЧЕНЬКА

Парасковья доченька,
Парасковья милая.
Моя дочка, доченька,
Моя милая доченька.

Быстрые руки у доченьки,
Трудолюбивые руки у доченьки.
В колхозе работала доченька,
Рыбу добывала доченька.

План всегда выполняла она,
Много рыбы добывала она.
Моя доченька, доченька,
Моя милая доченька.

Колхозных коров доила она,
Колхозных телят растила она.
Мастерицею была она,
Да детей растила одна.

Парасковья доченька,
Парасковья милая.
Моя дочка, доченька,
Моя милая доченька.

Zoya Novyukhova

PARASKOVYA, MY DAUGHTER

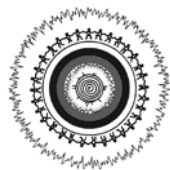
Paraskovya, my daughter,
Paraskovya, my dear.
My darling daughter,
My dearest daughter.

My daughter's hands are swift,
My daughter's hands love work,
My daughter worked at the farm,
My daughter caught fish.

She always fulfilled the plan,
She caught many fish,
My daughter, my daughter,
My darling daughter.

She milked the farm's cows,
She raised the farm's calves,
She was skilled in craft,
And brought up the children alone.

Paraskovya, my daughter,
Paraskovya, my dear.
My darling daughter,
My dearest daughter.

Иоанн Солованюк

ХААНУКУЧАҲ

Аңуналакан ханикучам илан хаанукучаҳ чукуд̃ал агакуҳ. Тааңаҳ ханим илан, хаанукучаҳ сугд̃анал акуҳ. Қас қалағиңис имунан укуҳтакуҳ. Қанайим инкам илан ағадағикуҳ, тааңаҳ хугназал, хаанукучаҳ қағатал хигичҳикуҳ. Ағадаҳ акитаҳ тин хигичҳиитул мас тузуңис укуҳтачхитул, қанаағиҳ амғиҳсикуҳ.

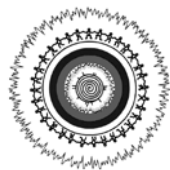
– Алкуман матал қайал хигичҳикуҳт? – қаадакучам чукуд̃ал амайаахтаку.

– Нусиң иниҳсиичхузал мас сугд̃анаачхузакуҳ! Тиң ағадакучаҳ укуҳтатукуҳ, – ңаан ’аанукучаҳ ачууғикуҳ.

– Киниҳ акуҳт? – амайаахтакуу. – Укалға алкус маҳт?

– Қаадакучаҳ акуҳ. Укалға анаң ама адаң аңағикуҳ, – қаадакучаҳ ачууғикуҳ.

– Тиң укалға агакуҳ. Акалугим слуган аңунал мас инте-
рееснал агаған ағикуҳ. Қалағил инте-
рееснал укуҳтана, нусиң
слуган қалағил агитааданиң анас. Ақадагуун танамаң хадаң
укутикуҳ.

Иоанн Солованюк

НЕРОЧКА

В небольшом озерке родилась маленькая нерочка. Вода в озере была чистая, прозрачная, нерочке было хорошо. Она видела вокруг себя много рыб, а когда на небе светило солнце, вода теплела и нерочка радовалась, прыгала. Она хотела допрыгнуть до солнца и показать всем, какая она красивая.

– Зачем ты скачешь так высоко? – спросил маленький гольчик.

– Мне очень весело и хорошо! Я хочу, чтобы меня увидело солнышко, – ответила ему нерочка. – А ты кто? – спросила она его. – Что ты здесь делаешь?

– Я гольчик. Живу здесь с мамой и папой, – ответил гольчик.

– А я здесь родилась. Но уйду в большой путь. Увижу много интересного, у меня будет много друзей. Потом я вернусь на родину.

Ioann Solovanyuk

THE RED SALMON

A little red salmon was born in a small lake. The water in the lake was pure and clear, and the red salmon was happy. She saw many fish around her, and when the sun shone in the sky, the water warmed up, and the red salmon rejoiced and began jumping. She wanted to jump up to the sun and show everyone how beautiful she was.

“Why are you jumping up so high?” a little loach asked.

“I’m very happy and feel good! I want the sun to see me,” the red salmon replied. “Who are you?” she asked. “What are you doing here?”

“I’m a loach. I live here with my mum and dad,” the loach replied.

“I was born here. But I’m going on a long journey. I’ll see a lot of interesting things, I’ll have a lot of friends. Then I’ll come back home.”

Олеся Хандыбина

АПРЭҢ ЁШЭП

Мўң Тэк куртэван ар веранты нэңат вӱсэт. Лый арсэр хӱнты пурмасэт хошсэт ёнтты. Мўң нэңиелав хошсэт сӱк кӱрытты, хӱншэт тунтын нюхартты, хурамэң хӱншэт ёнтты, хошум лӱматсух ёнтты.

Ин тӱм мўң куртэван вун хӱятэт антум. Тӱп айлат ёха вӱн хӱятэт элты йис пурмасэт хашсэт. Шций вантман мўң уша верлув муй тэк имилав ёнтмэл.

Ма рӱт нэңем Неттина Прасковья Тимофеевна вӱлтэл мӱр иса ёнтысыйӱс. Мўң хӱщева лўв ёнтум сухат вӱллэт. Ин мўң лыей шалитман тӱйладал.

Лув 1936-мит тӱлэн сэма питӱс хӱнты куртэн – Вуцрэн ов куртэн. Ащэл нэм Новьюхов Тимофей Андреевич, омэл – Новьюхова Мария Алексеевна. Яйлӱл-апшилӱл кўтэн лўв атэлт эви вулмал. Ширэн ай тӱлэн омӱла питӱс нӱттыя. Ёнтӱсты вунылтыӱс па яйлӱла-апшилӱла лумӱтсӱх ёнтты питӱс.

Ашколайэн вунӱлтыман ищи ёнтысӱс. Вунашӱк ювмалэн хӱнты хӱншэт ёнтты вунлтыӱс. Шци вуш элты ернаслал иса хурамаң ёнтсалӱ. Вӱлмал хўват морта йм ёл, тус ёл ёнтӱс.

Нэ па хӧ ернасэт, щашкан сӕхэт, ваит, сӕхэт, молщанэт иса ёнтыдыйӕс.

Щи тумпи тунты элты воньщупэт, хинтэт, йиңдат, сунэт верӕс. Тӧс хӕншэт йиңдал л нюхарсалӕ. Ин лув йиңаллан па онтупӕл музея Нягань воша вусайӕт.

Ин ернаслал па щашкан сӕхлал арсыр нэнатан тӕйлайӕт. Выставка верты пӧрайӕн щи пурмасэт хӧятӕта вантыты тӧт-лилайӕт. Яма ёнтӕстты, тӧса ёнтӕстты ёх олаңан путӕрлат «сорни ёшие». Куртӕван ин шимал хӧятат хащсӕт хӧй хош-мал ищиты ёнтты.

Олеся Хандыбина

МАСТЕРИЦЫ

В нашем селе Теги было когда-то много прекрасных мастериц. Они могли создавать удивительные вещи из различных материалов, умели плести из бисера, наносить на бересту орнаменты, украшать изделие узором, шить теплую одежду.

Сейчас у нас в селе, к сожалению, не осталось людей старшего поколения, поэтому для молодежи мы стараемся сохранить уникальные поделки, изготовленные нашими бабушками.

Моя родственница Прасковья Тимофеевна Неттина всю жизнь занималась шитьем. И сейчас мы бережно храним вещи, сшитые ею, с большим трепетом относимся к ним.

Тетя Пана родилась в маленьком селении ханты рода Новьюховых Вущрэнг ов куртын в 1936 году. Отца ее звали Новьюхов Тимофей Андреевич, мать – Новьюхова Мария Алексеевна. У своих братьев Пана была единственной сестрой, поэтому она помогала маме обшивать их. Так девочка потихоньку освоила это мастерство и самостоятельно начала шить родным одежду.

Шила она и в школьные годы. Платья, рубашки, хантыйские халаты, кисы, сахи, малицы – всё могла шить Прасковья Тимофеевна. Постепенно моя тетьа научилась вышивать хантыйские орнаменты по ткани и позже стала украшать свои платья узорами. Кроме того, тетьа Пана создала немало интересных предметов из бересты: емкости для сбора и переноски ягод, короба для рукоделия. Многие из них она также украшала хантыйскими орнаментами. Музей города Нягань и сейчас хранит берестяную люльку и два короба для рукоделья работы Прасковьи Тимофеевны Неттиной.

В наше время платья и хантыйские халаты тети Паны можно встретить на женщинах села Теги. Работы Прасковьи Тимофеевны часто демонстрируются в разных городах и селах на выставках по декоративно-прикладному искусству. Уникальные предметы, созданные золотыми руками мастериц-ханты, бережно хранятся в музеях и домашних коллекциях их родственников. К сожалению, в селе почти не осталось людей, которые умели бы так же искусно мастерить, как это делали когда-то наши предки.

Olesya Khandybina

CRAFTSWOMEN

In our village Tegi, there were once many wonderful craftswomen. They could create incredible things out of different materials, they could embroider with pearls, make ornaments on bark, decorate items with patterns, and sew warm clothes.

Unfortunately, today there are no people of the older generation left in our village, so for young people we try to preserve the unique articles made by our grandmothers.

My relative Praskovya Timofeevna Nettina sewed all her life. And now we preserve the items she sewed, and take very good care of them.

Aunt Pana was born in a small Khanty settlement of the Novyukhov family, Vurshreng ov kurtyn, in 1936. Her father was named Timofei Andreevich Novyukhov, her mother was named Maria Alexeevna Novyukhova. Pana was the only girl in the family, so she helped her mother to sew things for her brothers. Thus the girl gradually learnt this craft and began to sew clothes for her relatives herself.

She also sewed when she was at school. Dresses, shirts, Khanty gowns, pouches, sakhs*, parkas – Praskovya Timofeevna could sew anything. My aunt gradually learned to embroider Khanty ornaments on fabric, and later began to decorate her dresses with patterns. Additionally, Aunt Pana made many interesting items from bark: baskets to collect and carry berries, and chests for handicrafts. She decorated many of them with Khanty ornaments. The museum in the town of Nyagan has a bark cradle and two chests for handicrafts made by Praskovya Timofeevna Nettina.

Today you can see women in the village of Tegi wearing dresses and Khanty gowns made by Aunt Pana. Praskovya Timofeevna's works are often displayed in various towns and villages at exhibitions of decorative and applied art. Unique items made by Khanty craftswomen are held in museums and home collections of their relatives. Unfortunately, there are hardly any people live in the village who can work with the skill that our ancestors had.

* Sakh – women's winter clothing: a double fur coat of reindeer (squirrel, hare) hide, decorated with patterns and a fur mosaic.

Марина Эльтун

ГУЧКУЛИ

Гучкули боаи
Гучкули наи.
Дяримба дяриаи.
Голоду хисаңгои:
«Боаи – хэнинэ,
Боаи – рэнинэ».

Баян дуэнтэгуи,
Баян Маңбогои.
Дяримба дяриаи.
Голоду хисаңгои:
«Боаи – хэнинэ,
Боаи – рэнинэ».

Масини наондекансал,
Паксини арчокансал.
Дяримба дяриаи.
Голоду хисаңгои:

«Боаи – хэнинэ,
Боаи – рэнинэ».

Муруңку даняна,
муруңку дамана.
Дяримба дяриаи.
Голоду хисаңгои:
«Боаи – хэнинэ,
Боаи – рэнинэ».

Марина Эльтун

КРАСОТА

Красивая Родина,
Красивые люди.
Песню я пою
И народу говорю:
«Родина хэнинэ,
Родина рэнинэ».

Богатый лес,
Богатая река.
Песню я пою
И народу говорю:
«Родина хэнинэ,
Родина рэнинэ».

Сильные мальчики,
Умелые девочки.
Песню я пою
И народу говорю:

«Родина хэнинэ,
Родина рэнинэ».

Умные бабушки,
Умные дедушки.
Песню я пою
И народу говорю:
«Родина хэнинэ,
Родина рэнинэ».

Marina Eltun

BEAUTY

Beautiful Homeland,
Beautiful people.
I sing a song
And say to the people:
“Homeland khenine,
Homeland renine.”

Rich forest,
Rich river.
I sing a song
And say to the people:
“Homeland khenine,
Homeland renine.”

Strong boys,
Skillful girls.
I sing a song
And say to the people:

“Homeland khenine,
Homeland renine.”

Wise grandmas,
Wise grandpas.
I sing a song
And say to the people:
“Homeland khenine,
Homeland renine.”

ХИСАҢГО

Мэн хэсэдии эди оҥбоасу
Мэн хэсэдии хисаҥоусу
Хисаҥгоди, гисурэнди, дяринди
Тэлунгуди, намбоканди, ниңманди

Мэн голодии кайрандосу
Мэн голодии этэхиусу
Хисаҥгоди, гисурэнди, дяринди
Тэлунгуди, намбоканди, ниңманди

Мэн боаи улэсиусу
Мэн боаи гудесиусу
Хисаҥгоди, гисурэнди, дяринди
Тэлунгуди, намбоканди, ниңманди.

РАЗГОВОР

Свой язык не забывайте,
На языке говорите
В беседе, в рассказе и песне,
В легенде, в загадке и сказке.

Свой народ сохраните,
Свой народ сберегите
В беседе, в рассказе и песне,
В легенде, в загадке и сказке.

Свою Родину любите,
Свою Родину жалеите
В беседе, в рассказе и песне,
В легенде, в загадке и сказке.

TALK

Don't forget your language,
Speak in your language,
In talk, in story, and song,
In legend, riddle, and tale.

Preserve your people,
Protect your people
In talk, in story, and song,
In legend, in riddle, and tale.

Love your Homeland,
Pity your Homeland,
In talk, in story, and song,
In legend, in riddle, and tale.

Юрий Юхновец

АДЯРИЛИ АЯКЧАНАЛИ

Нимңакан

Билир-билир, окин урэл дуннэдут ачир бихитын, бирак-сол суңтал эндеритын, индерин со эңэхи Саман. Нуңан бэелвэ (эвэнкилвэ) авгарат овканыңкин, дюляски аят бидэтын бэлэчиңкин, эрувэ бээлдук ахаңкин.

Саманду хутэн биңкин, сома гудей хунади. Нуңан нюрик-тэлин коңнорикур, ңонимкур, дуннэмэклэ исивкил. (Эхакарин осикталгачир кильбэлядевкил) Эхакарин осикталва урэчэль, иктэкэрин иманнагачин багдарир.

Эрдэ, тар хунат мулэвки бирала, нерул мудук сиңинчавкил нуңанман ичэдэвэр. Киракар оллокор бира баргидалан хэтэкэрувкил нуңанман аят ичэдэвэр. Няңнядук дэгил хэргиски дэгивкил нуңанман аямамат адуладавэр. Бэйңэл секталдук сигинчавкил нуңандукин дивэнденэл (дивясь).

Эр Дулин Бугаду, умунду нульгиду, индечэль-бидечэль дюр акныл – бултамнил. Нуңартын сониңилвэ урэчэль бичэль. Акныл эңэсил омолгил бичэль, аял гиркил, бэркэл

бултамнил. Нуңартын дөготчорилду бэлэчиңкитын, булэ-
ңилдук дысутчэңкитын.

Умнэ, бултаденэл, акныл Саман бугалан эмэчэль, хунади-
нюнын бакалдычал, дюри нуңанман аявулчал. Хунат дюлан
эмэчэль, гунчэль: «Дюридук умунмэ эдыеви синмакал!»
Тар хунади мевандун аявун ачин бичэн. Арай нуңан инек-
тэрэн, омологхалду гунэн: «Эдылядям тар бэевэ ңи эңэхит-
мэр, бэркэтмэр, сиңкэчитмэр».

Эр инэңилду Саман хуңтул дуннэлдулэ хуручо, горолчо.
Дюр акныл Саман хунадидукин сугун эльчэль бирэ. Нуңар-
тын мэмэлыннюмэр гукчанмачилчал, ңи эңэситмэр, бэркэт-
мэр. Дюри акныл он-кат эңэтыл батта очал. Хунади-ка омоло-
гхалдук инектэдевки очан.

Он-ка акныл лягиматтэ, дюри кухиллэ. Анңани илтэнэн,
акныл-ка кухидерэ-кухидерэ-дэ. Тар кухиндуктын дуннэ
уркуврэн, урэл овра, бирал баргидалвэр сэммирэ. Кэтэ-кэ-
тэе бэйңэл авдулилья ачир эмэнмурэ. Биргэ-биргэ дэгилду,
бэйңэлду оран. Нуңартын Саманма гэлэктэнэрэ, бакара,
уңкилдыра акнылдули. Долчаттан эңэси Саман бэйңэлвэ,
дэгилвэ, сомат тыкуллан. Умун долбонили нуңан бугалави
мучуран.

Саман икэнми икэллэн, эвинми эвиллэн, бэлэчимнилви
эрирэн, дюри акнылва урэлди овканэн. Тадук саллэн Саман
хунадин буруйван, хутэви аихиывканэн. Аявуврин хутэн
урэт оран. Тар инэңидук Дулин бугаду чэрули оран. Бэй-
ңэл, дэгил дюлдулавэр мучура, аят биллэ. Умукин эмэнмухэ
Саман меванын энудери очан, тардук нуңан мэнын маңат
кадарит очан.

Эрдэлэ-дэ эвэнкил, нулгиденэл, Саман-урэлэ эмэв-
кил, анивуна эмэнылвил. Эвэнкил Саманма дёнчавкил, аяя
бээлду оналин.

Бикиттук Бэркэкилтук дюр урэл ичэвдерэ, нуңарватын
гэрбивкил Дюри Акныл. Тыкундярилгачир мэмэлдулавэр

ичэчивкил дюр урэл, эрдэт-тэ норчадавэр некэвкил хунадили – Аякчанали. Инэңитыкин Иеңнэ бихэнкилин тар урэлэ-Аякчанала ичэчивкил, дёнывкил легендава (нимҗа-канмэ, нимҗанмэ). Урэ-адяри Аякчана бэелду гунывки: «Аявуна ачин Дулин Бугаду эңнэт бирэ. Он-кат эңнэт».

Юрий Юхновец

ЛЕГЕНДА О СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ

Давным-давно, когда не было в нашей округе гор и текли большие полноводные реки, жил один всемогущий белый шаман. Лечил, советы добрые давал, отгонял злых духов.

И была у него одна-единственная и любимая дочь красоты неопикуемой. Волосы черные, как крыло у старого ворона, до самой земли доставали. Глаза, как две звезды, в темную ночь горели. Зубы белые, как снег на вершинах гор, сверкали. Как пойдет ранним утром за водой к ручью, так хариусы из воды высывались, чтобы полюбоваться прекрасной девушкой. А гольяны даже на берег выпрыгивали. Птицы с неба спускались, чтобы рядом пройти. Звери из кустов подглядывали.

А рядом, за одним переходом на оленях, жили два брата-охотника. Богатыри настоящие. Сильные были, дружные, работающие, в охоте удачливые, на врага смелые, с друзьями гостеприимные, руку помощи всем нуждающимся протягивали. Увидели они как-то красавицу, дочь шамана, и сразу влюбились в нее. Пришли к ней и говорят: выбирай, мол, кого-нибудь из нас двоих. Но не было любви в сердце гордой

красавицы. Только посмеялась она. Сказала, выйдет замуж за того, кто самый сильный, смелый и удачливый. А старый шаман уехал по делам своим далеко-далеко.

Между тем пропал покой у братьев. Стали они соревноваться меж собой. И не стало между ними той дружбы, угрюмые стали, друг на друга уже смотреть не могут. А красавице только этого и надо: смеется она. И как поссорились братья, случилось самое страшное – началась братоубийственная война.

Целый год братья дрались. От драки той горы образовались. Реки русла менять стали. Много в той битве невинных животных пострадало. Надоело это зверям и птицам. Побежали они к старому белому шаману. Пожаловались на братьев.

Рассердился могучий шаман. В одну ночь вернулся в родные края. Призвал своих духов-покровителей и превратил братьев-богатырей в две горы.

А когда узнал, что дочь его виновата в этой братоубийственной войне, усыпил ее, и превратилась она в Спящую Красавицу – гору. Успокоилось все в округе, птицы и звери вернулись обратно, но не успокоилось сердце у старого доброго шамана, от горя превратился он в священную гору. И с тех пор, когда кочуют эвенки, обязательно заезжают на Шаман-гору, оставляют подарок какой-нибудь, мол, помним тебя, старый шаман. Не забыли про твое добро, которое ты людям сделал.

А из поселка Беркакит можно увидеть две больших одинаковых горы. Называют их Два Брата. Сурово смотрят друг на друга, как будто кинутся сейчас опять в битву за красавицу. А на красавицу смотрят жители Иенгры. Спит она и как бы говорит всем: «Нельзя без любви на этой земле жить. Нельзя».

Yury Yukhnovets

THE LEGEND OF SLEEPING BEAUTY

A long time ago, when there were no mountains in our region and large rivers flowed, an all-powerful white shaman lived. He healed people, gave them good advice, and drove out evil spirits.

He had one daughter, of incredible beauty. Her hair was dark like the wing of an old raven, and reached the ground. Her eyes, like two stars, blazed in the dark night. Her teeth were white like snow on mountain peaks, and sparkled. When she went to the creek for water in the early morning, the graylings came out of the water to admire the beautiful girl. And the minnows even jumped on to the shore. Birds came down from the sky to walk next to her. Beasts looked from out of the bushes.

But nearby, just one pass away by reindeer sled, lived two brothers, who were hunters. They were true heroes. They were strong, friendly, hard-working, lucky in hunting, brave against their enemies, hospitable with friends, and they gave a helping hand to everyone in need. They once saw the beauty, the shaman's daughter, and fell in love

immediately. They came to her and said: choose one of two of us. But the proud beauty had no love in her heart. She just laughed. She said that she would marry the one who was the strongest, bravest, and most successful. And the old shaman had to travel far away.

Peace among the brothers was at an end. They began to compete with each other. And there was no longer friendship between them, they became morose and could not look at each other. And this is just what the beauty wanted: she laughed. And when the brothers quarreled, the worst thing took place – a fratricidal war began.

The brothers fought for a whole year. Mountains formed from that fight. Rivers changed their course. Many innocent animals perished in this battle. The beasts and birds grew tired of this. They went to the old white shaman and complained about the brothers.

The mighty shaman grew angry. That night he returned to his homeland. He called on his patron spirits and turned the heroic brothers into two mountains

But when he learned that his daughter was to blame for this fratricidal war, he put her to sleep, and turned her into the Sleeping Beauty, a mountain. Everyone in the land calmed down, and the birds and beasts returned to their homes, but the old kind shaman's heart was not at ease, he turned into a sacred mountain from sorrow. And ever since, when the Evenks wander, they climb the Shaman mountain, and leave a gift, to show that they remember the old shaman. They have not forgotten about the kindness that he showed to people.

From the village of Berkakir you can see two large identical mountains. They are called the Two Brothers. They look at each other sternly, as if they are about to fight for the beauty again. And the people of Iegnra look at the beauty. She sleeps and seems to say to everyone: “You cannot live without love on this earth. You cannot.”

ЖЮРИ ВТОРОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА «ГОЛОС СЕВЕРА»:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ:

Кривошапкин Андрей Васильевич, народный писатель Республики Саха (Якутия)

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ:

Ледков Григорий Петрович, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

Вейсалова Нина Глебовна, первый вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

Рудинская Вера Николаевна, писательница

Власова Екатерина Сергеевна, детская писательница

Яптунэ Раиса Пехедомовна, писательница, корреспондент службы информационных программ таймырского телевидения территориального отделения филиала ФГУП «ВГТРК» ГТРК «Норильск» в г. Дудинке

Зубов Сергей Федорович, директор Санкт-Петербургского филиала ОАО «Издательство „Просвещение“»

Иванова Эльвира Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена

Бельды Екатерина Николаевна, специалист отдела по работе с регионами Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

JURY
OF THE SECEOND LITERARY COMPETITION
“VOICE OF THE NORTH”:

JURY CHAIRMAN:

Krivoshapin, Andrei Vasilievich, national writer of the Sakha Republic (Yakutia)

MEMBERS OF THE JURY:

Ledkov, Grigory Petrovich, president of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North

Veisalova, Nina Glebovna, first vice-president of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North

Rudinskaya, Vera Nikolaevna, writer

Vlasova, Yekaterina Sergeevna, children’s writer

Yaptune, Raisa Pekhedomovna, writer, correspondent of the service of information programs of Taimyr television of the territorial branch of the Norilsk State Radio and Television Company in Dudinka

Zubov, Sergei Fyodorovich, director of the St. Petersburg branch of Prosveshchenie Publishers

Ivanova, Elvria Vasilevna, PhD in Philology, docent of the Department of Altaic Languages, Folklore and Literature of the Peoples of the North, Herzen Russian State Pedagogical University

Beldy, Yekaterina Nikolaevna, specialist of the Department for Work with Regions of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North

**ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА
ВТОРОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«ГОЛОС СЕВЕРА»:**

Беглова Евгения Егоровна – редактор Санкт-Петербургского филиала издательства «Просвещение», член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ

Гашилова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой палеоазиатских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ

Дедык Валентина Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры родных языков, культуры и быта Камчатского государственного территориального института развития образования, п. Палана Камчатского края

Заксор Любовь Жоржевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ

Иванова Эльвира Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ

Кудрякова Нина Семеновна – заведующая отделом фольклора и этнографии Таймырского Дома народного творчества, г. Дудинка Красноярского края

Пустогачева Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН

Рябчикова Зоя Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ

Солованюк Елена Ивановна – учитель алеутского языка и литературы, Камчатский край

Строгальщикова Зинаида Ивановна – кандидат исторических наук, председатель Ассоциации преподавателей родного языка и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Тарасова Марина Николаевна – учитель телеутского языка МБОУ «Бековская ООШ», Кемеровская область

Ултургашева Надежда Торжувевна – доктор культурологи, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, Кемеровская область

Чебоксарова Вера Евгеньевна – ассистент кафедры палеоазиатских языков, фольклора и литературы института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, член Санкт-Петербургского регионального отделения АКМНСС и ДВ РФ

Яптунэ Раиса Пехедомовна – лауреат литературного конкурса «Голос Севера», ведущий методист по ненецкой культуре, тележурналист ГТРК «Таймыр», редактор национальных передач, внештатный корреспондент газеты «Таймыр», Красноярский край

**EXPERT GROUP
OF THE SECOND LITERARY COMPETITION
“VOICE OF THE NORTH”:**

Beglova, Evgenia Egorovna – editor of the St. Petersburg branch of Prosveshchenie Publishers, member of the St. Petersburg regional department of RAIPON

Gashilova, Lyudmila Borisovna – PhD in Philology, professor, acting head of the Department of Paleoasiatic Languages, Folklore and Literature of the Institute of Peoples of the North at the Herzen Russian State Pedagogical University, member of the St. Petersburg regional department of RAIPON

Delyk, Valentina Romanovna – PhD in Philology, docent of the Department of Mother Tongues, Culture, and Customs of the Kamchatka State Territorial Institute for the Development of Education, Palana, Kamchatka Krai

Zaksor, Lyubov Zhorzhevna – PhD in Philology, docent of the department of Altaic languages, Folklore, and Literature of the Institute of Peoples of the North, Herzen Russian State Pedagogical University, member of the St. Petersburg regional department of RAIPON

Ivanova, Elvira Vasilevna – PhD in Philology, docent of the Department of Altaic Languages, Folklore, and Literature of the Institute of Peoples of the North, Herzen Russian State Pedagogical University, member of the St. Petersburg regional department of RAIPON

Kudryakova, Nina Semyonovna – head of Department of Folklore and Ethnography of the Taimyr House of National Creativity, Dudinka, Krasnoyarsk Krai

Pustogacheva, Oksana Nikolaevna – PhD in Pedagogy, Research Associate of the Department of Uralo-Altaic Languages, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences

Ryabchikova, Zoya Stepanovna – PhD in Philology, docent of the Department of Altaic Languages, Folklore, and Literature of the Institute of Peoples of the North, Herzen Russian State

Pedagogical University, member of the St. Petersburg regional department of RAIPON

Solovanyuk, Elena Ivanovna – teacher of Aleutian language and literature, Kamchatka Krai

Strogalshchikova, Zinaida Ivanovna – PhD in History, chairwoman of the Association of Teachers of Mother Tongue and Literature of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East

Tarasova, Marina Nikolaevna – teacher of Teleutian language at Bekovsakay high school, Kemerovo Oblast

Ulturgasheva, Nadezhda Torzhuevna – doctor of Cultural Studies, professor, head of the Department of the Theory and History of National Artistic Culture of Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo Oblast

Chebkosarova, Vera Evgenevna – assistant at the Department of Paleoasiatic Languages, Folklore, and Literature of Institute of Peoples of the North, Herzen Russian State Pedagogical University, member of the St. Petersburg regional department of RAIPON

Yaptune, Raisa Pekhedomovna – winner of the literary competition “Voice of the North,” leading methodologist on Nenets culture, TV journalist of Taimyr State Television and Radio Company, editor of national broadcasts, special correspondent of the Taimyr newspaper, Krasnoyarsk Krai

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

Атласова Эжана Ивановна, г. Якутск Республики Саха (Якутия).
Эвенкийский язык

Безносова Марина Валерьевна, с. Арка Охотского района Хабаровского края. Эвенкийский язык

Бельды Наталья Семеновна, с. Найхин Нанайского района Хабаровского края. Нанайский язык

Бетту Галина Алексеевна, п. Хантайское озеро Таймырского Долгано-Ненецкого района. Эвенкийский язык

Бибикова Елена Алексеевна, п. Ноглики Сахалинской области. Уйльтинский язык

Болотаева Олеся Левановна, Санкт-Петербург. Корякский язык

Вайзгун Дмитрий Николаевич, с. Кальма Ульчского района Хабаровского края. Нивхский язык

Вануйто Масне Вячеславовна, с. Яр-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык

Вершинина Ольга Михайловна, с. Сосново Приозерского района Ленинградской области. Вепсский язык

Гудан Евгений Павлович, с. Богородское Ульчского района Хабаровского края. Нивхский язык

Демина Любовь Николаевна, с. Угольное Верхнеколымского района, Республики Саха (Якутия). Юкагирский язык

Дечули Валентина Петровна, Хабаровский край. Ульчский язык

Дмитриева Светлана Валерьевна, с. Иенгра Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Эвенкийский язык

Дуткина Вера Александровна, Республика Саха (Якутия). Эвенкийский язык

Захарова Дарья Александровна, с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Хантыйский язык

- Канюкова Роза Ивановна**, г. Нарьян-Мар Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык
- Косыгин Кирилл Андреевич**, п. Палана Камчатского края. Корякский язык
- Кривошапкин (Киргэмбис) Михаил Васильевич**, п. Себян-Кюель Кобьайского улуса Республики Саха (Якутия). Эвенский язык
- Курусканова Изабелла Андреевна**, с. Турочак Турочакского района Республики Алтай. Челканский язык
- Лебедева Валентина Васильевна**, Санкт-Петербург. Вепсский язык
- Лелятова Ольга Владимировна**, с. Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Мансийский язык
- Лемжина Евгения Михайловна**, г. Белово Кемеровской области. Телеутский язык
- Мувчик Анжела Серафимовна**, п. Ноглики Сахалинской области. Уйльтинский язык
- Новьюхова Зоя Абрамовна**, с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Хантыйский язык
- Потапова Ирина Михайловна**, с. Челухоево Беловского района Кемеровской области. Телеутский язык
- Пяк Маргарита Откалевна**, с. Красноселькуп Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык
- Роганина Евгения Иннокентьевна**, г. Дудинка Таймырского района Красноярского края. Долганский язык
- Серасхова Эльвира Прокопьевна**, с. Питляр Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Хантыйский язык
- Слепцова Кира Андреевна**, с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Хантыйский язык
- Солованюк Елена Ивановна**, Камчатский край. Алеутский язык
- Солованюк Иоанн Николаевич**, Камчатский край. Алеутский язык
- Сулентьева Анна Егоровна**, с. Несь Заполярного района Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык

Сэротэтто Илья Владимирович, г. Надым Ямало-Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык

Тайборина Надежда Базыновна, г. Горно-Алтайск Республики Алтай. Челканский язык

Талеева Матрена Ивановна, г. Нарьян-Мар Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык

Тусида Светлана Ивановна, г. Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа. Ненецкий язык

Ферко Инна Николаевна, с. Чара Каларского района Забайкальского края. Эвенкийский язык

Хандыбина Олеся Вячеславовна, с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Хантыйский язык

Эльтун Марина Николаевна, с. Бельго Комсомольского района Хабаровского края. Нанайский язык

Юхновец Юрий Викторович, с. Иенгра Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Эвенкийский язык

Яковлев Геннадий Михайлович, Камчатский край. Алеутский язык

INFORMATION ABOUT AUTHORS AND TRANSLATORS

Atlasova, Ezhana Ivanovna, Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia). Evenki language

Beznosova, Marina Valerievna, Arka, Okhotsky district, Khabarovsk Krai. Even language

Beldy, Natalya Semyonovna, Naikhin, Nanai district, Khabarovsk Krai. Nanai language

Bettu, Galina Alexeevna, Khataiskoe Lake, Taimyr Dolgan-Nenets Region. Evenki language

Bibikova Elena Alexeevna, Nogliki, Sakahlin Oblast. Uiltin language

Bolotaeva Olesya Levanovana, St. Petersburg. Koryak language

Vaizgun, Dmitry Nikolaevich, Kalma, Ulch Region, Khabarovsk Krai. Nivkh language

Vainuto, Masne Vyacheslavovna, Yar-Sale, Yamalo-Nenets Autonomous District. Nenets language

Vershinina, Olga Mikhailovna, Sosnovo, Priozersk Region, Leningrad Oblast. Veps language

Gudan, Evgeny Pavlovich, Bogorodskoe, Ulch Region, Khabarovsk Krai. Nivkh language

Demina, Lyubov Nikolaevna, Ugolnoe, Verkhnekolymsky Region, Sakha Republic (Yakutia). Yukagir language

Duchuli, Valentina Petrovna, Khabarovsk Krai. Ulch language

Dmitrieva, Svetlana Valerievna, Iengra, Neryungri Region, Sakha Republic (Yakutia). Evenki language

Dutkina, Vera Alexandrovna, Sakha Republic (Yakutia). Evenki language

Zakharova, Darya Alexandrovna, Tegi, Berezovsky Region, Khanty-Mansiisk Autonomous District – Yugra. Khanty language

- Kanyukova, Roza Ivanovna**, Naryan-Mar, Nenets Autonomous District.
Nenets language
- Kosygin, Kirill Andreevich**, Palana, Kamchatka Krai. Koryak language
- Krivoshapkin (Kirgembis) Mikhail Vasilievch**, Sebyan-Kyuel, Kobyai ulus, Sakha Republic (Yakutia). Even language
- Kuruskanova, Izabella Andreevna**, Turochak, Turochak Region, Altai Republic. Chelkan language
- Lebedeva, Valentina Vasilievna**, St. Petersburg. Veps language
- Lelyatova, Olga Vladimirovna**, Saranpaul, Berezovsky Region, Khanty-Mansiisk Autonomous District – Yugra. Mansy language
- Lemzhina, Evgenia Mikhailovna**, Belovo, Kemerovo Oblast. Teleut language
- Muvchik, Anzhela Serafimovna**, Noglika, Sakhalin Oblast. Uiltin language
- Novyukhova, Zoya Abramovna**, Tegi, Berezovsky Region, Khanty-Mansiisk Autonomous District – Yugra. Khanty language
- Potapova, Irina Mikhailovna**, Chelukhoevo, Belovsky Region, Kemerovo Oblast. Teleut language
- Pyak, Margarita Otkalevna**, Krasnoselkup, Krasnoselkup Region, Yamalo-Nenets Autonomous District. Nenets language
- Roganina Evgenia Innokentevna**, Dudinka, Taimyr Region, Krasnoyarsk Krai. Dolgan language
- Seraskhova, Elvira Prokopevna**, Pitlyar, Shuryshkar Region, Yamalo-Nenets Autonomous District. Khanty language
- Sleptsova, Kira Andreevna**, Tegi, Berezovsky Region, Khanty-Mansiisk Autonomous Region – Yugra. Khanty language
- Solovanyuk, Elena Ivanovna**, Kamchatka Krai. Aleut language
- Solovanyuk, Ioann Nikolaevich**, Kamchatka Krai. Aleut language
- Sulentieva Anna Egorovna**, Nes, Zapolarny Region, Nenets Autonomous District. Nenets language

Serotetto, Ilya Vladimirovich, Nadym, Yamalo-Nenets Autonomous District. Nenets language

Tayborina, Nadezhda Bazynovna, Gorno-Altai, Altai Republic. Chelkan language

Taleeva, Matryona Ivanovna, Naryan Mar, Nenets Autonomous District. Nenets language

Tusida, Svetlana Ivanovna, Salekhard, Yamalo-Nenets Autonomous District. Nenets language

Ferko, Inna Nikolaevna, Chara, Kalarsky Region, Zabaikalsky Krai. Evenki language

Khandybina, Olesya Vyacheslavovna, Tegi, Berezovsky Region, Khanty-Mansiisk Autonomous District – Yugra. Khanty language

Eltun, Marina Nikolaevna, Belgo, Komsomolsky Region, Khabarovsk Krai. Nanai language

Yukhnovets, Yury Viktorovich, Iengra, Neryungri Region, Sakha Republic (Yakutia). Evenki language

Yakovlev, Gennady Mikhailovich, Kamchatka Krai. Aleut language

ГОЛОС СЕВЕРА

*Сборник произведений участников
Второго литературного конкурса
«Голос Севера»*

Главный редактор: *С. С. Белова*
Дизайн обложки: *В. Самар, Н. П. Дмитриева*
Корректор: *Н. М. Казимирчик*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка: *Г. А. Филичева*
Перевод на английский: *Саймон Паттерсон*

Подписано в печать 13.03.2020. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,25.
Зак. № 31. Тираж 200 экз.

ISBN 978-5-6042138-0-3

9 785604 213803

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина»
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

www.prlib.ru

VOICE OF THE NORTH

*Anthology of works by participants
of the Second literary competition
“Voice of the North”*

Editor: *S. S. Belova*
Cover design: *V. Samar, N. P. Dmitrieva*
Proofreader: *N. M. Kazimirchik*
Technical editing
and computer layout: *G. A. Filicheva*
English translation: *Simon Patterson*

Signed to print 13.03.2020. Format 70 × 100 ¹/₁₆.
Digital print. Offset paper. Printer's sheets 20,25.
Order № 31. Number of copies 200.

Publication prepared and printed
at the B.N. Yeltsin Presidential Library
3 Senatskaya Square, 190000 St. Petersburg

www.prlib.ru

